Наши достижения

ежемесячный журнал под редакцией М. Горького

2

1935

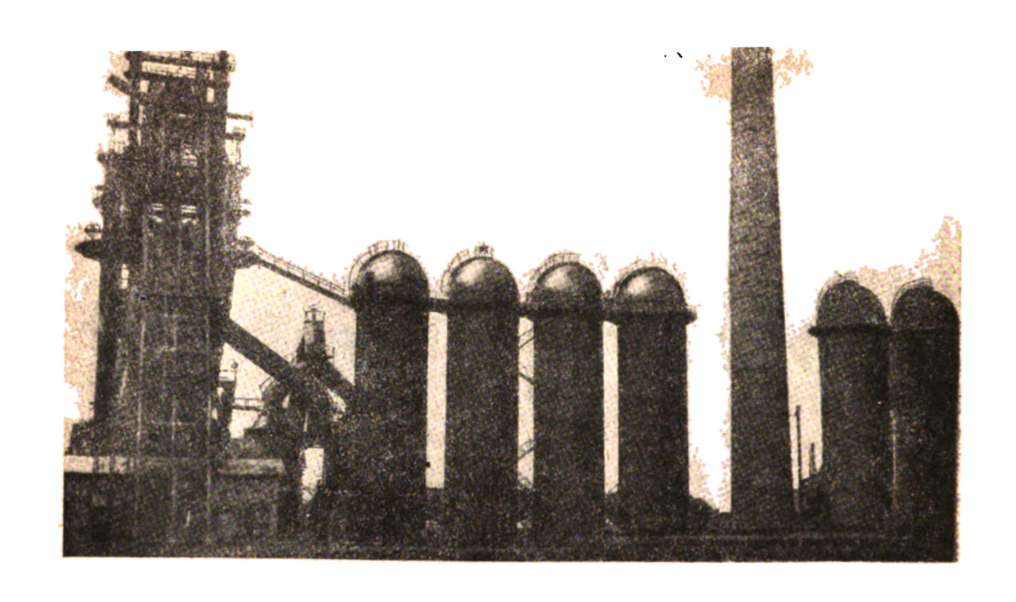
наши достижения

Ежемесячный
иллюстрированный
журнал
под редакцией М. Горького

2

Февраль 1935 г.

Государственное
Издательство
„Художественная
Литература“

Записки директора

С. Бирман

Декабрь 1932 года. Кабинет руководителя планового сектора Народного комиссариата тяжелой промышленности я променял на кабинет директора завода. Только что приехал в качестве директора на завод имени Перовского, тот самый завод, который я в августе 1931 года обследовал в качестве уполномоченного ЦК и Совнаркома и о котором, потом, в газете «За индустриализацию» опубликовал ряд статей с такими заголовками: «Великан, утопающий в грязи», «Как дошли до жизни такой».

Это тот завод, который все металлурги единодушно считают самым «тяжелым». Это тот старый Брянский завод, который выстроен его капиталистическими владельцами особенно безалаберно и бестолково. Это тот завод, который пользуется репутацией самого запущенного, самого грязного металлургического завода, по которому пешком ходить почти невозможно, по которому можно только «лазить», да и то людям, имеющим некоторые цирковые навыки.

Но главный порок этого завода — какой-то внутренний разлад, разобщенность, отсутствие связи между цехами. Каждый цех живет сам для себя. Нет той единой организации, без которой не может жить ни один завод, а особенно завод металлургический.

И все же, после беглого ознакомления с заводом в момент приемки я решил производством пока не заниматься.

Из пяти доменных печей завода за последние тринадцать месяцев — четыре капитально отремонтированы. По сводкам, завод обеспечен трехмесячным запасом руды и необходимым количеством известняка. Запас кокса, хотя и ничтожен, но коксом завод снабжает своя собственная коксовая установка.

Кроме начальника доменного цеха, доменщика и технического директора завода, имеется еще «специальный помощ-

ник главного инженера по доменному производству». Доменщиков таким образом на заводе достаточно для того, чтобы справиться с выполнением производственной программы. Бессемеровский и рельсобалочный цехи завода только месяц тому назад капитально отремонтированы — значит и они должны работать бесперебойно.

Неизмеримо хуже обстоит дело с заботами о живых людях. 35 000 рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода получают заработную плату с опозданием на полтора месяца. Продовольственное снабжение находится в отвратительном состоянии. В цеховых столовых кормят какой-то «бурдой» неопределенного цвета, запаха и вкуса. А между тем буквально в день моего назначения появилось постановление о создании ОРСов при крупных заводах, в том числе и при «Петровке».

Нужно немедленно заняться приемкой ЗРК и организацией своего ОРСа. А наследство безрадостное: финансовый развал, полное отсутствие оборотных средств, хищения, громадные убытки. Магазины завалены ненужным хламом, а того, чего требуют рабочие — нет. В столовых невыносимая грязь. Пригородное хозяйство в 8 000 гектаров не возвращает даже посеянных семян. Сезон заготовок истек, но ни капусты, ни картофеля не заготовили. В молочном хозяйстве, в которое вложено много денег,—сотни карикатурно тощих коров, от которых ни один рабочий завода ни одной капли молока еще не видел. Свиньи похожи на больших тощих собак.

Заводские квартиры требуют срочного ремонта. Общежития в неописуемо запущенном состоянии. Угля для отопления квартир и общежитий нет. А зима в полном разгаре...

При таких условиях трудно ожидать, чтобы рабочие работали как следует. И неудивительно, что дисциплина стоит на весьма низком уровне. Текучесть огромная: завод похож на проходной двор. Учет прогулов затемняется тем, что многие рабочие уходят, не беря расчета. А как раз недавно опубликован закон о прогульщиках, который нужно применить немедленно и со всей строгостью.

Мне ясно, что я ничего не добьюсь одними административными мерами, если не удастся в кратчайший срок создать перелом в тех материально-бытовых условиях, в которых живут на заводе люди. Чтобы требовать от рабочего дисциплины, нужно во-время выдавать ему заработную плату, нужно улучшить питание, улучшить квартирные условия.

План действия готов. Вызываю технического директора Ф. А. Лукашкова.

— Вот что, Федор Андрианович, — говорю ему, выслушав его подробный доклад о состоянии завода,— я пока в ваши дела вмешиваться не буду. Продолжайте руководить производством, а я пока на две-три недели займусь исключительно вопросами быта рабочих. Попытаюсь оздоровить финансовое положение завода, попытаюсь достать денег, подтянуть заработную плату, достать продовольствие, улучшить питание, отопить квартиры.

Наспех изучаю финансовое положение завода, чтобы найти источники для ликвидации задолженности заработной платы. Завод завален мертвым капиталом. Много тысяч тон отлитой не по анализу крупной мартеновской и бессемеровской болванки образуют целые горы, которые уже не помещаются на территории завода. Прокатный цех загроможден незаконченной продукцией, ибо учитывается лишь количество тонн прокатанного металла, никто не следит за превращением его в готовую продукцию, за отделкой, за сдачей его. На складах готовой продукции, много металла, прокатанного не только не по заказам, но без всякой нужды вообще. А себестоимость продукции лезет в стратосферу. Убытки завода огромны. Вот почему рабочие не получают во-время причитающейся им заработной платы.

Надо немедленно заняться мобилизацией всех этих мертвых ресурсов. Надо немедленно добиться крутого перелома в себестоимости. Немедленно покончить с убытками.

Но все это работа длительная. А рабочим надо платить сегодня. Поэтому восстанавливаю старые связи с банком, и добиваюсь финансовой помощи.

Приступаю к приемке ЗРК и к организации ОРСа. Фонды централизованного снабжения реализуются с большим опозданием. Завязываю связи для изы-

скания источников децентрализованного снабжения. Нужно во что бы то ни стало в кратчайший срок улучшить питание, оживить работу магазинов...

Но не долго удалось мне следовать этому плану действий. На четвертый день моего пребывания на заводе весь прокатный цех стал. Выясняется, что нет электроэнергии. Вызываю главного энергетика.

— Склады топлива пустуют,— сообщает мне главный энергетик. Ни одного фунта угля, ни высокосортного, ни малоценного нет.

— Как это угля нет?—Вот же сводка, сообщающая, что двухдневный запас угля у нас есть!

— Уголь-то есть, но он находится не на заводе, а на Кайдаках...

...Кайдаки — одно из бедствий завода. Оперативные цеховые склады тесны. Транспортному цеху вообще легче вываливать часть прибывающих грузов в открытом поле, в районе Кайдак, в трех километрах от завода. Это открытое поле и называется «запасным складом», там и лежит небольшой запас угля. О том же, чтобы перебросить его во-время к электростанции никто не подумал.

Больше того: доменный цех изо дня в день дает большое количество низкосортного топлива в виде коксового мусора и мелочи, отсеиваемых из кокса. Этот коксовый мусор загромождает доменный цех и мешает доменщикам работать. А транспортный цех не справляется с переброской его к котельной электростанции. И электростанция стоит из-за отсутствия топлива...

Я поневоле забыл о заработной плате, и о питании рабочих. Надо было действовать немедленно. Вызвал начальника транспортного цеха. Передо мной невозмутимый толстяк — старый специалист, инженер Ворсуль.

— Немедленно обеспечьте переброску в котельную всего угля с запасного склада и всего коксового мусора из доменного цеха. Доменный цех должен быть безукоризненно чистым, а электростанция должна сегодня же работать на полный ход.

— Это невозможно,— отвечает инженер Ворсуль.

И начинается пространное описание состояния транспортного хозяйства завода. Паровозов и вагонов нехватает, среди имеющихся паровозов и вагонов почти нет здоровых, все нуждаются в капитальном ремонте. Рабочих нехватает...

Безудержно льется спокойная речь инженера. Вижу, что здесь надо действовать другими средствами. Разговор надо прекратить. Говорю ему:

— Сейчас двенадцать часов. Через десять минут вы направите необходимое количество рабочих на Кайдаки. В два часа первый вагон угля должен быть погружен. В три часа он должен быть у котельной электростанции. В течение сегодняшнего дня вы должны перебросить первые сто тонн угля и столько же коксового мусора. Вот вам расписание погрузки и переброски вагонов по часам и минутам. В каждый из указанных здесь сроков вы обязаны лично докладывать мне по телефону о выполнении. Имейте ввиду: если в какой-нибудь из этих сроков не будет вашего звонка, я буду звонить вам сам. Ваша репутация и ваша судьба зависят от того, чтобы это расписание выполнялось в точности.

Ворсуль пыхтел, потел, но электростанция через три часа после этой беседы заработала, а вслед за ней заработал и прокатный цех. Но из директора завода, намеренного заняться вопросами заработной платы и рабочего снабжения, я превратился в диспетчера, который следил за каждым вагоном угля и коксового мусора.

Кстати забота о бесперебойной работе прокатного цеха была вместе с тем заботой и о заработной плате: основной источник доходов завода — это реализация конечной продукции, которую выпускает прокатный цех. Если прокатный цех стоит—никакие финансовые маневры не обеспечат своевременной выдачи заработной платы.

Не успели покончить с простоем прокатных станов, как обнаружилась новая болезнь завода: недостаток электроэнергии вообще. Баланс энергии для завода имени Петровского и для окружающих заводов («Петровка» отвечает за электроснабжение целого ряда окружающих заводов) оказался отрицательным. Это положение создалось при наличии одной из крупнейших гидроэлектростанций мира — Днепрогэса — на

расстоянии девяносто километров от завода,— при ничтожной загруженности Днепрогэса из-за отсутствия потребителей. Больше того: была готова линия высоковольтной передачи Днепрогэс — Днепропетровск и в основном готова понизительная подстанция около завода. И механизмы завода простаивали из-за того, что не была осуществлена передача и трансформация энергии с понизительной подстанции к цехам «Петровки» и к окружающим заводам.

Необходимо срочно взяться и за это дело. Возить уголь из Донбасса, когда под рукой огромная гидроэлектростанция—просто чудовищно. В экстренном порядке разрабатываются конкретные мероприятия, которые должны обеспечить в трехмесячный срок резкое увеличение забора электроэнергии Днепрогэса, полное покрытие потребности завода в энергии, а в дальнейшем полную замену своей собственной электроэнергии Днепровской. К 1-у апреля должен быть установлен и пущен новый трансформатор, который увеличит забор Днепровской электроэнергии сразу на 10 000 киловатт.

Но вдруг — новый, совершенно неожиданный удар: резкое ухудшение работы доменного цеха. На вопрос о причинах этого ухудшения доменщики отвечают, что нет руды.

— Как нет руды, когда по сводкам отдела снабжения мы имеем трехмесячный запас? — спрашиваю я недоуменно.

Оказывается, что руда находится в тех же злополучных Кайдакских «запасных складах» в трех километрах от завода.

Рудные эстокады доменного цеха «Петровки» отличаются особой теснотой. Они состоят из ряда маленьких закромов для разных классов руды под каждой печью, так что выгрузка руды в эти эстокады связана с необходимостью рассортировывать вагоны предварительно. Это значительно трудней, чем просто вываливать руду на Кайдаках. О том, чтобы перебросить эту руду в оперативные эстокады никто не подумал. Да это и не так легко, потому, что это означает новую дополнительную нагрузку совершенно развинченного транспортного хозяйства завода. Результат: руда есть, а руды все-таки нет. И загрузка доменных печей задерживается из-за того, что расстояние между печами и все более уменьшающимися запасами руды так растет, что катали не справляются с подвозкой.

Между тем температура опускается все ниже и ниже. Начинаются лютые январские морозы. Кокса в эстокадах тоже почти нет. Если вдобавок не будет еще и руды, мы неизбежно сорвемся.

Осуществление первоначального плана действий — заняться в первую очередь вопросами снабжения и быта рабочих— все более отдаляется. Мои диспетчерские функции расширяются: теперь уже надо следить не только за переброской угля и коксового мусора в котельную электростанции, теперь нужно организовать и переброску руды. Новые разговоры с инженером Ворсулем, невозмутимые реплики с его стороны, бурные с моей, новое расписание, и теперь уже каждый час поступает рапорт о погрузке, и о переброске руды. Но тем временем мороз усиливается и руда превращается в монолитную массу, которую приходится кирковать, кайловать, взрывать. И тогда выясняется, что отправка загруженных вагонов в эстокады задерживается лабораторией: в запасных складах сорта руды перепутаны, приходится делать новые анализы погруженной уже в вагоны руды, и вагоны стоят пока лаборатория не даст анализа. Три часа потратил на то, чтобы с работниками лаборатории придумать такой способ работы, при котором к моменту прибытия вагона в доменный цех можно заканчивать химический анализ.

Вся эта работа дает мне возможность выявить отчаянное состояние, чудовищную развинченность всего транспортного хозяйства.

Из девятисот вагонов завода, почти семьсот считаются больными, негодными для эксплоатации, нуждающимися в ремонте. Среди тридцати пяти паровозов почти нет здоровых. И эти паровозы и вагоны двигаются по огромной территории завода без руля и без ветрил. Никакого учета движения нет. Оборот одного вагона внутризаводского транспорта составляет около тридати шести часов. Тридцать шесть часов требуется в среднем каждому вагону от одной операции до другой! Прибывающие на за-

вод вагоны НКПС задерживаются бесконечно долго. Пытаюсь установить наблюдение за вагонами и выясняю случаи, когда поступающий из Донбасса вагон с углем от заводских ворот до цеха-адресата находится в пути двое, а иногда и трое суток. И это при остром недостатке каменного угля на заводе. Вообще отсутствие элементарной организованности в транспортном хозяйстве таково, что нужно удивляться, каким образом прибывающие на завод вагоны вообще доходят до места назначения и каким образом они в конце концов все-таки возвращаются к выездным воротам для сдачи НКПС.

Вот почему среднесуточные простои вагонов НКПС на заводе доходят иногда до тридцати часов, при норме в пятнадцать часов. Вот почему заводские дворы и цехи завалены мусором и хламом. Вот почему каждый начальник цеха на мой вопрос о причинах плохой работы его цеха начинает объяснения ссылкой на транспортный цех. Это из-за транспортного цеха возвышаются в доменном цеху живописные «кавказские горы» невывезенного коксового мусора. Это он повинен в том, что в мартеновских печах задерживается завалка из-за отсутствия жидкого чугуна, в то время, как доменный цех задыхается от его избытка. Это из-за него доменщики не могут наладить регулярного выпуска чугуна и терпят аварии. Устанавливаю, что иногда ковш с чугуном находится в пути из доменного цеха в мартеновский пять-шесть часов и в конце концов «замерзает». А это расстояние можно пройти за пять-шесть минут...

План действий опять расширяется: первейшая задача — привести в порядок внутризаводской транспорт, превратить его в налаженный аппарат, работающий с точностью часового механизма. Пока транспортный цех не будет работать исправно, и мечтать нельзя об оздоровлении работы завода в целом, о росте продукции, о порядке, о чистоте.

Но грянул гром. 15-го января — как раз месяц моей работы на заводе — ударили дикие морозы с сильным восточным ветром. Запас кокса в доменном цехе почти истощился, а коксовый завод, совершенно не подготовленный к зиме, сорвался совсем: замерзли бункера, замерзли механизмы углемойки. Доменный цех остался без кокса. Поступления извне нет, на путях НКПС тоже расстройство. Положение близко к катастрофе. Бывают моменты, когда под отдельными доменными печами кокса нет совершенно. Две печи остановлены совсем, остальные переведены на тихий ход. В Ленинский день — 21 января — выплавка чугуна падает ниже тысячи тонн. Резкое уменьшение выплавки чугуна срывает работу бессемера и мартена и кроме того уменьшает производство доменного газа, которым частично отапливаются котлы электростанции. Опять нехватка энергии и стоит прокатный цех. Запасы угля для мартеновского производства и для электростанции исчисляются часами.

Руда из Кривого Рога прибывает в совершенно смерзшем состоянии, работа по разгрузке превращается в мучение. А рабочие не имеют теплой одежды и плохо питаются.

В течение пяти дней не сплю совершенно. Держать весь руководящий персонал в состоянии мобилизованности, — сейчас основная задача. Личные обходы цехов для проверки этой мобилизованности несколько раз в сутки — днем и ночью — чередуются с непродолжительными пребываниями в кабинете для распределения топлива, для реализации мероприятий, намеченных во время обходов, для дачи распоряжений, увязывающих работу цехов между собою.

Морозы прошли, резко снизив выпуск продукции, но дали огромный опыт. Второй раз в такой переплет не попаду. Теперь за работу.

Начинаю с транспортного цеха. Прежде всего нужно сменить руководство. Инженер Ворсуль может быть и знает транспортное дело, но организатор он никудышный и, главное, ни во что не верит. Он проявляет какую-то изумительную изворотливость, когда нужно доказать, что мероприятия, проведения которых я требую, невозможны, и исключительную неповоротливость когда хотя бы один вагон нужно передвинуть с одного места на другое. Разговоры с ним изводят, утомляют и никогда никакого результата не дают. Нужно найти организатора, человека с волей и уверенностью в своих силах. Такой человек

как-будто есть: после недолгих колебаний, начальником транспортного цеха назначаю коммуниста Марушака, занимающего должность начальника жилищно-коммунального отдела, ничего общего не имеющую с транспортом.

В недрах транспортных секторов всех вышестоящих по хозяйственной линии инстанций поднимается форменный вой: «Бирман назначил «дворника» начальником транспортного цеха, Бирман развалит транспортное хозяйство завода».

Дело в том, что Марушак до жилищно-коммунального отдела был комендантом завода.

Но Марушак не развалил транспортный цех, разваленный его предшественниками, а поднял его на ноги. Вместе разработали программу оздоровительных мероприятий: систематический капитальный ремонт всех паровозов и вагонов, учет движения подвижного состава, маршрутизацию, введение расписаний. В основу всей программы легло то соображение, что в разных цехах, которые обслуживаются транспортом изо дня в день, в одно и то же время, происходят одни и те же операции. Следовательно нет ничего более простого чем прикрепить к определенным постоянно повторяющимся операциям одни и те же вагоны, соединить их в маршруты и заставить обслуживать эти операции каждый день точно в одно и то же время. Это создает ритмичность в работе, это дает возможность установить автоматический учет и контроль движения, это обеспечивает прикрепление людей к одним и тем же операциям, к одним и тем же вагонам и предохраняет вагоны от порчи, а главное, способствует организации суточного пробега вагонов и, тем самым, сокращению оборота вагонов до двадцати четырех часов.

Но осуществить эту программу можно было только при помощи новых людей. Поэтому тщательно проверили и обновили не только руководящий состав, но и среднее звено, организовали экзамены для проверки квалификации машинистов и курсы по ее повышению.

И, чтобы состав грузчиков не подвергался больше текучести, чтобы выгрузка не срывалась больше зимой из-за недостатка рабочих, сейчас же я наметил постройку образцового культурного общежития для рабочих транспортного цеха.

Вместе с «дворником» Марушаком удалось осуществить то, чего не удалось сделать с инженером Ворсулем. К осени 1933 года отремонтировали весь паровозный и вагонный парк и провели весь план организационных мероприятий. И весною 1934 года открыли первое новое общежитие для рабочих-транспортников — большой дом, заново выстроенный по гостиничной системе, с хорошо оборудованными комнатами, с такой культурной комнатой отдыха, о которой рабочие-грузчики и не мечтали раньше, с блестящей столовой, с душевой, через которую проходит каждый рабочий, возвращаясь с работы...

Если теперь, когда пишутся эти строки, старый завод им. Петровского изменился до неузнаваемости, если доменщики, мартеновцы, бессемеровцы и прокатчики дают продукцию в таком количестве, о котором еще год тому назад никто и не думал, то это произошло в первую очередь благодаря той огромной работе, которая в течение весны и лета 1933 года была проведена в области внутризаводского транспорта.

Мы привели в исправное движение кровообращение завода. Уже нет в доменном цеху гор коксового мусора: он убирается и вывозится транспортниками каждый день, точно, в одно и то же время. Маршруты, состоящие из номерованных вагонов, точно, в одно и то же время забирают рудную пыль. Ковши с чугуном находятся в пути от доменного цеха к мартеновскому несколько минут. Ковши с шлаком оборачиваются между доменным цехом и шлаковым откосом без малейших перебоев. Доменный цех получил возможность организовать выпуск чугуна по точному расписанию так, что чуть ли не часы можно проверять по этим выпускам. И блестящая чистота, созданная в ряде цехов, порядок, достигнутый на заводском дворе — прежде всего заслуга транспортников.

И когда в мае 1933 года я устроил совещание начальников производственных цехов для обсуждения хода производства и задал вопрос: «кто имеет жалобы на обслуживание транспортным цехом» — не поднялась ни одна рука.

Оздоровление транспортного хозяйства сыграло решающую роль в оздоровлении всего завода. Но это не было единственным организационным вопросом, которым в это время приходилось заниматься.

Не было дня без аварий. Не было дня, чтобы из-за непредвиденных обстоятельств, какой-нибудь агрегат не останавливался бы неожиданно. Вся жизнь завода складывалась из неожиданностей, и руководящий штаб завода вместо того, чтобы воздействовать на события, занимался их регистрацией, стараясь к ним приспосабливаться. И, как правило, в каждом случае, на мой вопрос о причинах неожиданного «происшествия», получается один и тот же ответ:

— Ремонт был произведен небрежно.

Бригады, производившие ремонт, работали без присмотра со стороны эксплоатационников и без сдачи отремонтированного агрегата, последним. А доказать после аварии, была ли она действительно вызвана плохим ремонтом или была последствием небрежной эксплоатации, никто не мог.

Нужно было заняться устранением возможности ссылаться на плохой ремонт. В марте 1933 года я разработал и объявил подробную инструкцию по проведению капитальных работ, капитальных ремонтов, по их сдаче и приемке. Инструкция предусматривала беспрерывное наблюдение за качеством ремонта, проверку готовой работы специальной комиссией и представление эксплоатационниками рапортов, которыми последние перед пуском агрегата доносили, что они принимают хорошо отремонтированный или хорошо построенный агрегат, что к строителям или ремонтникам никаких претензий нет и что впредь вся ответственность за состояние агрегата лежит на них самих. Только после получения рапорта я подписывал приказ, разрешающий пуск агрегата, и только после получения этого приказа начальник цеха имел право пустить агрегат.

Порядок этот был несколько сложным и многие жаловались на его бюрократичность. Но зато была проделана огромная воспитательная работа, результаты которой сыграли большую роль в работе завода. Внешняя часть этого порядка — писание рапортов, издание приказов — с тех пор отмерла. Но содержание его осталось и осуществляется: ремонты производятся строго по намеченному плану, агрегаты и машины останавливаются по плану, ремонты производятся тщательнейшим образом и ни одному начальнику цеха больше не приходит в голову, при любых «происшествиях» ссылаться на недоброкачественный ремонт. Если он принял недоброкачественно отремонтированный агрегат, то за это отвечает он сам...

Когда же мы установили для сталеваров премии за продолжительность кампании мартеновских печей между холодными ремонтами и развернули между ними соревнование, удалось добиться полного изменения стиля работы мартеновских печей. Еще в середине 1933 года, в мартеновском производстве основной заботой была не столько эксплоатация печей, сколько обеспечение их ремонтом. Печи выходили из строя и останавливались на холодный ремонт, как правило, уже после ста пятидесяти плавок, а зачастую даже после тридцати-сорока плавок. Из десяти мартеновских печей завода одновременно, как правило, работало только шесть-семь. Вопрос об обеспечении ремонтом превращался в форменную проблему, иногда совершенно неразрешимую. Бывало неоднократно, что вышедшие из строя печи подолгу стояли без ремонта, в ожидании каменщиков и огнеупорного кирпича. Обермастер каменных работ Волков целыми неделями не выходил из цеха, там и ночевал.

Теперь печи делают триста-триста пятьдесят плавок в одну кампанию и сталевары дерутся за четыреста-четыреста пятьдесят плавок. Есть печи, которые ремонтируются только два раза в год. Как правило, теперь работают одновременно девять печей, а иногда и все десять.

Но не только из-за ремонтов мы теряли сотни и тысячи тонн металла. Сколько раз еще весной 1933 года приходилось заниматься регулированием взаимоотношений между доменщиками и мартеновцами! Сколько раз бывало, что из-за отсутствия контакта между ними доменный цех посылал чугун на

разливочную машину в то время, когда мартеновцы нуждались в жидком чугуне, только потому, что начальники двух цехов никак не могли согласовать между собой расписание. Пришлось установить должность диспетчера мартеновского цеха в доменном цеху для регулирования отправок выпускаемого чугуна на отдельные мартеновские печи.

Сколько раз выпуск готовой стали задерживался из-за того, что не работал разливочный кран, из-за того, что не был приготовлен стальной ковш! Сколько раз слив чугуна в мартеновские печи задерживался из-за того, что чугунный желоб ухитрялись ремонтировать как раз в тот момент, когда он нужен был для слива чугуна, а не в остальные десять-двенадцать часов, которые протекали между отдельными плавками!

Теперь это уже пройденный этап. Но тогда этими мелкими вопросами приходилось заниматься каждый день. И эти «мелкие» организационные вопросы играли в жизни предприятия, в жизни каждого отдельного цеха не меньшую роль, чем самый сложный технологический процесс.

Май 1933 года.

Прокатный цех, начиная с апреля 1933 года окончательно и навсегда избавлен от простоев из-за недостатка электроэнергии за счет все увеличивавшегося использования энергии Днепрогэса. Мартеновский цех шаг за шагом улучшил свою работу за счет удлинения кампаний печей, за счет сокращения продолжительности плавок. Транспортный цех упорно и настойчиво осуществлял свою реорганизацию. Казалось, что недалеко то время, когда завод выйдет на широкую дорогу.

Но теперь «подкачал» доменный цех. Уже вскоре после моего приезда начала «шалить» домна № 2, пущенная после капитального ремонта всего только тринадцать месяцев тому назад. А работать печь должна четыре-пять лет.

Работа никак не клеилась. Выплавка происходила скачкообразно, количество чугуна в общей сложности медленно, но неуклонно снижалось. Остальные печи свою производственную программу — правда для сегодняшних понятий более чем умеренную, — выполняли и даже перевыполняли. Но домна № 2 все больше тянула вниз весь итог.

На мой вопрос о причинах такой работы домны, доменщики отвечали таинственным изречением:

— Печь потеряла профиль.

— Давайте все-таки выражаться точней и прежде всего по-русски, — предложил я.

Тогда доменщики притащили пусковой протокол, в котором было написано, что домна отремонтирована плохим кирпичом и вдобавок отремонтирована небрежно.

Таковы были «методы» работы.

Производится капитальный ремонт, стоящий миллион рублей, и люди хладнокровно подписывают протокол о том, что ремонт никуда не годится. Под протоколом между прочим стояла и подпись технического директора завода.

Кто может теперь доказать, правда ли это или нет. Ремонт ли плохой или печь плохо эксплоатировали?

Из самого плохого кирпича можно сделать хорошую кладку и самую прекрасную огнеупорную кладку можно сжечь неправильной эксплоатацией. Вероятнее всего здесь имело место и то, и другое, и третье.

Как бы то ни было, в конце апреля 1933 года — семнадцать месяцев спустя после капитального ремонта — доменная печь № 2 полностью потеряла огнеупорную кладку и считалась калекой. Ее горячий металлический кожух обильно поливали водой и вся домна была окутана густым облаком пара.

Ровно через месяц — в конце мая — ее «примеру» последовала печь № 1, пущенная после капитального ремонта всего полгода тому назад. Еще в середине мая она давала рекордные выплавки. Но уже в последних числах мая она начала «шалить», и в одном из очередных рапортов ночной ответственный дежурный по заводу сообщил мне, что на одной из фурм появился кирпич. Это был признак того, что рушится огнеупорная кладка.

Я вызвал технического директора.

— Дежурный ошибся, — говорит он.

А еще три дня спустя, обходя доменный цех, я заметил, что домна № 1 окутана такими же облаками пара, как и печь № 2. Все произошло с катастрофической быстротой: за несколько дней об-

рушилась вся огнеупорная кладка. Теперь из пяти доменных печей, две были выведены из строя.

Полгода моего директорского стажа истекло...

Начались дни невероятного напряжения. Две печи, поглощая изо дня в день огромные массы труда, руды, кокса, известняка, давали сплошной брак. А плохой чугун, кроме того, что не годен к использованию, отличается еще и тем, что «замораживает» ковши, образовывая в них огромные «козлы», из-за которых они преждевременно выходят из строя. Нарушается кругооборот ковшей и расстраивается работа здоровых печей из-за невозможности обеспечивать ковшами выпуска во-время.

Но и остальные печи не все были здоровы. Домна № 4, отремонтированная только летом 1932 года, еще тогда вскоре после ремонта потерпела прогар горна. Теперь образовалось загромождение горна, с которым доменщики никак не могут справиться тем более, что им очень много внимания приходится уделять пришедшим в негодность печам № 1 и № 2. Болезнь, как впоследствии выяснилось, не была неизлечимой. Но печь, имеющая крупный дефект, требовала особого ухода. Доменщики же, имевшие дело с двумя совершенно негодными печами, растерялись. Получилось как у человека, у которого болят два зуба, — кажется, что ноют и все остальные. Работа на двух негодных печах поглощала такое количество энергии, что ее не оставалось для обеспечения нормальной работы на остальных трех печах, одна из которых к тому же требовала кропотливого лечения.

И на всех печах фурмы горели «как спички», как выражались доменщики. Смена фурм — не очень желанная операция, даже в нормальных условиях, создается совершенно невыносимая обстановка, когда она производится часто. А фурмы горели так, что часть механического цеха пришлось переключить на изготовление фурм. Снабжение доменного цеха фурмами стало острой проблемой.

Работа в доменном цеху превратилась в сизифов труд. Вряд ли когда-нибудь, где-нибудь в доменном цеху люди работали так много, как летом 1933 года работали доменщики завода им. Петровского. И вряд ли когда-нибудь, где-нибудь столь огромная работа давала такие жалкие результаты. Люди измучились, работая до изнеможения. А количество выплавляемого годного чугуна равнялось почти нулю. Все мои финансовые планы рушились: себестоимость росла, и каждый месяц приносил новые убытки.

Если доменный цех плохо работает, он тянет за собой и весь завод. Из-за плохой работы доменного цеха, не давали должных результатов мероприятия по оздоровлению мартеновского цеха, который снабжался чугуном нерегулярно. Особенно страдал бессемеровский цех. Выплавка бессемеровского чугуна труднее, чем мартеновского и бессемеровский процесс более остро реагирует на малейшие отступления от правильного химического состава чугуна, чем мартеновский. Бессемеровский цех был капитально отремонтирован в октябре 1932 года, но произвели ремонт так небрежно и обращались с отремонтированным оборудованием так варварски, что из-за поломок, неполадок и аварий кранов, гидравлических подъемов и электровозов цех больше стоял, чем работал. Если же цех не стоял из-за аварий своего собственного оборудования, то стоял из-за того, что доменный цех не мог снабжать его подходящим чугуном. Дело доходило до того, что бессемеровский цех стоял целыми сутками.

Но если стоял бессемеровский цех, нечего было делать и рельсобалочному цеху, перерабатывающему бессемеровскую болванку.

А на селе виды на урожай улучшались. Заработок же рабочих из-за сплошных простоев падал. Началось массовое бегство из всех цехов, тем более, что только незначительная часть рабочих была обеспечена заводскими квартирами. Момент был критический. Снова угрожал полный развал завода, несмотря на уже проведенную огромную организационную работу.

Действовать нужно было решительно, настойчиво, хладнокровно. Нужно было добиться во что бы то ни стало разрешения на внеочередной капитальный ремонт доменных печей № 1 и № 2, капитально отремонтировать бессемер и рельсобалочный цех, сменить техниче-

ское руководство и пополнить рабочую силу.

16-го июля под заголовком «Решение ЦК по заводу им. Петровского выполняется неудовлетворительно» была напечатана специальная передовица «Правды». Секретарь Днепропетровского горкома Левитин, воспользовавшись этим, заявил, что в провале завода виноваты концелярско-бюрократические методы руководства, применяемые директором. Поставил вопрос — снимать меня или не снимать. Об анализе настоящего положения дел на заводе даже и слушать не хотел. ЦК КП(б)У впоследствии резко осудил эту линию.

В августе я добился присылки экспертной комиссии доменщиков Главного Управления Металлургической Промышленности и «Стали» для обследования состояния печей. Комиссия признала, что две печи пришли в совершенную негодность и их немедленно нужно поставить на капитальный ремонт. Состояние же домны № 4 было признано тяжелым и был разработан режим лечения ее.

В конце августа, получил разрешение остановить в октябре домну № 2 для капитального ремонта, а остановка печи № 1 должна была состояться после пуска печи № 2. На октябрь же был разрешен капитальный ремонт бессемеров и рельсобалочного цеха.

Немедленно развернули подготовительную работу для всех этих капитальных ремонтов. Они означали огромную нагрузку для всего завода, в особенности для вспомогательных цехов, и в первую очередь для механической мастерской. Упор с первого же момента был поставлен на качество. Вокруг качества мобилизовалась вся заводская общественность — партийные и профессиональные организации. Работников ремонтируемых печей включили в ремонтные работы для того, чтобы они имели возможность непосредственно заботится о качестве ремонта. Из их числа назначили и специальных инспекторов по качеству, которые должны были следить за кладкой каждого отдельного кирпича.

В середине сентября удалось разрешить вопрос обновления технического руководства. Вместо мягкотелого Лукашкова, техническим директором был назначен бывший главный инженер ГУМПа инженер Феленковский — энергичный, способный, решительный металлург и организатор. Одновременно был приглашен новый главный энергетик, инженер Гескин. Начальник мартеновского цеха был сменен уже раньше.

В октябре 1933 года приступили к осуществлению намеченного плана действий. Доменная печь № 2 была остановлена на капитальный ремонт. Таким образом боль одного «зуба» прекратилась. Печь № 1 одновременно перевели на выплавку ферро-марганца, так что работа и здесь сразу облегчилась. Освободившись от трудностей, связанных с работой на негодных печах № 1 и № 2, доменщики могли со всей энергией взяться за печь № 4, которую скоро удалось привести в работоспособное состояние. Остановка бессемера на капитальный ремонт дала возможность перевести временно все три печи на выплавку мартеновского чугуна, — задача значительно более легкая, чем выплавка бессемеровского чугуна. Объем работы доменного цеха временно уменьшился, работа облегчилась, и измученные доменщики вздохнули свободней. Они — впервые в течение года — начали выполнять производственную программу. Они начали чувствовать себя людьми. Возвращалась уверенность, бодрость.

Появилась надежда вскоре перейти в наступление.

Двадцать дней ремонтировался бессемеровский цех. По окончании ремонта его нельзя было узнать: всегда заваленный горами мусора цех, через который нельзя было пройти, превратился в образцовый участок завода. Из него вывезли несколько сот вагонов мусора. Оборудование было приведено в безукоризненное состояние. Старенькие, ветхие, архаические электровозы — источник вечных хлопот бессемеровцев — предстали в омоложенном виде: отремонтированные, освеженные, выкрашенные в зеленый цвет, они казались новыми. Все было покрашено, цех выстлан чугунными плитами. Для сохранения чистоты было применено простое, но остроумное мероприятие: к тележке, вывозящей отлитые болванки, прицепили небольшую вагонетку, которая после каждой плавки забирала весь мусор и все отходы, возникающие в результате плавки.

С тех пор бессемеровцам удалось сохранить образцовую чистоту своего цеха, работоспособность своего оборудования и работать без простоев. Они с каждым днем повышают выплавку стали, достигая цифр, о которых никогда и не мечтали.

В начале ноября появился новый начальник доменного цеха, принятый специальным постановлением ЦК ВКП(б) в члены партии, молодой талантливый инженер Коробов, член ставшей с тех пор знаменитой семьи Коробовых, — поистине «династии доменщиков».

И началась революция в доменном цехе. Во-первых, научились тому, что на заводе Петровского, на старом Брянском заводе, считали с покон веков невозможным: научились выплавлять хороший бессемеровский чугун. Это в немалой степени способствовало успехам бессемеровцев. Во-вторых, Коробов крепкой рукой начал водворять порядок и дисциплину. И в-третьих, — основной залог всех дальнейших достижений, — взялись за чистоту. Настойчиво и неуклонно начали убирать цех, который менял свое лицо не по дням, а по часам. Ломали ненужные будки и здания, разбирали ненужные, изъятые из эксплоатации старые воздухо- и газопроводы, вывозили мусор сотнями вагонов и повсюду покрывали пол чугунными плитами. Когда-то до невероятности тесный цех оказался чуть ли не просторным, светлым.

Начиная с октября, каждый месяц повышали, облегченную для начала перелома, производственную программу и эту, все время растущую производственную программу, месяц за месяцем перевыполняли. Коэфициент расхода кокса снижали почти до единицы. О горении фурм забыли.

В сентябре коэфициент использования объема доменных печей составлял еще почти 2,0. В начале февраля на XVII партийном създе т. Орджоникидзе обратился к металлургам с призывом — добиться коэфициента 1,22. В марте доменщики-петровцы уже добились этого коэфициента.

В конце января 1934 года доменная печь № 2 была готова к эксплоатации. Кладку провели настолько тщательно, что между двумя кирпичами нельзя было просунуть и бритвы. Старики-петровцы с восхищением следили за ремонтом: старожилы утверждали, что такой тщательности ремонта не видали еще никогда.

Только после того как комиссия, подкрепленная представителями общественности, снизу доверху проверила каждую мелочь, только после того, как убедились, что все до последнего гвоздя готово, что никаких «недоделок» не осталось, я дал разрешение пустить печь в эксплоатацию.

На следующий день остановили домну № 1. В рекордный срок — в полтора месяца — закончили и этот ремонт. Теперь мы уже научились ремонтировать не только доброкачественно, но и быстро.

К концу первого квартала 1934 года мы имели уже четыре здоровых печи и одну дефектную, но залеченную — № 4.

Одновременно продолжалась организационная работа и по-настоящему развернулась работа по улучшению материального положения и быта рабочих.

После опубликования постановления ЦК партии об угольном Донбассе была проделана громадная работа по проверке всей организационной структуры. До тех пор завод отличался громоздкой, многоступенчатой, организационной формой. Существовали три самостоятельных мартеновских цеха со своими начальниками и конторами. Над ними помощник главного инженера по сталеплавильному производству. Такие же три самостоятельные прокатные цехи с таким же помощником главного инженера. Помощник главного инженера по доменному производству. Помощник главного инженера по утилизационным цехам. Дежурные помощники главного инженера. Множество инженеров в конторах. Основные преимущества за работниками канцелярии. Вот картина начала 1933 года. Было похоже, что постановление ЦК было принято не по Донбассу, а по заводу имени Петровского.

Летом 1934 года произвели реорганизацию.

Ни за что не отвечающих помощников главного инженера упразднили, однородные цехи объединили под руководством начальников цехов, отвечающих непосредственно за работу всего

цеха. Ряд ненужных отделов упразднили. Свыше сорока работоспособных, знающих инженеров из канцелярий перевели в цехи. Свыше трехсот служащих сократили.

До сих пор за электрооборудование производственных цехов отвечали не начальники цехов, а электрический цех. Они вечно сваливали вину друг на друга: если электрооборудование «шалило», то начальники производственных цехов ссылались на плохую работу электрического цеха, а электрики на небрежное обращение эксплоатационников с электрооборудованием.

После длительного и упорного сопротивления производственников и этому положили конец. Заботы о состоянии электрооборудования и ответственность за него возложили на начальников производственных цехов. С уверенностью можно сказать, что простои из-за неисправности электрооборудования сократились в значительной степени благодаря этой организационной реформе.

Как бы не мешали стихийные события осуществлению моего первоначального плана заняться вопросами материального положения и быта рабочих, все же постепенно и этот план удалось проводить.

В первую очередь был подготовлен и проведен сев в пригородном хозяйстве Тракторный парк и машинный инвентарь путем мобилизации механиков завода отремонтировали во-время, привели в порядок общежития для рабочих пригородного хозяйства, а взамен недостающих рабочих не останавливались даже перед мобилизацией производственных рабочих завода, несмотря на исключительно тяжелое положение с рабочей силой.

И к концу лета мы могли похвастать приличным урожаем овощей. Пригородное хозяйство, которое в предыдущем году не возвращало даже посеянных семян, превратилось в серьезную продовольственную базу завода.

К весне коровы и свиньи приобрели приличный вид. Появилось молоко для рабочих. Лошади, подвешиваемые зимой на веревках, начали передвигаться на собственных ногах.

Для увеличения децентрализованных заготовок организовали в выходные дни прокатку проволоки сверх плана из недоливок мартеновских болванок, которые прежде переплавлялись в мартеновских печах.

Качество и калорийность пищи в столовых к весне резко улучшились.

К концу апреля 1933 года ликвидировали задолженность по заработной плате.

В старых общежитиях навели чистоту и порядок, но одновременно начали строить новые общежития. Первым долгом взялись за реорганизацию жилстроительства. Скоро был достигнут резкий перелом не только в отношении темпов строительства, но и в особенности в отношении качества. Пришлось искоренить мнение, что для рабочих можно строить дома кое-как. В течение года увеличили количество живущих в заводских квартирах и общежитиях рабочих и инженеров более чем на пять тысяч человек.

Кроме культурного общежития гостиничного типа для транспортных рабочих построили подобное же общежитие для каталей доменного цеха и для рабочих мартеновцев. В доменном цехе уже в ноябре 1933 года появилось новое солидное здание — санитарный комбинат с раздевалкой, душевой и большой культурной столовой. Старые, полуразбитые, грязные шкафы, которые валялись в цеху, где попало и перед которыми рабочие и работницы переодевались под открытым небом, ликвидировали. Грязные, темные, тесные конуры, которые прежде именовались столовыми доменного цеха, исчезли. И один цех за другим выстроил новые столовые. У проходных ворот, где во время смен тысячи рабочих ожидали поезда, трамвая или открытия ворот под открытым небом, под дождем, на морозе, построили большую культурную «ожидалку», где рабочие в теплом помещении могут выпить стакан чаю, почитать книжку, и посмотреть кино-картину.

Взялись не только за благоустройство поселка, но и за приведение в порядок заводских дворов. Там, где раньше «красовались» завали всякого хлама, появились просторные площади, асфальтированные дороги и клумбы, которые придали мрачному некогда заводу праздничный вид.

С большой любовью взялись сами рабочие за украшение и уборку цехов. Между цехами развернулось соревнование за лучшее оформление площадки перед цехом. Вырастали клумбы, фонтаны, самодельные бюсты...

Еще в начале 1933 года считали чуть ли не событием, если доменный цех выплавлял в день 1 800—1 850 тонн чугуна. Среднесуточная выплавка чугуна за февраль 1935 года — 2 435 тонн. А частенько суточная выплавка превышает 2 500 и даже 2 600 тонн.

За рекордный для завода им. Петровского 1930 год коэфициент использования объема доменных печей составлял 1.45, а за весь 1934 год в целом — включая первый квартал, который еще был кварталом оздоровительных работ, — 1.23. Но за декабрь 1934 года достигнут уже коэфициент 1,15, и когда я перед лицом Съезда советов дал тов. Орджоникидзе обязательство добиться в 1935 году среднегодового коэфициента 1,15, я уже опирался на фактический результат в этой области, достигнутый в декабре.

И доменщики откликнулись: за февраль довели этот коэфициент до 1,115 перекрывая данное на съезде обязательство.

В декабре 1932 года среднесуточная выплавка бессемеровской стали составляла 587 тонн. Это тогда считалось рекордом. За февраль 1935 года суточная выплавка бессемеровской стали составляет 913 тонн, а в отдельные дни превышает 1 000 и даже 1 100 тонн.

В первом квартале 1933 года мартеновский цех выплавил 65 000 тонн стали. В четвертом квартале 1934 года выплавлено 102 000 тонн и производство стали продолжает повышаться.

Еще в конце 1932 года считалось событием, если старый блюминг завода обжимал больше 100 болванок в смену. В январе 1935 года 160 болванок в смену считалось совершенно нормальным уровнем, и есть бригады, которые установили рекорды до 185 болванок.

Самый рекордный квартал по готовой прокатной продукции давал 106 000 тонн. В первом квартале 1935 года мы держим курс на 150 000 тонн. За январь фактически выпущено 50 000 тонн.

За 1934 год производительность труда выросла более чем на 20 процентов, себестоимость продукции снизилась более чем на 10 процентов.

Уменьшились резко текучесть и прогулы, до минимума дошло количество несчастных случаев.

При росте производства в общей сложности на 30 процентов, сэкономили 16 000 тонн топлива.

Вместо разобщенных цехов возник единый налаженный организм. Вместо враждующих между собой цеховых руководителей — сплоченный дружный технический штаб.

Вместо раздоров между административным и партийным руководством — тесная спайка внутри треугольника.

Параллельными путями, рука об руку, но не вмешиваясь в дела друг друга, работают директор, парторг и председатель завкома.

Рабочая масса преобразовалась. Появилось какое-то новое социалистическое любовное отношение к своему заводу, к своему агрегату, к своей работе. Это новые люди, для которых труд уже является поистине делом чести, делом доблести и геройства, люди, которые в ожесточенном соревновании друг с другом изо дня в день добиваются новых успехов, новых достижений.

Работа, проделанная в 1933 и 1934 гг. подготовила новое наступление 1935 года. Высокая организованность, достигнутая в результате этой работы, дала возможность с первого же дня нового года взять новые, боевые темпы.

Работая на тех же агрегатах, завод уже два месяца подряд перевыполняет свои производственные задания, и добился нового роста своей продукции на 30 процентов против тех же месяцев прошлого года.

три инженера

Н. Старов

Река Кандалеп скользит между скал. Скалы — голубовато-зеленые, укутаны хвоей и мхами. Тайга разбежалась по их хребтам.

Чаща, дичь — горная Шория, северные отроги Алтая. Река выплескивается в долину.

На обрыве стоит могила. Полуразрушена деревянная ограда. В рассохшейся рамке желтая фотография — пожилой франтоватый мужчина. В нитки вытянулись кончики усов, остро подстрижена небольшая бородка. Крахмальная манишка, черный сюртук.

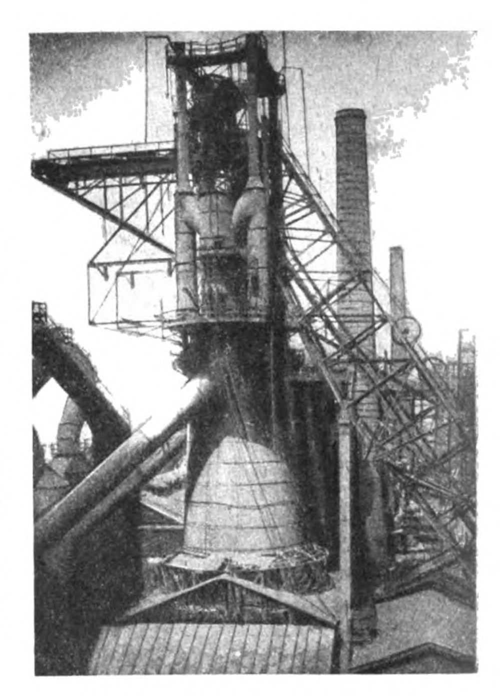
Человек смотрит недоуменно. Портрет диссонирует с окружающей обстановкой.

Товарищи знали иным легендарного доменщика Курако.
Он умер в 1920 году.

Безвременье застыло над степью. Белые отступили. Красные не пришли. Между армиями на магистрали в затылок друг другу на много верст стояли товарные, пассажирские, теплушечные поезда с погасшими паровозами, с замерзающими трупами, со скарбом бежавшего колчаковского воинства. По ту сторону пробки — молчали заводы, горы ненужного никому металла врастали в землю, коричневые от ржавчины, люди дрались за гнилую картошку, ели мышей и глину; по эту сторону золотой пшеницей откармливали свиней и строгали сохи из кедра кремневыми топорами. С деревянными плугами, с деревянными саблями, с деревянными пушками на санях бродили в тайге партизаны.

В деревянном городе Кузнецке доменщик умирал в сыпняке. Он метался и бредил железом. Он приехал сюда с железного Юга в деревянном Кузнецке строить завод, которому не было равного в мире.

Всю свою жизнь доменщик мечтал о таком заводе. Завода этого он не построил.

Домна № 2. Кузнецк — Союзфото

Его каштановая бородка свалялась в ком. Фиалковые глаза не мигали. Его обрядили в косоворотку, положили в сосновый гроб и унесли в тайгу.

Река Кандалеп скользит между скал. В сумерки видно с могилы — багровым заревом полыхает небо. Это выплескивают ковши со шлаком на Кузнецком заводе имени Сталина. Завод в три раза больше, чем тот, который думал построить покойный. Завод производит 10 процентов всего металла в Советском Союзе и 60 процентов рельсов.

Главой строительства был друг покойного и самый способный его ученик, теперь академик, Бардин.

Он седой, у него нависшие брови и угрюмая складка на лбу. Происхождение складки давнишнее. Всю жизнь свою он считал себя неудачником. Но улыбку счастья принесла революция. Эта улыбка была неожиданна. Эта улыбка была прекрасна. Бардин блестяще продолжил идею умершего легендарного доменщика. В деревянном Кузнецке он построил завод, которому нет равного.

Процесс производства здесь непрерывен. Из руды выплавляют металл. Неостывающие его потоки текут от домны до проката. Машины движут массы материи. Люди не прикасаются к ним.

Молодой человек идет по заводу. Его короткое кожаное пальто перехвачено тугим поясом. Его походка упруга, как у футболиста. Он проходит цеха насквозь. Иногда он останавливается, разговаривает с мастерами. Иногда он садится на корточки и внимательно рассматривает изложницу.

Он входит в директорскую приемную. Резким движением сбрасывает он галоши, кожанку, кепку.

Он открывает дверь в кабинет. Кабинет солиден. Вдоль стен полированые панели; резные кресла, обитые кожей; сейфы, ковры и зеленый стол с хрусталем добротных чернильниц, как и положено быть в кабинете директора такого завода.

В кабинете сидит народ. Инженеры. Среди них половина седых и седеющих. Молодой человек садится на председательское место. Неожиданным для него авторитетным баском он открывает техническое совещание.

Это — директор завода, инженер-металлург Константин Бутенко. Ему тридцать четыре года, он родился в начале века. Но слава его велика. Выстроенный завод он заставил работать нормально.

Отец его, Иван Бутенко, крестьянствовал и рыбачил. Жил он под Таганрогом в одном из хохлацких сел и лучше всех на селе владел искусством кулачного боя. В традиционных драках иногородних с казаками он всегда выходил победителем.

За рыбой охотились в половодье, в бурю. Напуганная штормом рыба массами лезла в сеть. Но льдом затирало рыбачьи ялики. Люди тонули. Другие неделями пропадали в море. Иван Бутенко однажды простыл, долго лежал на печке под всеми тулупами, что были в хате, кашлял и как-то под утро умер.

Это случилось в 1906 году. В 1906 году Константину, самому старшему из детей, исполнилось шесть лет. Он унаследовал от отца крепкие мускулы, взгляд исподлобья, способность работать с муравьиным упорством, смелость и первенство в драках. Он мечтал, как отец, рыбачить в море. В скорлупе ялика взлетать на пенных гребнях стихии, из зеленой волны вытягивать невод, как богатый кошель с серебром. Счастье мерещилось в этой волне, сумасшедшее счастье — избавиться сразу от нищеты и тупого труда.

В 1906 году Константин вместе с матерью работал в поле. Мимо, вздымая пыль, протарахтела парная бричка. В бричке сидел урядник и незнакомый человек с насмешливыми фиалковыми глазами. Человек был одет франтовато,— крахмальная манишка, черный сюртук, в нитки вытянулись кончики усов, коричневая бородка остро подстрижена. Урядник, подобострастно сидя на кончике кожаного сиденья рассказывал что-то приезжему, обводя горизонт нагайкой. Бричка умчалась к старому заколоченному дому в саду на пригорке.

На селе у крестьян глаза бегали беспокойно. Село взволновала неожиданная новость. В деревню вернулся барин после пятнадцати лет отсутствия. В барском доме зажглись огни. Чиновники с кокардами зачастили сюда на пыльных бричках. Крестьяне боялись взысканий за потравы и за порубки. С богатыми выгонами и сенокосами, которыми они все эти годы пользовались втихомолку, совсем не хотелось расставаться. Шопотом на селе передавались слухи о крестьянских волнениях в России. Дымом спаленных усадеб пахло от этого шопота.

И вдруг в барском доме опять на долго погасли огни. Снова исчез барин-чудак. Растерянные чиновники разводили руками, читая оставленные документы. Барин дарил беднякам-крестьянам усадьбу, землю, угодья, лес.

Много различных толков вызвал в деревне странный поступок барина. Священному праву собственности он бросил демонстративный вызов в наиболее острый момент. Ведь дым спаленных барских усадеб в 1906 году еще густо стоял над Россией. Богатеи соседи-помещики возмущались. Жандармские ищейки пошли по следу чудаковского благодетеля. Его схватили, отправили в ссылку. Собственность защищалась. Особенно рьяно проверялись межи. Дома огораживались заборами. Спущенные с цепей волкодавы рычали у крепких ворот на прохожих.

Портрет чабана

Наголов — крымский колхозник-чабан

Пушкин Милованов

Однажды Константин проходил мимо сада богатого казака. Наливные, спелые яблоки гнули книзу густые ветки. Казак приходился дядей Бутенкам. Но яблок Константин не ел. Он перемахнул через плетень. Дядя выпустил псов на племянника. На теле мальчика насчитали около сотни ран. Полгода он пролежал в больнице. Раны зажили, но он заикался.

Мальчишку считали погибшим. Все издевались над его недостатком. Он дрался и уходил в степь. Не смеялся один лишь учитель Лоленко. Он состоял под надзором полиции. Он глядел серьезно и зло.

Лоленко выучил грамоте заику. Константин оказался на редкость способным. За книгой он забывал заикаться. Он уходил на берег моря и, стараясь перекричать прибой, читал по печатному все, что попадалось ему под руку: хрестоматии, басни, обрывки газет, бакалейный каталог, Жюль-Верна. Он упивался впервые ровным тембром, полного, сильного голоса. Постепенно он перестал заикаться. У него появился густой басок, солидный, как у волостного писаря. Память была у него прекрасная. Богатеев он ненавидел.

Лоленко заметил эту черту. Иногда он давал ему тонкие книжки в красных и желтых обложках и наказывал прятать от всех. Таинственность увлекала. Константин глотал их разом.

Как-то под вечер Лоленко завел разговор с его матерью. Мальчика выслали из хаты, и, сквозь засиженное мухами стекло, он видел, как энергично тряс учитель своими длинными космами, в чем-то убеждая мать. А она утирала концом косынки слезящиеся глаза. Час спустя Константин узнал, что отправляется в Таганрог держать экзамен в ремесленное училище.

Он шел пешком. За плечами, в котомке лежали учебники, хлеб, рубаха, адрес родича и записка Лоленко к учителю Длугачу в Таганроге. Телеграфные столбы гудели. В такт шагам подросток пел.

Экзамен был выдержан на «отлично». Длугач улыбался довольный. Ему удалось добиться, чтобы Бутенко освободили от платы за право учения.

Но кроме учебы следовало кормиться. В городе были два завода — металлургический и механический. На металлургическом весовщиком работал родич Бутенко. Константин пошел туда.

Старый, грязный, полукустарный завод был отвратителен. Пыль, зной, дым, бесформенные горы скрапа. Подросток попал на литейный двор. Чугунщики в дымящейся робе, обжигаясь, приплясывая на горячем песке, грузили на вагонетки раскаленные чушки. Людей обливали из шланга водой, чтобы они не сгорели.

Подросток убежал отсюда. В училище, в начальной группе учили слесарному ремеслу. Дело это кропотливое, тщательное, Константину пришлось по вкусу.

Другой таганрогский завод — механический — недавно эвакуировался сюда из Ревеля. Были первые годы войны. Завод производил снарядные стаканы. Станки стояли прямыми шпалерами, — аккуратные и блестящие. Их шум был ритмичен и дружен. На заводе работали военнопленные чехи. Квалифицированные,культурные они держались на заграничный манер. Шли они на работу степенно. всегда были в свежих воротничках, вежливо поднимали кепки при встрече, вынимали из тумбочек ровно сложенные, чистые комбинезоны, инструмент раскладывали в порядке. Единой системой, единым режимом была проникнута их работа. Этот завод от металлургического отличался, как небо от земли. Бутенко нанялся к чехам подручным на монтаж револьверных станков. Он быстро схватывал и усваивал несложные наставления. Револьверный станок был первой машиной, с которой ему удалось столкнуться. Остроумие механизма, автоматически осуществляющего работу, заданную человеком, увлекло его. Чехи были довольны способным учеником.

В училище Длугач читал металлургию. В эмиграции, за границей он работал на металлургических заводах. Темпераментный, увлекающийся Длугач читал с огоньком. На его лекциях Бутенко видел перед собой эти заводы. Как были они непохожи на Таганрогский! Мощные машины разливали, хватали, тянули, плющили, двигали массы неостывающего металла. Непрерывный этот процесс подчинялся единой системе. В чистых кабинках, где кафельный пол, машинисты в галстуках, аккуратные, словно чехи, уверенно и неторопливо двигали рычагами. Машины обслуживали гигант-

ские агрегаты, в которых гудел ослепительный вихрь. Сосредоточенные мастера смотрели сквозь синие стекла: приборы отщелкивали свои показания. Из коричневых рудных масс, из толченого камня, из ржавого лома, из бесформенных скрапных лепешек рождался металл, из которого вытягивали рельсы, строили паровозы, и револьверные станки. Начало всех начал рождалось в ослепительном вихре.

Прекрасная память была у Бутенко. Лекции Длутача он знал наизусть.

В 1917 году Бутенко было шестнадцать лет.

Революция пришла в училище так: ученик Володя Булгаков, считавший себя анархистом-синдикалистом, явился в училище в красной рубашке.

Директор училища Оловягин беленький старичок в форменном кителе с золотыми пуговицами сделал ему замечание.

— Красным цветом в Испании дразнят быков,— сказал директор.— Пойдите домой и снимите рубашку.

— Не знал, что вы считаете себя быком,— отпарировал Володя.

— Не допущу вас к урокам — рассердился старик.

Слово за слово — разгорелся скандал, за скандалом последовало ученическое собрание, небывалое еще в истории училища. Когда избирали президиум, кто-то предложил Костю Бутенко. Первый ученик пользовался в училище заслуженной популярностью. Он не фасонил, не задавался успехами. Его избрали единогласно. Серьезный, невозмутимый, он прошел через актовый зал к двум составленным вместе кафедрам и взял огромный звонок из рук коридорного сторожа.

Володя Булгаков держал речь. Его огненная рубаха металась на кафедре. Он требовал отмены единицы и открытия для всех парадного хода. Ему аплодировали, как Бруту. Аплодисменты взорвали директора. Беленький старичок стал багровым, вскипятился, затопал ногами. Одна из блестящих пуговиц отскочила и покатилась звеня.

— Мальчишки, — закричал он, — требую немедленно разойтись. Распустите собрание, председатель!

Он апеллировал к первому ученику—гордости таганрогского ремесленного училища, к этому серьезному юноше, любящему систему, порядок и вежливость.

Костя Бутенко встал и, поднявши над стриженной головой коридорный колокол, заглушил его звоном крик.

— Гражданин Оловягин! — провозгласил он торжественно авторитетным своим баском, — прошу не перебивать оратора. Заседание продолжается.

Опешившего директора учителя взяли под руки и осторожно увели.

Через несколько дней неожиданно задали письменную работу. Бутенко написал, товарищи — нет. Класс не сдавал тетрадей. Учитель подошел к первому ученику. Учитель увидел, что он работал. Учитель протянул руку. Бутенко разорвал тетрадь.

В тот же день его исключили, но на следующий день забастовал весь класс. Бутенко приняли обратно. Во главе второй забастовки стал он сам. Причиной были интриги реакционных преподавателей против учителей-евреев.

Таганрог находился во власти всевеликого войска донского. За забастовку исключили весь класс. Тогда забастовало все училище. Класс приняли обратно, но полиция войска донского взяла у Кости Бутенко подписку о невыезде. Подписка пошла на пользу. Она избавила от мобилизации в белую армию.

Когда красные взяли Новочеркасск, двери Донского политехнического института были открыты для всех желающих. Бутенко явился сюда во главе таганрогских ребят из ремесленного училища. Они поступили в институт без экзамена. Бутенко поступил на металлургический факультет.

Тихий город Новочеркасск, где нет ни одного завода, атаманский Новочеркасск встретил «ремесленников» враждебно. Старшекурсники, еще вчера носившие погоны, травили новичков. Преподаватели издевались над ними.

В такой обстановке Бутенко стал председателем бюро пролетстуда. Он доставал общежития, организовывал столовую, клуб, кружки для неуспевающих, требовал и проводил сокращение программ.

Профессура его ненавидела. Металлург Вологдин называл его дерзким хохленком. Но Бутенко слушал его лекции внимательно и угрюмо.

После сдачи зачета профессор переменился.

— Чего же вы хватали меня за горло в академической секции — спросил он Бутенко, отмечая «отлично» в его зачетной книжке. — Зачем вам понадобилось резать программу, когда вы знаете больше, чем надо?

— Это не мне, — это нам понадобилось, — пробасил в ответ тот.

Профессор некогда был в эмиграции. Знал Длугача. Вместе с ним работал на заграничных заводах. Профессор встретился с Длугачем в Новочеркасске. Последний спросил его мнение о Бутенко.

— Дерзкий, но умный хохленок — ответил профессор, нахмурившись.

Хотя Бутенко и поступил на металлургический факультет, колебания его не кончились. Какую в будущем избрать специальность? Механика привлекала его попрежнему. На механическом факультете его также видели часто. Он успевал везде. Товарищи удивлялись его работоспособности.

Он жил в общежитии, получал шесть рублей в месяц стипендии. Практика выручала. На практике прикапливали денег на зиму.

На практику Бутенко попал в Сталинград. И здесь у мартеновской печи завода «Красный Октябрь» впервые стал на рабочее место.

Заправляли мартены вручную. Локтем закрываясь от жара, бросали в печь тяжелые лопаты, шуровали ломами вязкую лаву. Люди обливались потом, одежда их дымилась. Но Бутенко понравилось сталеварение. Понравился ему и прокат, хотя и там приходилось не нажимать на машинные рычаги, а, ухватив клещами раскаленную змею, мчаться, скользя по плитам.

Ослепительный вихрь гудел в печи. Но сквозь синие стекла по форме пламени, по характеру кипения лавы можно было прочесть весь смысл неведомых раньше процессов.

В 1924 году Бутенко поехал на практику на Коломенский машиностроительный завод. Хотелось проверить себя. Однако в механических цехах он не остановился. Он пробыл полгода в литейном. Он изучил искусство формовки. Увидел и понял в деталях, как из расплавленной жидкой лавы получаются, например, паровозные цилиндры.

Вопрос о будущем был решен. В 1925 году он посвятил себя домне. Ведь в этом аппарате уже не из скрапа и чугуна, как на мартене или в вагранке Коломенского завода, а непосредственно из руды получается металл. Летом на практику он поехал в Юзовку.

Он поступил газовщиком. В два месяца он научился греть каупера и стал присматриваться к процессу плавки.

Он увидел странные вещи. Работой печей безраздельно, полностью руководит обермастер Максименко. Все относятся к нему с глубочайшим почтением. Академик Павлов, отец русской металлургии, приезжая, подолгу говорит с ним. Он устанавливает режим, он изменяет его по своему усмотрению. Возле печи он диктатор. Главный инженер завода Лукашков, Кащенко — начальник цеха — имена, широко известные среди доменщиков — заискивают перед ним. Сменные инженеры выполняют его мелкие поручения.

— Это уж дудки, — думал Бутенко.— Такого конфуза со мной не будет. Он стал внимательно следить за тем, как работает мастер Максименко.

Отличительной чертой Максименко была исключительная выдержка. Когда ход печи расстраивался, Максименко не отходил от нее буквально ни на минуту в течение двух, трех, четырех суток подряд. Постепенно, последовательно и упорно налаживал он режим. Казалось, если домна будет капризничать месяц, он возле нее пробудет месяц. Он умрет у горна, но не уйдет.

Спокойными были его лицо, движения, голос. В самые отчаянные минуты в них не было тени растерянности. Он никогда не торопился и всегда успевал. Бутенко смотрел на него с восхищением. Он оставался в цехе вместе с мастером в период его трехсуточных бдений. Выдержка, знание дела до мельчайших его деталей — вот в чем была причина успеха мастера.

Максименко заметил в газовщике хорошую закваску.

— Ежели выдержишь, будешь доменщиком, — сказал он как-то, усмехаясь, и почесывая седые свисающие усы.

Он стал подолгу разговаривать с Бутенко, рассказывать о своих наблюдениях, накопленных полувековой практикой.

Память Бутенко впитывала, как губка. Вскоре он стал понимать приказания мастера с полуслова и уяснил себе секрет исключительно дружных действий рабочего коллектива юзовских домен. Всех рабочих Максименко выучил сам.

Максименко много и долго рассказывал о Курако. Бутенко и раньше не раз слышал это имя. Здесь он узнал о нем подробнее. Юзовка была гнездом куракинской школы доменщиков.

Здесь впервые Бутенко понял глубокую логику, такой странной на первый взгляд жизни легендарного доменщика.

Его отец, казачий полковник, крупный помещик из Таганрога, заботился о воспитании сына. Мальчик изучал философию, высшую математику, языки. Его собирались отправить в Лейпцигский университет. Неожиданно в день своего совершеннолетия он расквасил бутылкой голову французу-гувернеру и убежал из отцовского дома вместе с молочным братом, крестьянским пареньком. Он нанялся в Юзовке в доменный цех чернорабочим.

Шел 1890 год. На заводах Юга весь расчет был на мускульный труд — самый дешевый в России.

Помещичий сын работал каталем, уборщиком скрапа, чугунщиком. Он испытал на собственной шкуре тяжесть труда умерших профессий. Он работал двенадцать часов, задыхаясь в газу и зное, рискуя погибнуть от взрыва расплавленного металла, сгореть или выйти с завода калекой, как случалось с его друзьями.

Он жил в землянке, ходил в лохмотьях, золой присыпал ожоги, пьянствовал в кабаке, сносил издевательства мастеров-иностранцев, бесталанных, ничтожных и грубых, чувствовавших себя в России, как в завоеванном государстве.

Отец разыскал его через восемь лет. Он отказался уйти от домны.

Русских не допускали к ведению печи. Мастера говорили между собой по-французски, по-французски вели необходимые записи. Он знал язык, и его прогнали.

От французов он шел к бельгийцам, к немцам, к англичанам. Он хотел научиться плавить металл. Желание это почиталось опасным. Колонизаторы ревниво хранили свои производственные секреты. Любознательного чугунщика часто выбрасывали за ворота.

Американец Кеннеди — строитель Мариупольских мощных домен — первых домен американского типа на юге, оставил его у себя. Кеннеди единственный из иностранцев поощрял любознательность русских. Кеннеди выучил его и поставил горновым.

Через год горновой стал мастером, а еще года через два первым русским начальником цеха.

Домну он понимал на слух. Он восстанавливал в несколько дней печи, считавшиеся погибшими. Он расплавлял «козлы», которых никто никогда не плавил. Он вдвое взвинчивал эффективность работы доменных агрегатов. Он создал собственную оригинальную школу горновых, мастеров, инженеров, конструкторов, доменщиков-американистов.

В его квартире из восемнадцати комнат находились только кровать и книги.

Он любил угощать друзей. Товарищеские попойки были шумны, продолжительны, многолюдны. Профессор сидел здесь рядом со шлаковщиком.

Он пил стаканами спирт. Он говорил коротко:

— Доменщик должен любить одну только женщину — домну.

— Не тот инженер, у кого на лбу два золотых молоточка, а тот, кто за рубль сделает то, что дурак сумеет лишь за два.

— Намотай себе на ус, барбос, кто не работает ломом у печи, не дорастет до конструктора.

— Каким бы большим господином ты не был, никогда не воображай, что знаешь все.

— Постоянный режим — это азбука плавки. Печь должна итти ровно, так чтобы у горна можно было спать.

— Учитесь у американцев: чугунщиков на заводе нет, каталей нет, на колошнике — ни одного человека. Машины движут материальные массы.

Он сделался знаменит. Директора перед ним заискивали. Заводы переманивали его друг у друга.

Он ставил лишь два постоянных всегдашних условия: собственный штат, переделка печей — по методу Кеннеди — стальная броня, механизмы.

Он переходил с завода на завод, реконструируя старые домны, непрерывно обу-

чая людей. Его люди сидели в Енакиево, в Юзовке, в Краматорке, вытеснив отсюда невежественную шваль.

Однажды его обманули. Он выправил печи, а от перестройки, от реконструкции их правление отказалось. Русские рабочие руки, русская мужицкая кровь были дешевы. Хозяевам было невыгодно заменять эти руки машинами, ограждать людей от несчастных случаев.

Хозяева расплатились за это. Домны были потушены в первую забастовку. Утробы их были забиты козлами. Доменный мастер ушел рядовым в боевую дружину. Его большие мягкие руки одинаково крепко умели держать и лом горнового, и чертежный рейсфедер, и браунинг революционера. Его действия были логичны.

На прощанье он прокричал своей школе:

— Спешите учиться! Революция расправляется со старьем. Скоро русские рабочие руки перестанут работать за дешево, вам придется строить заводы, которые никому не снятся.

Когда революция была разгромлена, он ускользнул от жандармских лап. Он уехал на родину, притворился барином. В крахмальной манишке, в сюртуке, в вылощенном светском франте, никто не узнал бы доменщика. Он наследовал имение умершего отца и отдал его крестьянам.

Незнакомый приезжий в бричке, которого видел в 1906 году шестилетний мальчуган Бутенко, был знаменитый доменщик.

Жандармы все-таки сцапали его. Он снял крахмальную сорочку. В косоворотке узнали боевика из дружины. Его отправили по этапу в Вологду.

Он вернулся оттуда в Юзовку через семь лет.

В Юзовке встретил он Бардина. Бардин считал себя неудачником.

Он родился в нищете. Детство его протекало на свалках, в Глебучевом овраге, в Саратове.

С трудом доставалась простая грамота. Сына уличного фонарщика не взяли в гимназию. В ремесленном он не вылезал из двоек. Пришлось поступить в землемерное. До инженерных наук он добирался в обход, далеким, кружным путем. В Политехнический институт землемеров не принимали. Он поступил в сельскохозяйственный, изучал агрономию, химию пищевых веществ и сахарного производства, электрохимию, и, наконец, желанную металлургию.

Его несколько раз исключали и почти всегда «за компанию».

Бесправие разночинца, не имеющего ни денег, ни знатных родственников, он полностью испытал на себе.

Инженером-металлургом он стал в 1910 году. Он окончил отлично, но не имел диплома. Диплом с орлами, с печатями стоил десять рублей наличными, а у окончившего было в кармане всего лишь пять рублей.

Ни на один завод устроиться не удалось. Требовалась протекция, знание языков. Большинство заводов принадлежали иностранным банкам. Во главе сидели бельгийцы, немцы и англичане, они чувствовали себя как дома, они говорили по-русски.

Инженер-металлург занялся землемерными работами. Потом уехал за океан, в Америку. Но и здесь инженер-металлург работал сперва на сборке культиваторов, а затем чернорабочим в кузнице тракторного завода. На металлургический завод русского инженера не взяли даже шлаковщиком. Он поступил сюда вместе с неграми перетаскивать на прокате обрезки рельсов. На этой работе он получил острый невроз сердца, и больной вернулся назад в Россию. Его из милости взяли в Юзовку переводчиком в чертежное бюро. После своей заграничной поездки он разговаривал ломанно по-английски.

Здесь его встретил Курако.

— Не из Америки ваша шляпа?— спросил Бардина доменный мастер.

— Из Америки— ответил тот, снимая и вертя в руках уже поношенный широкополый стэтсон.— Из Чикаго, с завода Герри.

Курако просил рассказать подробнее. Бардин рассказывал, рисуя картину недавно возникшего величайшего в мире металлургического завода, о его мощных агрегатах, непрерывном потоке, предельной механизации, невольно сравнил завод с жалкой кустарной Юзовкой, считавшейся лучшей из тех «сокровищ», которыми обладала тогда Россия.

Курако помог сравнивать. Он подавал иногда короткие, наводящие реплики. Доменный мастер открыл инженеру смысл того, что он видел в Америке.

— Герри — будущее российской металлургии. Или на ней вообще можно поставить крест. Кто не вскочит на колесницу прогресса, будет раздавлен ее колесами.

Фиалковые глаза Курако глядели вперед далеко.

— Мы обязаны выстроить русский Герри,— закончил он.

Бардина он принял в доменный цех, к себе. Он выучил его прежде всего бороться, а не подставлять покорно голову под удары судьбы. «Судьбой» этой был политический строй. Курако понял это давно.

Война расстреливала металл десятками миллионов тонн. Заводы надрывались в хищнической военной гонке. Никогда еще мерзость капитализма не выступала в такой наготе. Но война же вызвала к жизни акционерное общество копей Кузнецка.

Глаза разгорелись у хищников. Курако соблазнил их возможностью построить в Сибири завод-гигант по типу Герри, дающий самый дешевый металл. Общество приняло его предложение, отвергнутое на юге, общество развязало мошну, но развязало ее с оглядкой, оно ограничивало масштабы завода, сокращало механизацию. Русские руки все еще были самым дешевым товаром в мире. Бледный от ненависти Курако грызся за каждый лишний болт. Но события разворачивались с поразительной быстротой. Царя уже не было. Адвокат Керенский расстрелял рабочую демонстрацию. Курако уехал в Сибирь накануне Октябрьской революции.

Акционерное общество копей Кузнецка исчезло с лица земли. Кровоточащие раны фронтов испещряли тело страны. Раны гноились. Разруха, голод... Безвременье застыло над степью. Колчаковцы отхватили Сибирь. Вскоре они бежали. Банды грабили города. Красные подходили все ближе. Курако улыбался. В деревянном городе Кузнецке он гнал проект, заставлял по шестнадцать часов работать взятых с собой инженеров. Он уже не стеснялся, он расширял его, он давно уничтожил первоначальные установки покойного акционерного общества. Его мечту не связывало ничто. Он торопился. На его глазах революция уничтожала старое, расчищая место для будущего. Он умер в разгар разработки проекта. В изголовьи его нашли членский билет № 1 Кузнецкой организации коммунистической партии большевиков.

Старик обермастер Максименко был молочным братом Курако, тем крестьянским пареньком, с которым Курако бежал из дому, с которым прошел весь путь до боевой, рабочей дружины.

Самым сильным из инженеров—представителей школы Курако на металлургическом юге остался Бардин. Он работал в Енакиево, он продолжал Куракинскую тактику реконструкции, постоянного обновления старых заводов, хватая за горло администрацию. Но с каждым новым днем бельгийский банк— хозяин завода, и раньше отнюдь не щедрый, теперь все менее охотно давал средства для капитальных работ. 15 миллионов прибыли принес завод банку за 1916—1917 год. Это было 50 процентов на основной капитал. Из этих денег бельгийский банк заводу не оставил ни гроша. В один прекрасный день бельгийская администрация бежала, захватив с собой все деньги, не уплативши долги, зарплату.

Нельзя сказать, чтобы Бардин был рад неожиданному обороту дел, хотя бегство бельгийской администрации поставило его во главе завода. Положение было слишком тяжелым. Запасы топлива и сырья истощались. Рабочие голодали, их требования росли. Старый хозяин ушел, новый еще не взял оставленное наследство. Вокруг гремела орудийная канонада. Снаряды падали на завод, разрушая пути, цехи. Наивные артиллеристы полагали, что на работающей домне, на единственной работающей домне во всем Донбассе несомненно находится наблюдательный пункт.

Работать в такой обстановке было тяжело. Инженерство ждало твердой власти, вспоминая о прошлом с большим сожалением.

«Твердая власть» пришла на завод в форме немецкого лейтенанта. Лейтенант вошел в кабинет главного инженера. Он приложил руку в перчатке к козырьку зачехленного шлема. Бардин взглянул на него изумленно. Клейн, бывший директор керченского завода, стоял перед ним в мундире немецкого лейтенанта. Некогда Бардин, студент, просил у него разрешения посетить завод, чтобы составить дипломный проект. Издевательски ухмыльнувшись, Клейн сказал, что русскому этой любезности он оказать не может.

Клейн тоже узнал Бардина, и знакомая усмешка вновь искривила его лицо. Он уселся за стол инженера с видом завоевателя, вскрыл ящики, сейф, обложился бумагами и с чисто немецкой тщательностью, придираясь к каждой цифре, составил список ценных материалов, сохранившихся на заводских складах. Утром эти материалы были вывезены с завода.

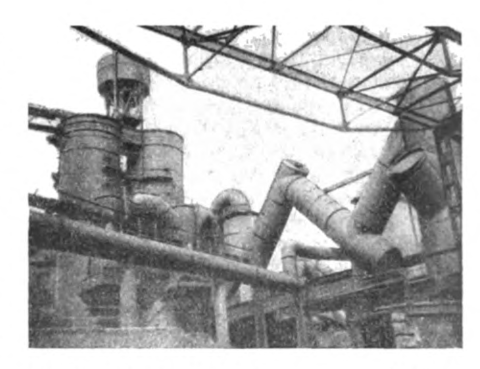
За немцами шли гайдамаки, за гайдамаками добровольческая армия. И те, и другие потрошили завод, грабили материалы и продовольствие, увозили станки, инструмент, а затем объявляли торжественно, что завод возвращается по закону прежним его владельцам. Доверенные бельгийского банка немедленно появлялись. Но вели себя несколько странно. Они тоже прежде всего интересовались не положением завода, а материальными ценностями на складах, которые можно продать. Странные эти хозяева были похожи на мародеров, обыскивающих труп. Стоило только Бардину заикнуться, что рабочим не плачено чуть не полгода, что на заводе нет сырья, доверенные махали руками испуганно:

— Что вы, что вы, у нас у самих...

Деньги, советские деньги, через фронт из Москвы привозили заводу большевики-подпольщики. Они же через фронт доставили Бардину письмо от Курако и образцы сибирского кокса из Кемерово. Они же спрашивали соображения инженера по поводу плана электрификации Донбасса. Этот вопрос детально обсуждался в Москве, несмотря на то, что Донбасс был отрезан. О грандиозных этих работах говорили подробно и много, как о деле ближайшего времени. Хорошо понял Бардин в этот период, кто является подлинным и законным хозяином завода.

Когда подходили красные, он удержал на заводе весь технический персонал. Он не дал никому уехать.

Сперва сквозь поселок промчалась конница. Тачанки исчезли в веселой пыли. На станции бронепоезд харкнул вдаль по бегущим отребьям добровольческой армии парой выстрелов. Зазвонил телефон, Бардина вызывал представитель Совнархоза. Бардин пошел на станцию. Часовые шагали у эшелона. На запасном пути стояли вагоны. Здесь в салоне, за зеленым столом, Бардин сделал

Газоп овод доменного цеха Союзфото

подробный доклад о заводе. Доклад стенографировали. Невдалеке еще постреливал бронепоезд.

Инженера не расспрашивали о материальных ценностях, которые можно продать, разговоры шли не о взятках добрармейским чиновникам, говорили о производстве, о том, как быстрее наладить завод, сколько нужно на это средств, хлеба, материалов. Небывалое впечатление вынес отсюда Бардин.

Красным директором был Межлаук. Культурный и тактичный он сработался с инженером скоро. В 1921 году завод выплавил уже 300 000 тонн. Это был первый завод в Донбассе, развернувший свою работу.

Впервые за тридцать семь лет Бардину «повезло». Он стоял во главе большого завода, руководил им решительно, смело, смело осуществлял один за другим свои былые проекты, реконструировал, обновлял оборудование, механизировал производственные процессы, и никто, никогда, ни разу не ставил ему рогаток, не напоминал о том, что в России дешевы рабочие руки, что невыгодно их заменять машинами. Широкую дорогу техническому прогрессу открывала новая эра. Бардин шел по этой дороге, неизменно осуществляя заветные принципы Куракинской школы, как победитель, как триумфатор.

В 1923 году он побывал за границей. Межлаук устроил ему командировку. Бардин был в Берлине, во Франкфурте-на-Майне, в Нюренберге, в Кельне, в Дюссельдорфе. Он видел заводы Манна, Тиссена, Круппа.

Странное впечатление произвела на него Германия. Невероятное падение марки, голод и лихорадочная работа. Жизнь сегодняшним днем, часом, минутой. Вперед не смотрел никто. Инженер пробирался пешком через кордоны союзных войск в оккупированных областях.

В Бельгии, в Англии он повстречал старых заводских знакомых. Кое-кто предлагал ему здесь остаться.

— Годика через два, возможно, в Париже снимете дачку. Жить у нас не плохо. Люди вашей квалификации зарабатывают прилично.

— Зарабатывают... А как работают?

— Работают ничего,— собеседники пожимали плечами.— Обычно, понемногу.

Но когда рассказывал Бардин о масштабах, об обстановке собственной своей работы, он видел, как у инженеров постепенно разгорались глаза. Они завидовали ему. Завидовали, что он имеет возможность работать в России.

Через несколько месяцев Бардин вернулся. Мировоззрение его созрело.

Он сделался знаменит, как доменщик высшего класса. Он восстановил Макеевку, на Дзержинке он выстроил печь, лучшую тогда в России, механизированную, мощную, идеальную по объему и профилю. Металлурги отовсюду, со всех концов страны приезжали любоваться красавицей. Студенты снимали с нее эскизы для дипломных своих проектов.

Среди студентов был Бутенко. Поездка на Дзержинку была для него завершением цикла экскурсий на заводы Юга.

Дипломный проект Бутенко профессор Вологдин назвал выдающимся. На заглавном листе работы было написано: «Переоборудование коксового и доменного цехов Таганрогского металлургического завода». На этот завод, внушивший ужас крестьянскому подростку, пришел инженер. Он рассмотрел завод по-куракински.

Получивши диплом, Бутенко поехал в Юзовку сменным инженером. Вместе с Бутенко работал Шкляр — молодой инженер мартеновец и прокатчик Гура — товарищи по таганрогскому ремесленному училищу и Новочеркасскому институту.

Бутенко и Гура жили вместе в одной комнате. В комнате стояла кровать и лежали книги. Все свободные деньги у молодых инженеров шли на покупку книг. Они громоздились на подоконнике, по углам, но кровать была одна. Инженеры работали в разных сменах. Когда Гура шел на работу, Бутенко ложился в теплую постель.

Трудно давалось искусство мастера. Непрерывно изучал Бутенко домны, их ход, капризы, методы Максименко — старого куракинца. Он проштудировал всю русскую литературу по металлургии. Он принялся за заграничную. Изучил немецкий, английский языки. Разговаривал отвратительно, но читать умел. Времени нехватало. Конечно, Бутенко и на заводе был председателем ИТС; ни одно начинание общественности не проходило без его участия. Он вел технические кружки. Он хвастался, что рабочие уже начинают понимать его с полуслова. Он говорил правду.

Он выучил Куплеватского — ныне мастера, знаменитого на юге, затем Моисеенко, Волкова. Волков и Моисеенко сейчас инженеры.

Времени нехватало. Бутенко сокращал сон. Он полагал, что, как Наполеон, должен спать не более четырех часов в сутки.

Наполеоновский режим он выдержал с неделю. Но потом начинал засыпать везде и всюду. Его приходилось будить.

Однажды, придя с работы, он пробасил:

— Дичаем... Беллетристики не читаем, в саду не гуляем, в театр ни разу носу не показали...

И они решили с Гурой на следующий день отправиться в театр. Побрились, заранее оделись, осталось двадцать минут. Гура начищал ботинки.

Когда он поднял голову, Бутенко спал. Накануне он соревновался с Наполеоном. Гура будил его всячески. Он за ногу стащил его с постели и возил по комнате — голова Бутенко колотилась о ножку кровати, об углы, о чемоданы, но он не просыпался.

Гура нашелся. Он вышел за дверь, постучал и сказал измененным тоненьким голоском, будто сторожиха:

— Константин Иваныч,— к телефону.

Эфект получился блестящий.

Бутенко поднялся, как лунатик, запинаясь, вышел за дверь, спустился по лестнице, снял трубку и гаркнул:

— Слушаю!

Ночные вызовы выработали определенный условный рефлекс. Гура бежал по лестнице и в восторге хлопал себя по бедрам. Бутенко, ни слова не говоря, прошел обратно и лег спать. Только когда Гура вновь попытался его будить он сказал глухо:

— Уйди, ударю!

В театр пошли на следующий день и, чтобы не заснуть, целый час бродили по улицам.

Трудно давалось искусство мастера.

Максименко на домнах диктаторствовал попрежнему. Попрежнему инженеры не смели сами устанавливать режим. Но Бутенко был уже не скромным газовщиком, а квалифицированным металлургом. С каждым днем он находил в режиме, которого придерживался Максименко, новые недостатки. Он продолжал уважать обермастера, но его недостатки видел. Максименко мог лишь поддерживать то, что преподал ему Курако,— на дальнейшие дерзания сам он не был способен. А Бутенко мечтал не только о ровном ходе печи, о хорошей работе обслуживающих ее механизмов, но и о последних американских показателях использования объема. Он пришел к выводу, что нужно увеличить дутье.

Когда Максименко уходил домой, а Бутенко дежурил, он тайком от других осуществлял свой метод. Предположения оказались верными. Смена Бутенко стала давать лучшие показатели.

В 1928 году Бутенко выдвинули помощником начальника цеха. Тогда он принялся осуществлять повышенное дутье открыто.

Максименко сопротивлялся. Максименко не привык, чтоб инженеры совались к печи. Он не мог понять выгодности режима Бутенко, сколько тот ему ни объяснял. В ответ он заладил одно:

— Даже Курако так не дул.

Но Бутенко был тверд. Максименко пригрозил уходом. Начальник цеха инженер Котов испугался и запретил Бутенко противоречить обермастеру, хотя сознавал, что Бутенко прав.

К счастью, Котова вскоре сменил молодой инженер Немцов. Немцов был старше Бутенко всего лишь на пять лет. Бутенко с Немцовым решили домны полностью взять в инженерские руки.

Немцов был дипломат. Он повел разговор с Максименко издалека.

— Раздражительный стал, утомился, поехал бы в отпуск, папаша. Несколько лет не был.

— Лукашков не отпустит,— вздыхал Максименко.

— Вот ерунда. Уедет Лукашков. Я за главного инженера останусь. Возьму и отпущу.

Максименко усмехался хитро. Он понимал прекрасно, что его собираются сплавить. Но Максименко слишком верил в себя и ничего не имел против того, чтоб проучить мальчишек.

— Пускай засыплются,— думал он.

По молчаливому сговору, лишь только Лукашков уехал, Немцов немедленно отпустил Максименко. Через час Максименко исчез.

Метод повышенного дутья — был применен во всю. Но неожиданно подвел кокс. Качество кокса было неровное. При прежнем медленном ходе домен это значения не имело. Сейчас печь села сразу. В тот же день приехал Лукашков.

— Что у вас?— спросил он Немцова.

— Печь № 1 в расстройстве— ответил тот.

— Вызовите Максименко.

— Максименко в отпуску.

Лукашков сел с размаху в кресло, схватившись за голову и замолчал.

Инженеры ликвидировали расстройство облегченной шихтой—простым, наиболее безболезненным способом. Через сутки печь выправилась, в то время как раньше ее лечили неделями.

Второе аналогичное расстройство печи было ликвидировано в течение двух смен.

Мастер Федорчук, ближайший помощник Максименко, только руками разводил. Он никогда не видел, чтобы печь лечили так решительно и смело.

По-старинному к ней бы надо сперва присмотреться. Но инженерам картина была ясна. Этого мастер не понимал. Коэфициент использования объема инженерам удалось понизить с 1,9 до 1,65 — цифры небывалой на заводе. Лукашков удивился.

Вернулся Максименко. Инженеры приветливо улыбались ему, спрашивали как отдохнул. Максименко грустно сидел возле домны, помалкивал и вздыхал.

Максименко стал скучать. Он говорил об этом.

— Печи идут ровно, расстройства редки, нечего мне тут делать. Пойду туда,

где во мне нуждаются. Но Бутенко и Немцов этому воспротивились. Максименко они ценили попрежнему.

Мастер послушался их. Он продолжал работать, но ведал уже исключительно мастеровским делом, смотрел за кауперами, за хозяйством домны. Он стал менее разговорчивым, ходил сгорбившись.

Как-то неожиданно загорелся газ на колошнике. Бутенко был возле печи. Он почему-то подумал, что оборвался конус загрузочного аппарата и бросился наверх. Он распахнул люк в подконусное пространство. Столб огня полыхнул оттуда. Конус не обрывался, печь подвисла и в тот момент, когда Бутенко открыл люк, села. Бутенко скорчился и упал на площадку.

Он очнулся в больнице на следующий день. У двери стояли два старика, два мастера — Максименко и Федорчук. Крупные слезы стекали по длинным усам Максименко, Федорчук утирал глаза. Мастера подмигивали и шептали ему странное слово:

— Метр...

Бутенко в жару не понял.

Лишь после, пошарив около, он нащупал под кроватью запечатанный литр водки. Тогда впервые Госспирт перешел на метрическую систему мер, и Бутенко узнал, о каком это метре говорил запутавшийся Федорчук.

Мастера приходили часто. Когда с Бутенко сняли повязки, Максименко просветлел. Розовая кожа проступала на обожженных местах лица больного, но шрамов не было, следов не осталось.

— Повезло,—сказал Максименко, хлопнув по плечу Бутенко. — У меня вот так же брат сгорел на колошнике. Выдержку надо иметь, терпенья тебе, голова, нехватает. Доменщику без выдержки как без воды; запариваются люди от этого. Печь-то раньше тебя поправилась.

Вскоре Бутенко смог работать. Попрежнему он с Немцовым придерживался повышенного дутья, но мелкие расстройства попрежнему постигали печь. Бутенко долго думал, как заставить ее итти ровно. Он решил, что кислые шлаки могли помочь. Но кислые шлаки новость для Юга. Юг всегда работал на основных. Немцов был сторонником этих шлаков. Бутенко поссорился с ним.

Ему удалось применить свой метод, только, когда Немцов ушел. После ухода Немцова, Бутенко стал начальником цеха. Он потребовал для себя полной самостоятельности. Он заново перестроил воздуходувку, добился хорошего качества кокса, иначе расставил людей. Почти все горновые, газовщики, мастера были его учениками.

Печь на 30 процентов увеличила производительность. Через месяц коэфициент использования объема снизился до 1,35, через три месяца до 1,27 и еще через три — 1,10. Такие цифры в доменной практике тогда еще не встречались.

Имя Бутенко стало известно. Доменщики приезжали советоваться с ним. Когда профессора Вологдина попросили прочесть на заводе лекцию, он сказал:

— Зачем я вам, — у вас Бутенко.

В 1930 году доменный цех Сталинского завода, единственный цех во всем Донбассе перевыполнил производственную программу. Секретарь ячейки предложил Бутенко подать заявление в партию. Жена у Бутенко была комсомолка, брат и тесть — члены партии. И Бутенко подал заявление.

В 1930 году Бутенко премировали заграничной командировкой. Он побывал на металлургических заводах Круппа и Маннесмана. За границей он попал в комиссию Пятакова, закупавшую оборудование. Зная, как туго приходится домнам из-за недостатка дутья, Бутенко выбирал наиболее мощные турбовоздуходувки. В комиссии кое-кто стал говорить, что мощные — дороги, что нужно бы заказать поменьше. Он поднял скандал и добился своего.

За границей Бутенко увидел, что такое система в работе. Часами простаивал он у домен и у мартенов. Горновые мастера не делали ни одного лишнего движения. Все у них было рассчитано. Спокойно выпускали чугун, не торопясь очищали канавы, подготовляли перевал, затем выпускали шлак, и к новому выпуску чугуна у них всегда было все готово.

На заводах не было дыма. Воздух был чистый, свежий. Доменный газ, газ от мартена утилизировали целиком. На каждом заводе был огромный газгольдер.

Газифицированный завод также отличался от негазифицированного, как электрический двигатель от паровой машины. Это была новая эра. Бутенко поклялся.

что газифицирует Сталинский завод. Он выполнил свою клятву.

Во время отсутствия Бутенко его заменял иностранный специалист Шапо. В доменном цехе Шапо угробил две печи.

Иностранцам тогда слишком верили. Считали, что все иностранцы — природные инженеры. Шапо к несчастью оказался лишь кадровым немецким офицером. Он не придерживался никакого режима, не следил за шихтой, за качеством кокса. Он командовал «Дуй в печь». Это был единственный его метод, и все семь месяцев он вел процесс с отчаянными осадками.

Максименко, рассказывая о его художествах, не позабыл уколоть Бутенко.

— Немец с тебя обезьянил. Дуй, командует, и никаких гвоздей.

Я ему кланяюсь, остепеняю, меня, говорю, ваш режим зарезал, а он меня гонит к чорту... как ты.

Бутенко убрал иноспеца. Но печам от этого не стало легче. Нужно было их ремонтировать. Разрешение на остановку недавно пущенных печей может дать только нарком, а ехать к нему никто не хочет. Директор отказался, технический директор категорически отказался. Отправился Бутенко.

Орджоникидзе стоял за столом, просматривая газеты. Он взглянул на молодое, покрасневшее лицо инженера и улыбнулся. Он по-товарищески крепко пожал ему руку.

— Так вот ты какой, Бутенко, — сказал он, — и даже без бороды. Слыхал о тебе. Садись. Чаю хочешь? Ну, что у вас нового?

Бутенко поперхнулся. Как сказать? Если бы прием был более официальным, он бы так не терялся. Но как сказать этому человеку, что сталинские домны стоят?

Наконец, он выпалил прямо:

— Разрешите остановить печь.

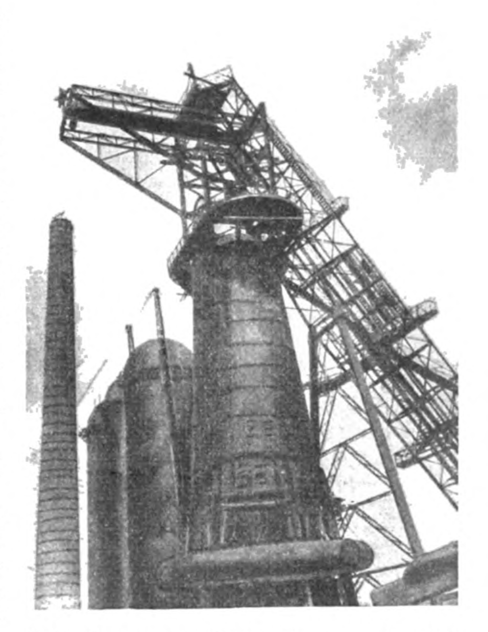
Сообщить наркому сразу о двух печах, о том, что они обе требуют ремонта, у Бутенко духу нехватило.

Серго настороожился.

— Почему?

Бутенко рассказал. Серго смотрел на него удивленно. Какой блестящий инженерный анализ собственного варварства.

Лишь к концу разговора выяснилось, что печь угробил Шапо. Бутенко забыл сказать об этом.

Домна «Комсомолка». Краматорск — Союзфото

Серго облегченно вздохнул.

— Ну, ладно. Переделывай как тебе нравится. Только отремонтируй быстро и хорошо.

Домну отремонтировали в двадцать семь дней. Печь пошла ровно. Но другая домна хромала попрежнему. Опять надо ехать к наркому.

Орджоникидзе возвращался из отпуска. Поезд остановился в Харцызске. Бутенко зашел в вагон. Нарком приветственно поднял руку. Он встретил Бутенко похвалами за быстрый ремонт печи и был неприятно разочарован новой просьбой о ремонте.

— Не щадите вы аггрегатов! — сказал он недовольно. Но все же разрешил остановить и вторую печь.

Бутенко вылез из поезда на Краматорской красный, но сияющий. Он дал наркому слово и сдержал его.

Через двадцать семь дней вторая печь тоже пошла нормально. Бутенко назначили на Енакиевский завод техническим директором. Это было в 1932 году.

В Енакиеве на технических совещаниях яростно обсуждался вопрос — сносить ли шестую печь или не сносить.

Практика показывала, что если работать пятью печами, можно получить те же 1 600 тонн чугуна. Транспорт, воздуходувка, все вспомогательные звенья, изношенные и запущенные, не справлялись с шестью печами.

К моменту приезда Бутенко все были убеждены, что шестую печь надо уничтожить, иначе ухудшатся коэфициенты. Даже управляющий «Сталью» Макаров готов был согласиться на это. Возражал только новый технический директор — Бутенко.

— Не всегда же мы будем работать поварварски, — восклицал он, — нужно не домну сносить, а чинить воздуходувку.

Ремонт был утвержден. Бутенко провел его зимой, ни на минуту не прекращая подачи положенного количества воздуха, работая без резерва. Когда ремонт был закончен, доменный цех в Енакиеве стал давать не 1 600, а 2 000, а затем 2 200 тонн чугуна в сутки. Столько завод не давал никогда!

После воздуходувки Бутенко взялся за транспорт, за бессемер, за прокат. К 1933 году завод давал продукции на 30 процентов больше, чем прежде.

В Енакиево приехал Орджоникидзе. Он посмотрел на Бутенко, на всех окружающих, и глаза его заблестели.

— Да знаете ли вы,—сказал он взволнованно, — ведь ваш завод самый молодой в Союзе. Кто у вас технический директор? Бутенко? Ведь он же совсем комсомолец. А Коробов — начальник домен? А Берлин — начальник бессемера? А Пятигорский? — Все родились в двадцатом веке.

Шел 1933 год.

Однажды Орджоникидзе вызвал Бутенко к телефону. Он сказал:

— Гвахария болен. Макеевка плохо работает. Мороз на дворе. К зиме не готовились. Поезжай, наведи порядок. Прости, что из отпуска вызываю.

Бутенко поехал в Макеевку. Гвахария дал ему личные письма к заводским инженерам. Они встретили Бутенко исключительно хорошо. Дружный, дисциплинированный коллектив выполнял беспрекословно все его распоряжения. С этим коллективом Бутенко совершил чудо.

Прежде всего он отремонтировал старую воздуходувку и выстроил новую, оборудование для которой сам заказывал в бытность свою за границей.

Воздуходувку пустили к февралю. Макеевка стала давать 2 300—2 400—2 700 тонн. Она опередила все заводы.

Довольный Бутенко поехал в Москву на съезд прокатчиков.

Был день отдыха. Делегаты в гостинице подсчитывали балансы металла, готовились к выступлениям.

Орджоникидзе вызвал Бутенко к телефону.

— Вот что, возьми ребят и езжайте ко мне на дачу.

Приехали к обеду. Сперва было несколько чинно, потом, когда выпили и поели, заговорили все. Говорили о работе заводов, об американских показателях. Серго смеялся, с ним кто-то спорил. Бутенко вспомнились студенческие пирушки после практики, когда у каждого было чувство хорошо исполненной большой работы. На этих пирушках каждый стремился всем рассказать о своих впечатлениях от завода, на котором работал.

Орджоникидзе включил Бутенко в комиссию инженеров, которая отправлялась в Кузнецк. Возвратясь оттуда в мае 1934 года, Бутенко сделал наркому доклад. Орджоникидзе подробно расспрашивал, что за люди сидят в Кузнецке, как регулируют печи. Бутенко рассказал: технические неувязки, — то домны стоят, то мартен чугуна не берет, а разливочная машина одна. С коксом скверно, системы нет, доменщики работают плохо.

— Ну, ладно, — сказал нарком. — Поедешь туда главным инженером.

Бутенко опешил.

Серго помолчал. Он думал. Потом сказал.

— Нет. Директором поедешь.

— Я директором никогда не работал...— взмолился Бутенко.

— Не работал, так будешь работать, — ответил Орджоникидзе.

Бутенко поехал в Кузнецк. Поезд идет туда четверо суток. На Кузнецком заводе временно исполнял обязанности директора акад. Бардин — душа Кузнецкстроя, проектировщик его и строитель.

В 1929 году он уехал с юга в Сибирь. Проблема Урало-Кузбасса притягивала его. Мечты о русском Герри могли осуществиться — сокровеннейшие мечты давно умершего легендарного мастера.

Под Кузнецком, в тайге, с трудом Бардин разыскал могилу Курако. Он под-

нял упавший на землю портрет и бросил цветы на холмик.

Он перелистывал разрозненные листы куракинского проекта. Проект отстал на десять лет. Завод, который приехал строить Бардин, должен был быть втрое мощнее, чем полагал Курако.

На лошадях ночью и днем Бардин носился через тайгу. Он осматривал угольные шахты, коксовые установки, разведочные шурфы, старинный заводик в Гурьевске, песок, гравий, камень, глины, воду, лес. Металлургический завод — не замкнутое дело. Это целый сложный комплекс. Здесь должен возникнуть огромный промышленный район. Бардин мчался в Новосибирск, в Москву, в Ленинград, докладывал, требовал, убеждал. В ответ на его поездки в Кузнецк, в Томск, в Гурьевск, стекались люди, конструктора, инженеры, чертежники; геологи, нивеллировщики бродили в тайге. Началась разработка проекта. Плотники рубили бревенчатые бараки. Взрывались скалы по трассе железной дороги на рудники. По площадке ползли экскаваторы. Тысячи грабарей возили из котлованов землю.

Проект возбуждал дискуссии. Возникали ненужные варианты. Никогда не работали люди в таких огромных масштабах. Они изумленно раскрывали рты и в сомнении чесали затылки. Проект проверяли в Америке. Американцы вносили много всяческих изменений — нужных, ненужных, лишь бы вносить. Стройка окончила к тому времени подготовку. Стройка ждала конца обсуждений. Пора было закладывать фундаменты домен. Время текло.

Это было тяжелое время. Вредители подрывали доверие к старому инженерству. Многие честные трусили подозрений. Бардин был не из таких. Он приказал заливать бетон, взяв на себя ответственность.

Фундамент залили. Дискуссии прекратились. Проект начинал осуществляться. Американская комиссия примчалась на площадку.

— Сегодня 1-е мая 1930 года — говорил инженер Бардин на торжестве закладки.—Через тысячу дней печь должна выдать первый чугун.

Американцы больше не спорили. Они увидели дело.

Армия развернулась, она пошла на штурм.

В марте 1932 года первый чугун был получен. Подобных темпов не было в истории металлургии. Первая печь завода Герри строилась пять лет.

Имя Бардина, академика, с насупленными бровями, с угрюмой складкой на лбу, стало известно миру.

Бутенко помнил его — патриарха куракинской школы, помнил еще с институтских времен. Разве он сам не учился на примере бардинской печи в Дзержинске, когда составлял дипломный проект?

Бардин тоже слыхал о Бутенко. Недаром Бутенко вырос в Юзовке, в родовом гнезде куракинцев. Молодой энергичный, талантливый, он усвоил традицию этой школы — непрерывное движение вперед.

Но ни Бардин, ни Бутенко никогда не видали друг друга.

Сейчас впервые они находились лицом к лицу — седой академик и молодой человек.

Молодой человек приехал начальником к патриарху с насупленными бровями. Люди строили различные предположения о встрече этих людей. Угрюмый Бардин не привык делить техническую власть. Многие поджимали губы и задумчиво говорили:

— Н-да...

Бардин встал. Он пошел навстречу. Он улыбался приветливо и тепло. Он протянул руку.

Бутенко рассказывал после:

— Кое-кто предупреждал меня, что с Бардиным трудно сработаться. Это неправда. Бардин встретил меня хорошо, по-дружески. Он сразу подробно рассказал о всех ненормальностях в работе завода. Он сообщил мне такие вещи, которых я бы, пожалуй, долго не смог заметить, и откровенно поделился со мной своими соображениями. В Кузнецке прохлопали много. Но надо отдать справедливость Бардину, он прекрасно поставил здесь научно-исследовательскую работу — основу культурной организации производства. Он выслушал меня. Мы составили вместе план действий. Расхождений у нас не было. У нас было единое мнение. Мы говорили одним языком. С тех пор мы работаем в полном контакте, и мне кажется оба не особенно трудимся, чтобы придерживаться его.

Кузнецк до приезда Бутенко жил еще духом строительства. Эксплоатацией построенного как следует не занимались. На прекрасном, механизированном американском заводе не была осуществлена та центральная идея, которая была положена в основу проекта, отсутствовал непрерывный процесс, цехи работали вразнобой.

Бутенко на старых заводах всю свою жизнь дрался за эту идею. Он повернул колесо.

Ликвидация недоделок, времянок. Людям — жилища, культурный быт, тротуары, дороги, палисадники, порядок, чистота. Швейная фабрика получила заказ на пошивку американских комбинезонов.

Реформа зарплаты, строгая сдельщина, премии ИТР. Техническая учеба.

Цехи он лечил привычными средствами: производственные инструкции, запасные части, плановый ремонт, определенный режим работы, стандарт, анализы, паспорт на каждую плавку.

Домны получили кокс и руду проверенного качества. Домны стали давать чугун по маркам. Вслед за домнами выправился мартен. Бутенко вытащил сюда Шкляра, молодого инженера из Сталино, и поставил во главе цеха. Мартен стал выполнять программу, так же как коксовый, так же как доменный цехи. Барабанная проба кокса вместо 270,2 стала 285,6. Домны начали давать 1,04 наилучший коэфициент использования объема.

Осталось узкое место — прокат. Но и прокат стал выправляться. На прокате сидит Гура — молодой инженер из Сталино, товарищ Бутенко по училищу, по институту, по комнате, по одной единственной койке.

Вечер. На черном небе отсветы шлаковых зорь. На 50 километров вокруг полыхает багровое зарево.

Техническое совещание. На председательском месте молодой человек. За столом народ, инженеры, нависшие брови Бардина, розовые щеки Шкляра, широкий лоб Гуры, молодые и старые лица. Обсуждается план на будущий год. Говорят об американских нормах, о нерушимой единой системе, о газификации. Быстрые подсчеты на логарифмических линейках.

— Итак, за высокий класс производственной культуры!

За столом сидят единомышленники.

Недавно было опубликовано постановление правительства: ордена Ленина получили Бардин и Бутенко.

стиль управления

Л. Нохвед

Александр Александрович Серебровский не мог бы сказат о себе, что он что-то упустил из вида, не приложил всех усилий, не мобилизовал себя. Нет, он все сделал, перечитал всю классическую литературу о топках, выслушал мнение профессоров котельного дела. Ничто не могло помочь ему. Он должен был признать, что пара Мытищинскому заводу он дать не может.

Сомнения овладели молодым инженером.

— Не справлюсь с топками,— уйду в актеры, — с горечью думал Серебровский. Он сожалел о том счастливом времени, когда учился в консерватории. Он ушел оттуда для того, чтобы поступить в Теплотехнический институт и получить звание инженера.

— Дались мне эти топки. Какой я инженер, если не могу разрешить простого вопроса.

Он загрустил. В разговоре появилась излишняя сухость, почти строгость. Он уходил один из города или запирался в своей комнатке, с трудом сдерживаясь, чтобы не подойти к директору завода с просьбой отпустить его.

Как поступают в таких случаях молодые инженеры его поколения? Как поступали его друзья?

Он был одинок. Его гнал неведомый страх. Лихорадочно он рылся в книгах — но ответа не находил. Решалась его судьба — он бездействовал. В нем все протестовало против этого.

— Пойти к какому-нибудь специалисту за советом?

Что сказал бы ему специалист? Он бы посоветовал прочитать какой-нибудь солидный труд, в котором никаких конкретных указаний найти невозможно.

— Нет, этот путь не выведет его из тупика, не поможет.

Он сблизился со старыми опытнейшими котельщиками и после долгих колебаний решил произвести опыт, не считаясь с авторитетами в этой области. Он углубил, и расширил топочные пространства. Опыт удался. С повестки дня был снят один из острейших вопросов на Мытищинском заводе — вопрос о паре, как впоследствии благодаря системе Серебровского был снят вопрос о роторах магнето на московском заводе автотракторного электрооборудования.

Нарядный, огромный кабинет директора завода, стол, уставленный, как на выставке, серебристыми моделями магнето, все это вызывало к себе уважение. В кабинете было холодно.

Отдавая очередные распоряжения, директор в то же время рассказал историю строительства завода. Он назвал первоначальную проектную мощность завода — 8 300 магнето в месяц, коснулся цеховой европейской системы, его организации, приспособленной к мелкосерийному, в лучшем случае к крупносерийному производству, упомянул о том, как завод овладел проектной мощностью в 1932-1933 годах и как перешагнул ее границы, достигнув производительности 25 000 магнето в месяц.

— Ни Европа, ни Америка, — подчеркнул директор, — не могут похвастать такими показателями. Ни американская, ни швейцарская «Оцентилла», ни немецкий «Бош», ни итальянская фирма «Морелло». Американцы достигли предела 12 500 магнето в месяц. Мы выпускаем ежедневно 1 200 магнето.

— Ежедневно, — повторил директор, хмуро, — при старой европейской цеховой системе. Теперь мы ее разрушаем, — сказал он зло. — Мы вводим американские механосборочные цеха, принцип непрерывного потока... Единственный выход. У нас первый и второй класс точности.

Директор задумался.

— Что же, — сказал он, — славно поработали. И цеха и люди: на нашем заводе автотракторного оборудования не

один примерный цех. Заслуживает внимания и автоматно-механический. Начальник его Александр Александрович Серебровский самостоятельный человек. Ему предоставлена большая свобода действий. Группы ТНБ, подготовка производства, диспетчеризация... Начальник цеха может тратить восемьдесят процентов своего времени на технологические проблемы.

Вечером, когда зажжены огни, автоматно-механический цех,состоящий из двух сменных корпусов, похож на улицу, по которой мчится наполненный пассажирами трамвай. Гудки, слитный гул железа и стали, звон. В цехе ощущается единый ритм. Только стоны накатной английской машины, рифлюющей зубцы, неприятно режут слух.

В роторной мастерской цеха копошится ремонтная бригада рабочих. Старший мастер тов. Щербаков дает указания бригадиру.

Мастер молод. Крепкая плотная фигура и насупленный взгляд говорят о характере неуступчивом и немирном. Он пятнадцать лет на производстве. Был слесарем, слесарем-механиком, электромехаником, электромонтером, заведующим производством, но не случалось ему работать с таким начальником цеха, как Александр Александрович. Начальник и мастер друг друга уважают, ценят и понимают. Приятен мастеру внешний вид Серебровского, его тихий охлаждающий голос, исключительная твердость. Мастер для Серебровского центральная фигура цеха, вокруг которого все вертится: аппарат, снабжение, контроль, диспетчер. Тов. Щербаков работал еще с А. А. в автоматно-револьверном. Когда в роторной мастерской оказался прорыв, начальник цеха перевел его старшим мастером сюда. Дирекция завода сопротивлялась, но Серебровский настоял. Это уж у него золотое правило: долго обдумывает, скажет — отрежет.

Старший мастер пришел в мастерскую во вторую половину сентября. Он застал такую картину: план выполнен меньше, чем на тридцать процентов, люди шатаются без дела, семьдесят человек неизвестно где работают, контроль мастеру не подчинен, имеется излишек рабочей силы, станки не загружены, люди не прикреплены к деталям, детали — к станкам, сменных мастеров выбирают на общем собрании — неразбериха, бестолочь, запустение.

До конца месяца осталось всего двенадцать дней. Задания не выполнить: надо готовиться к октябрю. На «пятиминутке» директор завода спросил его о положении дел.

— Никакой расстановки сил нет, оборудования никто не знает, целые бригады обезличены, — ответил мастер.

— Да ты не разговаривай. Программу дай. Я от многих это слышал.

— С первого октября дам по 1 000 роторов, товарищ директор.

Мастера встретили в цеху неласково: пришел молодой и неопытный начальник. Можно с ним поиграть. Щербаков сразу взял круто: двух мастеров — Пастухова и Грызлова, не выполнивших задания, выгнал, и потребовал отдачи под суд. Дирекция завода приказ написала, но в то же время поставила этих мастеров на сборку и дала путевки на юг. Но это не охладило пыла старшего мастера, вселив, однако, недоверие к стилю работы дирекции.

За тринадцать дней сентября старший мастер обследовал квалификацию рабочих мастерской, дал каждому сменному мастеру счетовода, освободил от бумаг, послал мастеров в мастерскую, лично составил списки прикрепления рабочих к станкам. Все это произвело впечатление. В октябре мастерская перевыполнила план на 2 000 роторов. В ноябре мастерская дала столько же, в декабре 28 000.

Мастера беспокоили. Парень в кубанке с темнорыжей пышной гривой на лбу, спросил есть ли работа.

Сменный мастер доложил о ходе ремонта. Рабочий подошел с инструментом в руках.

— Я даю указания на местах, — сказал с досадой Щербаков, — достаточно мне остановиться на минуту — отбоя нет.

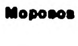
В цеху Щербакова называют копией Серебровского, — его лучшим учеником. Начальник цеха считает, что деталь должна лететь, как пуля. Ничто не должно задерживать ее движения. Щербаков уничтожил холостое время станков в своей мастерской. Станок у него не стоит.

Олень — Сосин — эвенк-охотник

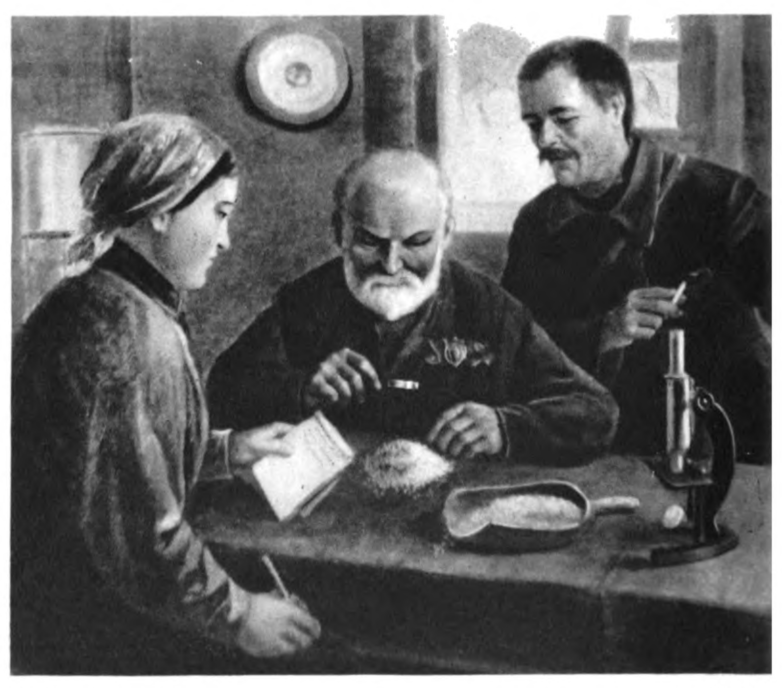
Оленья упряжка — Еремина — долганка-колхозница

Морозов

Больной крестьянин

Бригадир по качеству

Рыков

Тов. Серебровский сам разрешает все вопросы, все узлы у него в руках. Того же принципа придерживается и мастер: он знает все в своем хозяйстве. В октябре и ноябре штамповочный цех не успевал поставлять задние оси для роторов: здесь не привыкли к темпам роторной мастерской. Она буквально поглощала роторы. Серебровский и мастер насели на цех, нажали на все педали, и задние оси появились.

Вот стоит старший мастер в роторной мастерской, здесь все ему знакомо и близко — ничто не ускользает от него. Какой-то человек в пальто и кепи ходит возле станков и что-то заносит в записную книжку.

Мастер незаметно подходит к нему.

— Простите, — говорит мастер, — вы кто?

— А это не ваше дело, — огрызается незнакомый.

— Простите, — терпеливо повторяет Щербаков, — это мое дело. Я старший мастер, а вы кто?

— Я из технического отделения завода, — отвечает с пренебрежением незнакомый.

— А вы в нашем отделе разрешение получили?

— Нет, — отвечает сотрудник технического отделения, — он нам не нужен.

Разговор принимает характер неприятный. Но старший мастер не уступает. Сотрудник вызывает своего начальника, начальник — заведующего, но мастер, хотя и со скандалом, удаляет людей, самовольно распоряжающихся в его мастерской.

Таков самый молодой из старших мастеров цеха.

Канцелярия старшего мастера мастерской мелких деталей т. Белова отгорожена от мастерской низкой деревянной оградой: несколько стульев, столов, чернильницы, бумаги — вся конторка.

Тов. Белов старый производственник, со многими заводскими людьми сталкивался, иных отверг, иных признал: опыт у Белова богатейший, за версту узнает хорошего работника.

Старший мастер сам был начальником этого цеха и знает, что управление им — задача трудная и почетная, разрешить ее не всякому дано. Мастер изучил стиль и систему своего начальника. Он знает, что Александр Александрович умеет заставить других работать, он никогда не сделает того, что должен сделать его подчиненный. Вызовет, спросит: «нужны детали к таким-то срокам — сможете выполнить? Подготовлены?». Мастер отвечает на-чистоту — не могу, механик и кладовщик подведут. Вызывает начальник механика и кладовщика: «Я дал задание Белову к утру изготовить детали. Вы должны обеспечить его оборудованием и инструментами. Через четыре часа они должны быть у Белова».

Действительно, через четыре часа мастер приступает к работе: инструменты и оборудование ждут его. Он работает всю ночь и к утру приходит к Серебровскому. Рапортует: «Готовы, Александр Александрович».

Никогда начальник на слово не верит· «Документы о сдаче имеются у вас?»

Сильные и жесткие руки у Александра Александровича. Контроль до сотки, до мелочей. От него не уйдешь, проверяет каждого. Не забудет. Не собьется. Контроль на месте. Виновного не простит. Но если брак сделан не по вине мастера, Александр Александрович внимательно разберется и защитит. С ним, как за стеной: уверенность есть в работе.

Другая черта в характере Александра Александровича — ответственность за станки, оборудование, инструменты. Он ввел ежедневные сменные планы и ежедневную их проверку.

Утром приходит мастер — план не выполнен. Видит мастер: станок требует ремонта, отдает в ремонт. Если встретилась какая-нибудь другая помеха — уничтожает ее. Раньше этого в мастерской в помине не было. Шестьдесят деталей обрабатывает мастерская, сбиться не трудно. Тут без учета нельзя. Подсчет рабочих листков производится каждую пятидневку. Учитываются материалы, поступающие детали, тара. Раньше все в цеховом масштабе производилось, сейчас каждая мастерская имеет свой учет.

Мастер, как бы отсекая, обводит рукой невидимые скрещивающиеся линии.

Мастерская занимает одну четверть корпуса. Всю первую половину левой стороны. За всем уследи, подготовь. Инструмент раньше валялся в ящике рабочего, сейчас рабочий по маркам инструмент получает. Учет — великая сила. Мастеру дают 42 000 рублей, распоряжайся, тов. Белов. Его право — оставить сто человек

в мастерской или довести количество до пятисот, но выполнить программу он обязан.

Мастер сидит на стуле в своей конторке, отгороженной низкой оградой от мастерской. Серое его лицо, темная одежда, глаза, вся сухая фигура ничем не выделяется на сером фоне цеха: одна из тех фигур, которую не заметишь среди тесно стоящих машин, деталей, рабочих.

Такие люди всю жизнь проводят на заводе — старые опытнейшие водители бригад.

Удача на Мытищинском заводе воодушевила молодого инженера. Жизнь задала ему загадку — он разрешил ее. Московский комитет перевел молодого инженера механиком на Московский завод АТЭ и он не без волнения поехал в Москву. Какие испытания его ожидают? Он ознакомился с организацией производства и это знакомство не прошло для него бесследно. На следующем этапе своего пути — когда ему вверили руководство автоматно-револьверным цехом, это знание пригодилось.

Он вошел в цех как входят в оставленный дом, построенный без плана и смысла. Никто ему ничего не говорил и не указывал.

— Выполни план,—это единственное указание ему ничего не объясняло. Как выполнить его? Какими средствами?

В цеху не было ни промежуточных, ни базисных складов, его границы не были определены, рабочие сами заполняли листки.

Цех не имел технического просчета и проекта. Дирекция завода забыла о них или просто они выпали из ее поля зрения. Люди управляли, очевидно, боясь поднять этот каверзный вопрос.

Инженер решил, что его разыграли. Он вошел в корпус боязливо, робко, присматриваясь ко всему и не доверяя ни одному человеку.

Помощник его оказался трижды битым, прошедшим все, видавшим всякие виды и готовым на все.

— Я тут весь, — казалось говорили его лицо, руки, губы. Молодой инженер оставил его техноруком, а сам спустился в производство. Он сдружился не с инженерами, не с техноруком — он тесно сошелся с установщиками. Учился у них, перенимая опыт, навыки и изучая автоматы, детали, рабочих.

— Я двигался тогда концентрическими кругами, — говорил инженер, подытоживая свой прошлый путь и работу, — постепенно суживая их, пока не добрался до центра, пока вся площадь, выражаясь геометрически, не оказалась обследованной.

У инженера впервые возникла мысль. легшая впоследствии в основу его работы, детали необходимо прикрепить к станкам и людям. Он поделился своей мыслью с установщиками.

Александр Александрович сказал собравшимся: «Рабочий, два года проработавший за одним станком, на одной детали, сделает эту деталь блестяще. Нас не должны смущать ни хаос, который, естественно, возникает в первое время, ни сопротивление обслуживающего персонала — механика, кладовщика, аппарата, не привыкших к нашему методу. Виновники неразберихи и брака сами себя обнаружат, а уж по головке мы их не погладим».

Предложение молодого инженера не вызвало ни одного возражения.

Тогда он принялся за инженеров. Он заставил их учиться работать на автоматах, закрыл за ними двери канцелярии. Часть из них пошла добровольно, понимая справедливость упреков инженера, часть по принуждению. Серебровский взялся за дело с рвением и упорством необычайными, он понимал, что без кадров, выпестованных им самим, прошедших через его руки, понимающих цель и задачи современного производства — цех будет мертвым и никогда не двинется вперед.

Правило—деталь летит как пуля, не задерживаясь нигде — должно быть понято практически каждым работником цеха.

Молодой инженер проявил упорство, терпение, осторожность, миролюбие, способности дипломата.

— Нет, не так, не так — говорил он неопытному молодому установщику, — надо иначе.

Он не отпускал его от себя, пока не убеждался, что установщик понял его. Инженер ставил новичка на самостоятельную работу. Но не спускал с него глаз, контролируя на каждом шагу. Молодой инженер создал свои кадры, свой

Лампа в 5000 ватт, выпущенная Ламповым заводом Электрокомбината

Союзфото

штаб. Каждый его работник обладал и достоинствами и недостатками, но собранные вместе, под умелым руководством, они являли собой инструмент тончайший, как операционный нож в руке хирурга.

С этим штабом можно было наступать. Молодой инженер не обладал излишней скромностью: он оценивал свои силы достаточно высоко.

Столкновения при новом методе руководства, при нетерпимости, временами излишней, были неизбежны. Первое столкновение с заведующим ПРБ, талантливейшим студентом и плановиком, т. Равдиным произошло при следующих обстоятельствах: тов. Равдин сопротивлялся вмешательству молодого инженера во все дела. Он привык к самостоятельному образу действий. Положение в цеху все еще внушало опасения, почва была раскалена. Поэтому инженер пробовал убедить плановика: «вы много на себя берете — сказал он ему тихо, — лучше меньше, да лучше. Я вам дам задание, будьте добры выполнить его в срок».

Равдин не спешил с выполнением. Прошел месяц. Начальник цеха вызвал его.

— В чем у вас дело, тов. Равдин? Не понимаете, или не хотите понять задания?

Плановик пустился было в объяснения: много канцелярской работы, времени нет, но Серебровский так же тихо остановил его.

Надо было действовать жестко и безапелляционно. Дурной пример мог вызвать подражания.

Равдину был объявлен выговор.

Гроза пронеслась по цеху.

Серебровский ждал результатов своей политики. Дирекция завода хотела отозвать Равдина, но начальник не отпускал его: такие люди нужны мне были самому, я его не отдал бы ни за что — признавался он позже.

Равдин озлобился на Серебровского: так не обращаются с плановиками. Но любовь к цеху пересилила в нем нелюбовь к начальнику. Он продолжал свою новую работу с большим рвением, надеясь доказать всем, как несправедливо с ним поступили.

За короткий период он разработал систему планирования цеха, составил график работы станков, наладил учет, с бригадой практикантов выявил скрытую мощность автоматов. Этого и ждал начальник цеха, он получил, наконец, ясную картину работы цеха. Приказом по цеху Серебровский назначил Равдина главным инженером, записал благодарность в его послужной список, уничтожив прежний выговор. Мир был заключен.

На основе всей своей практики, составленного проекта и таблиц, Серебровский

подал дирекции докладную записку о переводе цеха с трехсменной работы на две, о сокращении ста семидесяти человек и о поднятии производительности на 60 процентов. Дирекция завода не ответила.

На заводе тогда было неспокойно. Страна требовала увеличения производства стартеров, автогенераторов, свечей, магнето.

Заводской корабль сильно качало. Он плыл, выражаясь фигурально, среди рифов и подводных камней.

Руководство завода выбрало путь наиболее легкий: оно потребовало четверть миллиона рублей на добавочное оборудование.

Предложение руководства, возможно, было бы принято, если бы молодой инженер не выдвинул своего проекта.

Серебровский отрицал необходимость добавочных капиталовложений. Он утверждал, что в одном из самых узких цехов на заводе, в автоматно-револьверном, явно преуменьшены нормы, станки загружены не более чем на 40 и 45 процентов и их резервная мощность не использована. Проект руководства был отвергнут Электрокомбинатом. По заводу поползли слухи о необоснованности утверждений инженера. Но он победил, хотя победа досталась ему не легко.

Не получая ни санкции, ни отказа от дирекции, Александр Александрович перевел цех на двухсменную работу, без штурмовщины, изо дня в день, из месяца в месяц выполняя план. Его цех составлял в то время исключение на заводе. Но опыт не был никем учтен. Даже рядом расположенный механический не мог похвастать тем же, срывая ежемесячно программу завода. Тогда в Электрокомбинате возникла счастливая мысль объединить оба цеха в один автоматно-механический под общим руководством Серебровского.

Александр Александрович перенес в объединенный цех свою систему управления, объединил кладовые, дал мастерам право приема и увольнения рабочих, нормировщика подчинил мастерам, расширил функции диспетчера, назначив его своим заместителем, тем самым разгрузив себя. Он ни на минуту не ослаблял контроля, поставив его жестче, чем когда бы то ни было.

Объединенный цех огромен — два корпуса, пять мастерских, 1 600 человек, тысячи станков, инструментов. Твердая рука прошлась по цеху — вымела очень многих — мы уже знаем из знакомства со старшими мастерами тт. Щербаковым и Беловым, какие перемены произошли в цеху.

В тихой комнате из радиорупора рвется громкий голос: — Что же, достали метчики, достали, говорю? — Таинственный аппарат на стене усиленно звонит.

Инженер Солодов выключает и то и другое — тишина входит в комнату.

Инженер Солодов — старший диспетчер и в то же время заместитель начальника цеха. Он ведет всю оперативную работу по выполнению плана, сносясь непосредственно и с директором завода и с любым бригадиром цеха. Этот исключительно гибкий оперативный центр, созданный начальником, дает огромную экономию сил, четкость и стройность управления цехом. Нет беготни, суеты. Не слышно надоевших вопросов:

— Когда детали прибудут?

— Какие детали?

Не вбегает со взволнованным лицом старший мастер роторной мастерской в контору начальника цеха.

— Срываем программу, Александр Александрович, беда, роторов нет.

Старший или сменный мастера идут к инженеру Солодову, к старшему диспетчеру:

— Дозарезу нужны роторы. Останавливаемся.

Инженер позвонит по многоаппаратному телефону, голос его радиорупорами разнесется по всей диспетчерской сети, заставит кое-кого поторопиться, поспешить, но если это не поможет, инженер сам обойдет все заводские инстанции и добьется своего.

Таковы функции инженера Солодова, функции наркоминдела и наркомвнудела цеха.

Вы идете по корпусам цеха — он напоминает утренние улицы: одинокие гудки автокар, электрические часы в вышине. В коридоре, соединяющем оба корпуса, на черной доске вывешен приказ за № 100. Приказ дает полное представление о стиле руководства.

«В мастерской зубчатых колес, — читаете вы, — установлено отсутствие на-

блюдения за рабочими местами сменными мастерами. В смену Митронова и Мусатова нарезано брака 280 шестерен ССУ. В смену Медведева и Митронова нарезано 150 бронзовых шестеренок, в которых кулачок больше заданного допуска (установщики—Удачина и Рютинский)..

Основным лицом в мастерской, примером дисциплинированности и честного отношения к труду — является сменный мастер, чего нет в мастерской зубчатых колес. Поэтому приказываю — Митронова снять, перевести старшим установщиком. Удержать с него 50 процентов стоимости всего сделанного брака. Объявить выговор Медведеву и Мусатову, взыскать 75 процентов стоимости сделанного в их сменах брака. С Удачиной удержать стоимость брака.

Коллектив рабочих и служащих мастерской имеет большие заслуги в ликвидации шума авиационных шестеренок. Это большая победа. Я выражаю надежду, что и в эти трудные дни коллектив ваш победит.

А. А. Серебровский»

Приказ не оставляет сомнений. В нем все точно:

и преступление и наказание.

ВОССТАНИЕ ПУСТЯКОВ

Павел Нилин

Через жизнь машиниста Бойко за четверть столетия прошли десятки паровозов разных серий, разных типов, разных комбинаций. Ему знакомы «овечки» и «щуки», «володьки» и «мальчики» [1]. Он знает убогие колымаги и шустрые «кукушки».

И сейчас, хватаясь за поручни нового первоклассного паровоза, Бойко не может не восхищаться его величественной красотой.

У паровоза мощный, внушительный вид. Среди «овечек» и «щук» он выглядит гигантом. Он силен и быстроходен. Любой машинист почел бы за большую честь стоять у его ослепительно блестящих рычагов. Любой машинист. Но Бойко громко не выражает своих восторгов. Даже больше того, Бойко ругается. Выглядывая из окна паровозной будки, он кричит:

— Это безобразие!

И около паровоза начинается скандал.

— Павел Иванович,—вопит в телефонную трубку начальник сборочного цеха. — Я извиняюсь, Павел Иванович. Но этот Бойко опять бузит...

— Идите к чорту,— говорит почти шопотом пожилой техник, закипая от гнева. — Я вам не мальчик. Я тридцать пять лет работаю на этом деле...

— А мне все равно,— невозмутимо отвечает Бойко. — По мне хоть двести лет работайте на этом деле. А паровоз я у вас не приму. Не могу принять...

— Подождите, сейчас придет Павел Иванович. Он, как технический директор...

— Ох, не пугайте меня, пожалуйста, вашим Павлом Ивановичем. Я его нисколько не боюсь...

Кажется, что паровоз прислушивается к этим разговорам. Он пыхтит и вздрагивает. Он, вероятно, испытывает нетерпение. Ему давно уже пора покинуть заводскую территорию.

Бойко вытаскивает из-за пазухи замасленный блокнот и, подогнув колено, пишет пространный акт: «Я, Бойко, Филипп Степанович, машинист-наставник депо Лиман, принимая новый паровоз № 2 типа «1—5—1» серии «Феликс Дзержинский», в присутствии работников Луганского паровозостроительного завода (таких-то и таких-то), заметил следующие недочеты...»

Бойко заметил около ста пятидесяти недочетов только на одном паровозе. У паровоза — косая будка, дырявый тендер, погнуты золотниковые тяги, сильная утечка воздуха, не работает стокер, задраны цилиндры...

— Это-ж пустяки,— перебивает его начальник сборочного цеха. У него на лбу выступили крупные капли пота. — Честное слово, из-за пустяков людям кровь портишь...

— А, пустяки? — ехидно спрашивает Бойко. — Это пустяки, когда на паровозе вдруг ни с того ни с сего поршневый шток раскаляется докрасна?

В спор вступают постепенно десятки людей — слесаря, машинисты, инженеры, бригадиры, мастера. Наконец, в дверях сборочного цеха появляется технический директор.

— Павел Иванович,— кричат ему сразу несколько человек. — Вот видите, Павел Иванович, какое дело...

И никто не сомневается, что технический директор обязательно осудит поведение Бойко, этого не в меру придирчивого приемщика.

— Что вы скажете, Павел Иванович?

Но технический директор медлит с ответом. Неторопливо он оглядывает паровоз, пробует рычаги, бормочет что-то чуть слышно. И неожиданно для всех принимает сторону машиниста Бойко.

— Он прав, — заявляет технический директор, кивая в сторону приемщика.— Он безусловно прав. Это действительно безобразие...

У заводских работников тускнеют глаза, удлиняются лица. Огнедышащий паровоз, готовый уже к выходу в свет, воз-

[1] Так машинисты называют некоторые серии паровозов.

вращается на ремонт, на доделку, на исправление дефектов, этих пустяков, о которых так пренебрежительно отзываются в сборочном цехе.

Мастер Замаев уныло догадывается:

— Мне, наверное, объявят выговор.

Мастера Замаева гнетет обида.

Через три дня после этого шумного спора, когда все дефекты исправлены, около нового паровоза снова собираются десятки людей. Огнедышащий паровоз снова готовится покинуть заводскую территорию. И люди, потратившие много усилий на его отделку, на окончательную полировку его частей, вздыхают облегченно. Начальник сборочного цеха выглядит имянинником.

— Можете принимать, — говорит он обрадованно.

Бойко опять залезает на паровоз. Он тщательно, как врач, выстукивает его, вслушивается в шумы механизмов.

— В общем ничего, — наконец, говорит он. —Все как-будто в порядке. Вы только кулису, пожалуйста, исправьте...

— Кулису?

Это слово способно вызвать новый спор. Но технический директор опять поддержал Бойко. Он тоже считает, что кулисный камень действительно ходит как-то косо. Он предлагает немедленно устранить дефект. И дефект, как-будто устранили.

Но во время пробной поездки часть парораспределительного механизма продолжала работать неправильно. Технический директор снова предложил найти неисправность. Дефект искали больше часа, казалось, нашли, устранили. Однако, во время второй поездки тот же валик на той же кулисе снова завалился.

Теряя хладнокровие, технический директор еще раз приказал разобрать все смежные детали парораспределительного механизма. Люди снова полезли под паровоз, развинтили гайки, сняли всю кулису. Дефект оставался неуловимым.

— Разобрать, — уже заметно нервничая, сказал технический директор. Начальник сборочного цеха несмело запротестовал. Он заявил, что лучше сделать нельзя, что кулиса — не такая уж важная часть механизма, чтобы из-за нее терять столько времени.

Технический директор неторопливо снял пиджак, фуражку и, взяв французский ключ, полез под паровоз. Он больше часа внимательно осматривал детали, раскручивал гайки, вынимал болты. И, наконец, обнаружил дефект.

— Вот видите, — сказал он, вылезая из-под паровоза с погнутым куском железа. — Разве можно допускать такую нарезку? Здесь же, по меньшей мере, десятая миллиметра сорвана...

«Ну, так что же? — хотел сказать мастер Замаев. — Ну, так что же, что десятая миллиметра? Мы ведь кажется не патефоны делаем, а паровозы...»

Но мастер Замаев ничего не сказал. В последнее время он приучал себя к молчанию. И в самом деле зачем говорить, если его все равно не понимают?

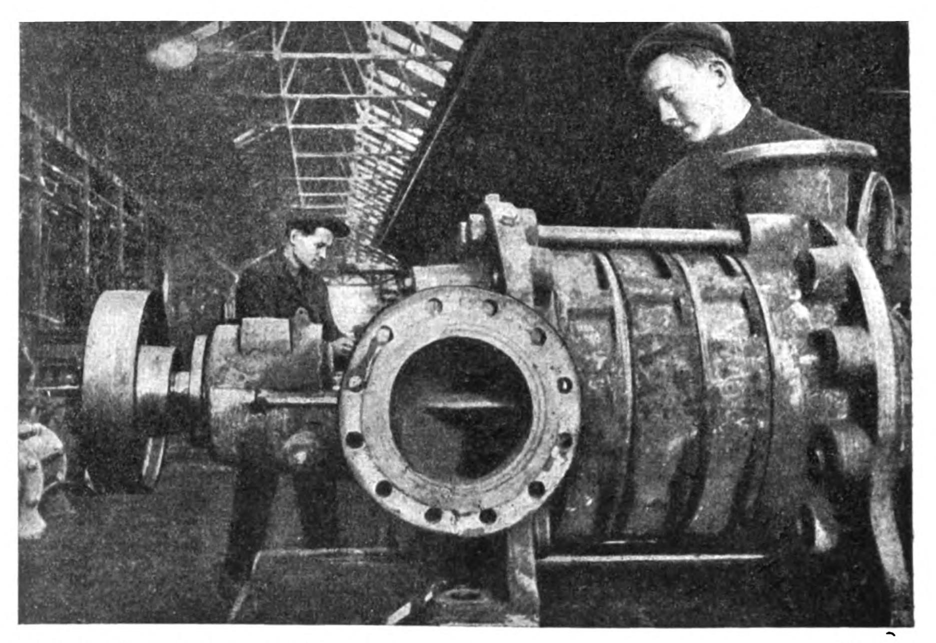
У Гартмана на заводе, где делали в свое время неплохие, в сущности, паровозы, мастер Замаев был хорошим мастером. Он выучил десятки слесарей, токарей и фрезеровщиков. Его ученики давно уже сами превратились в учителей. Многие из них сейчас работают мастерами, техниками и механиками, а коекто по слухам, пробивается даже в профессоры. Мастеру Замаеву есть чем гордиться. Тем более, что и сам он, несмотря на свои, как говорится, преклонные годы, работает неплохо.

Здесь, в этих огромных светлых корпусах нового паровозостроительного завода, выстроенного рядом с бывшим заводом Гартмана, за годы первой пятилетки, его, мастера Замаева, никогда еще не считали последним человеком. Недаром его выдвинули в ОТК [1], недаром поручили ему проверять перед выходом в свет сложнейшие детали.

Но последнее время к нему явно придираются, явно хотят его вытеснить, хотят унизить. Можно стерпеть, когда придирается машинист Бойко. Он все-таки человек не токарной специальности Он только и умеет водить паровозы. А делать их он никогда не делал. Поставить его, скажем, к фрезеру, дать ему в руки резец или, допустим, поручить ему сделать шайбу — нельзя. Он не сможет. Не такой он человек. Мастер Замаев на него не обижается. Но вот когда технический директор придирается,—это обидно. Это довольно прискорбно слушать на старости лет.

---

[1] Отдел технического контроля.

Горловский машиностроительный завод Союзфото

— Где же справедливость? — говорит мастер Замаев вечером, принимая из рук своей супруги чашку горячего чая. — Где же, я спрашиваю, совесть у людей?

Жена испуганно смотрит.

— Ты понимаешь, он мне говорит, — продолжает взволнованно муж, обжигая губы о край фарфоровой чашки, — он мне говорит, десятая миллиметра... Да это же пустяк...

— Конечно, пустяк, — несмело соглашается жена, тщетно стараясь проникнуть в сложную область паровозостроения. В этой области ее муж чувствует себя сегодня страшно одиноким. И одиноко переживает свои обиды.

— У меня, может быть, тоже есть свой принцип,—говорит он жене.—Мне обидно, когда меня на старости лет переучивают. Ты понимаешь, мне обидно...

Жена невпопад предлагает:

— Дай, Миша, я тебе еще чашечку налью. Да ты попробуй варенье. Это же смородина...

— Дура,—неожиданно вспыхивает старик. — У меня вся душа горит. А ты говоришь — смородина...

Жена пугливо замолкает. Муж снимает с гвоздя картуз и уходит в сумерки.

Около палисадника на бревне сидят его ровесники, такие же, как он, старики. Курят. Беседуют о жизни. Маленький старикашка, разметчик, как обычно, рассказывает страшные истории.

— ...и вот, понимаете, — произносит он таинственно, округляя глаза, — эта баба по имени Изергиль вылезает из гроба и расчесывает свою косу зеленым гребнем...

Замаев смотрит на рассказчика сердито. Его совсем не интересуют похождения этой странной бабы по имени Изергиль. Пристроившись между бревен на травке, Замаев ждет, когда рассказчик закончит свое повествование. Замаев хочет поделиться с ровесниками своими думами. Он хочет рассказать им, как эта десятая миллиметра не дает ему покоя.

Вдалеке гремит духовая музыка. Видно, как в огромных окнах клуба горят веселые огни. У подъезда шумит разноцветная толпа.

— Пойтить посмотреть картину, что ли, — говорит, размышляя вслух, старик

Петухов, токарь. — Спать чего-то не хочется...

— А какой у нас сон теперь, — вдруг вставляет свое слово Замаев. Он дождался, наконец, благоприятного момента, чтобы начать разговор о своей тоске, о кулисном камне, который ходит косо, о десятой миллиметра, о поршневом штоке, о жизни, которая изменяется у всех на глазах.

Было время — все помнят, — когда мастер обходился даже без обыкновенных штанген-циркулей. У мастера ценился глаз, сноровка. Если надо иногда измерять деталь, возьмешь деревянный футик и измеришь. Просто и хорошо. А теперь, изволь радоваться, бери микрометрическую скобу...

Мастер Замаев не против микрометрических скоб. Когда надо, микрометрическая скоба — полезный прибор. Но не надо ею злоупотреблять. Ведь, все-таки, если говорить попросту, паровоз — это не часы с кукушкой и не рояль. Паровоз — это, по сути дела, грубая машина и ей эти разные тонкости и фокусы с приборами не нужны.

— Ошибочно думаешь, Иван Егорыч, — перебивает Замаева Петухов. — Паровоз паровозу все-таки большая разница. Вот, скажем, взять «ФД»...

Неожиданно на бревнах среди стариков образуются два лагеря. Одни поддерживают сторону Замаева, который находит, что паровоз — грубая машина и в тщательной отделке деталей не нуждается, другие держат сторону Петухова. Мастер Замаев постепенно сдает позиции. Он говорит:

— Я не спорю. Это, может, действительно, так. Отделывать всякую деталь надо. Но зачем же придираться по пустякам. Неужели одна десятая, скажем, на кулисе, какую-нибудь роль играет?

— А как же? — удивляется Петухов. — Конечно, играет. И еще как играет...

Замаев нервничает. И человеку, постороннему, не посвященному в тонкости токарного дела, может показаться странной эта излишняя возбужденность старого мастера. Замаев ведет себя так, как будто люди посягают на его честь, на его безукоризненную репутацию. Он неожиданно начинает кричать и размахивает руками. Он ругается. Он всеми средствами, буквально с пеной у рта, отстаивает древние традиции, в которых воспитался сам и воспитал десятки неплохих мастеров.

Замаев привык к тому, что вся грубая работа выполняется на станке, а затем идет пригонка вручную. И чертеж для станочника в этих условиях не является строгим законом. В редких случаях станочник, обрабатывая деталь, считался с сотыми или десятыми миллиметра. Станочника выправлял слесарь. Машиностроительная промышленность широко практиковала дорогостоящие слесарные работы.

Это почти традиция. И в свое время эта традиция была оправдана тем, что точных станков, точных приборов или не было совсем или их нехватало.

В годы первой и второй пятилетки положение резко изменилось. Появились, наконец, станки. Появились первоклассные точнейшие, изумительные станки.

Выросла новая мощная промышленность. Неузнаваемо изменились и старые заводы, в которых насаждается новая техническая традиция. Эта традиция чувствуется даже во внешнем виде наших заводов, где в цехах можно встретить цветущие астры и георгины, пальмы и кактусы.

Недавно на ряде заводов, по личному приказу тов. Орджоникидзе, уборщицы получили особую спецодежду, улучшенное продовольственное снабжение и повышенную зарплату. Чистота в производственном помещении становится непременным условием технологического процесса.

И в этих условиях воспитывается новый тип токаря, новый тип слесаря, новый тип станочника, новое поколение рабочих, более квалифицированных, чем их предшественники. Это поколение входит в жизнь, в эпоху неслыханного технического прогресса в нашей стране. И никто не удивляется, когда теперь на Луганском паровозостроительном заводе, в инструментальном цехе на техническом экзамене рядовым рабочим задаются сложнейшие вопросы, вплоть до определения тангенсов на спиральных фрезах.

Этого требует новая техническая традиция, которая создается не без трудностей.

И трудности эти иногда бывают очень велики. Люди привыкли работать по-старому, кустарно, примитивно. И древние методы свои, древние свои обычаи они

нередко переносят из старых, темных, замусоренных цехов в новые, чистые, многооконные. Вместо того, чтобы сделать дыры для кулисного валика на расточном станке, их делают на сверлильном, сразу же допуская большую неточность. Однако, на неточность никто не обращает внимания. Мастер Замаев из ОТК считает эту неточность пустяшной и отправляет деталь в сборочный цех. Дефекты, как по конвейеру, идут один за другим. В сборочный цех поступают кулисные подшипники с косиной. Здесь, вместо того, чтобы исправить косину, мастер Сутрунов, подобно мастеру Замаеву, ставит дефектные подшипники прямо на паровоз. В результате часть парораспределительного механизма работает неправильно, и, готовый к выходу в свет, новый паровоз приходится снова посылать в ремонт, который часто отнимает времени больше, чем вся сборка паровоза. Мелкие пустяки поднимают восстание. И подавить это восстание не так легко.

Не так легко выучить людей новому отношению к вещам. Еще труднее переучивать людей, которые сами привыкли учить, таких людей, как Замаев, как мастер Латышев, Петр Николаевич, проработавший почти полстолетия на заводе бывшей фирмы братьев Бромлей. За полвека блестящий мастер выучил сотни людей важнейшему делу обработки металла, выучил, выпестовал, воспитал.

В списке его бывших учеников есть такие люди, как Степанов, директор огромнейшего металлургического завода «Серп и молот», такие как Сашилин, директор завода имени Рудзутака, такие, как профессор Альбрехт, профессор Аникеев, профессор Дербаносов и десятки и сотни других, занимающих теперь важнейшие хозяйственные посты в государстве.

Латышева не забывают и сейчас.

Лет пять назад, когда на месте бывшего завода братьев Бромлей, низкого, темного и ветхого, появился новый станкостроительный завод, оборудованный новейшими механизмами, блещущий многооконным фасадом, Латышева пригласили в учителя.

Латышеву предложили ответственнейшую должность мастера в одном из основных цехов завода. И Латышев, отказавшись от пенсии, отказавшись от почтенных и немножко обидных аттрибутов старости, охотно принял это лестное предложение.

В экспериментальном цехе, где начиналось первое освоение не делавшихся еще в нашей стране станков, Латышев быстро занял ведущую роль. В обстановке, где большая часть рабочих вначале напоминала статистов, которым не велено подавать самостоятельных реплик, старик Латышев выглядел режиссером. Он вел за собой. Он учил, сердился. Иногда даже топал ногами. И ему прощали. Его слушали. Его авторитет в металлообработке был непререкаем.

Завод набирал темпы. Еще до организации экспериментального цеха в производство вошли токарные станки ТН-20 и ТН-15, до сих пор ввозившиеся к нам из-за границы. Завод почти полтора года буквально мучился над секретом выпуска этих станков. Получались плохие и неправильные отливки.

В сборочном цехе слесаря тратили бездну времени на опиловку и на обрубку деталей зубилом, на подгонку частей. И все-таки из производства выходили неуклюжие, удивительно тяжелые и баснословно дорогие по себестоимости станки.

Люди пережили тяжелые приступы отчаяния, прежде чем наконец более или менее освоили выпуск станков ТН-20. Эти станки были несомненно крупным прогрессом по сравнению с жалкой продукцией братьев Бромлей. Эти станки были явным достижением для всей страны.

Но по сравнению с продукцией европейских заводов они не являлись достижением. Родившись, они были уже старыми. В Европе производство этих станков было освоено еще за два года до мировой войны.

Завод же, оборудованный новейшими механизмами, должен был догонять Европу, должен был оправдать затраты, должен был дать стране и высококачественные, и дешевые, и удобные станки, ничем не уступающие заграничным. После ТН-20 завод начал освоение первоклассных станков „VDF“ впервые выпущенных за границей шесть лет назад, т. е. почти на пятнадцать лет позже станков ТН-20.

Эти универсальные станки, позволяющие делать все виды нарезки, позволяющие токарю работать с наивысшей производительностью, пользуясь большим выбором скоростей и подач, поражали исключительной сложностью и точностью деталей. Они требовали от рабочих, их изготовляющих, большой культуры. Они требовали новой организации производства, новых материалов, таких как хромоникелевая сталь, высококачественный перлитовый чугун и др., таких инструментов, как долбяки и протяжки, каких никогда не только не изготовляли, но, пожалуй, даже не видели в нашей стране. Изготовить эти станки — значило пройти длиннейший путь развития, на который Европа потратила почти пятнадцать лет, прежде чем перешла от станков ТН-20 к станкам „VDF".

Латышев наклонился над первым чертежем невиданного станка „VDF" (названного по-русски ДиП, что значит догнать и перегнать) и часами пытался отыскать в своей памяти хотя бы что-нибудь похожее на этот станок, хотя бы одну знакомую деталь. В памяти были топоры и оси, лесопильные рамы и несложные станки, изготовлявшиеся заводом братьев Бромлей десятки лет. Но ничего похожего на „VDF" не было. Латышев, однако, не растерялся. Придерживаясь чертежных указаний, он начал руководить металлообработкой сложнейших деталей ДиП.

И вдруг произошло странное. У прославленного мастера молодой приемщик Кривов, недавно окончивший ФЗУ, забраковал валик. Забраковал и еще сказал обиженно:

— Чего это ты подсовываешь, Петр Николаевич? Как тебе не совестно? Здесь же допуск невероятный...

— То есть, как допуск? — мастер побагровел, и у него запотели очки.—Я не понимаю, о чем разговор?

И Латышев действительно не понимал. Обиженный, он сейчас же отправился к начальнику цеха. В старом мастере вспыхнуло самолюбие.

— Кто? — спрашивал он. И задыхаясь от волнения, тыкал в приемщика пальцем. — Этот мальчик... Этот мальчик бракует меня.

Этот мальчик не успел еще родиться, когда Латышев Петр Николаевич был уже мастером. И каким мастером. Через эти вот его руки, на которых темнеет несмываемая копоть пятидесяти лет, прошли сотни, тысячи, десятки тысяч деталей. Его никогда не браковали. А тут какой-то, извините, пожалуйста, мальчуган, у которого материно молоко еще на губах не обсохло, вдруг бракует...

— А вы сами, как думаете, Петр Николаевич? — тихо спросил начальник цеха. — Есть тут допуск или нет?

— Ну, так что же? — сказал Латышев. — Тут же пустяковый допуск, сотые миллиметра. А мы всегда работали...

Начальник цеха перебил мастера. Очень вежливо он попросил его постараться забыть, если можно, как работали раньше, и в будущем строго придерживаться допусков, установленных в новых условиях. Детали должны быть обработаны на станке так, чтобы сборка их была минимально упрощена, чтобы слесарь не доделывал того, что должен доделать токарь. В этом главное. Это и есть один из важнейших элементов новой культуры машиностроения.

Латышев старательно протер запотевшие очки, зачем-то посмотрел на свои галоши, поправил подвязку и, не сказав ни слова, вышел. В комнате наступила минутная тишина.

— А вы поосторожнее со стариком, — сказал начальник цеха приемщику. — Он все-таки не заслуживает строгости. Хотя насчет качества прошу придерживаться твердой линии. Иначе мы никогда не научимся делать хорошие станки.

Утром на следующий день Латышев выглядел пасмурно. Этот, казалось, мелкий случай с валиком выбил его из обычной колеи. В мире понятных и привычных вещей произошли какие-то глубокие изменения.

Изменился даже Сиротский переулок, где прожил Латышев свыше шестидесяти лет. Изменился весь огромный угол Москвы, ограниченный Нескучным садом и бывшим заводом братьев Бромлей. Изменился за пять лет быстрее, чем за полстолетие.

Латышев десятки лет учил людей древнему способу металлообработки. Латышев вносил в этот процесс собственные усовершенствования, изобретал. А теперь вот молодой приемщик бракует его валик, пытается учить его точности...

Новые вещи, новые сложнейшие механизмы предъявляют к человеку свои требования. Они обязывают его к опрятности и вдумчивости. Они обязывают его быть культурным, внимательным ко всякой мелочи, ко всякому пустяку, связанному с нормальной работой аггрегата. И если человек не отвечает этим повышенным требованиям, пустяки мстят.

Огромный «шисс де фриз» — первоклассный фрезерный и строгальный станок, установленный на Краматорском заводе тяжелого машиностроения, долгое время работал с перебоями, болезненно хрипел, ненормально вздрагивал. Около него собирались опытнейшие консультанты, лучшие доктора машин, внимательнейше выслушивали болезни. Наконец станок пришлось разобрать. И тогда выяснилось, что во время монтажа люди забыли смонтировать одну очень мелкую, почти незаметную, пустяшную деталь. Забыли также приобрести специальные лампочки для мнемонической схемы, которая показывает работу моторов на станке. Забыли всего о двух или трех мелочах. И в результате ведущая роль первоклассного станка, подобных которому во всем мире не очень много, была дискредитирована.

В реостате нового долбежного станка на том же заводе перегорела чуть заметная проволока. Ее надо было сейчас же заменить новой. Но люди, обслуживающие долбежный станок, предпочли передвигать стол аггрегата вручную, предпочли работать «древним методом», затрачивая на передвижку стола несколько часов, вместо нескольких минут. И опять из-за пустяка же повторилась та же история, что и с «шисс де фризом». Чудесный станок был дискредитирован. Обработка станины из-за перегоревшей проволочки втечение трех месяцев отнимала сотни лишних, ничем не оправданных часов, удорожала стоимость изделия, замедляла темпы выпуска продукции и даже ухудшала качество.

— Эх, вы, лапотники, — сказал сердито станочникам один из руководителей завода, заметив однажды перегоревшую проволочку. И этот упрек прозвучал както особенно символично в прекрасном, блестяще оборудованном цехе.

Лапотная, косопузая, ленивая Расея, страна соломенных крыш, страна примитивных древних сох и волокуш, уходящая в небытие, казалось, брала реванш на этом изумительном заводе, которым сегодня не перестает восхищаться весь мир.

Но человек, изменяющий природу, изменяет и собственное сознание. Новая обстановка, новые условия производства и существования формулируют новую психологию. И этот процесс, начавшийся сравнительно недавно, проходит мучительно и сложно. Этот процесс происходит в сознании миллионов людей. И результаты его поучительны.

В детстве, учась токарному ремеслу, я сознательно мазал физиономию сажей, чтобы походить на индустриального рабочего. Я пачкал в металлической пыли и в мазуте свой чистенький мешочек, в котором носил на работу краюху хлеба и соленые огурцы, свой завтрак и обед.

Это выглядит сейчас смешным и нелепым. Но тогда так делали все мои сверстники-мальчишки. Нам хотелось походить на наших учителей. А учили нас квалифицированные люди, токари первой руки, по вечерам после работы походившие больше на трубочистов, чем на токарей.

В мастерских было грязно и душно. Большую часть рабочего времени мы проводили в поисках инструмента. Обязательно у кого-нибудь пропадал резец или еще что-нибудь. И пропавшую вещь надо было искать по всей мастерской. Надо было бегать и ругаться. Об организации рабочего места, о борьбе за его чистоту, об особом положении токаря — человека точной профессии, — об этом никто не думал.

Грязь у станка считалась пустяком. У нас была грязная профессия. И в нашем переулке, населенном мастеровыми и нищими, тряпичниками и мелкими торговцами, моя грязная физиономия, пропитанная металлической пылью, выглядела, как знамя. Я был не хуже людей...

А сейчас на любом из наших машиностроительных заводов, где по утрам у ворот появляются опрятно одетые люди, часто в галстуках, в модных шляпах, в красивых джемперах, грязный человек выглядел бы белой вороной. На него бы показывали пальцами.

Комсомольский конвейер на Московском станкостроительном заводе

Союзфото

Один бывший директор банка, бывший слесарь, посланный за некоторые серьезные провинности обратно на завод к станку, рассказывал, что он долго выбирал в своем шкафу пиджак похуже, чтобы явиться на завод «не франтом». Он надел поношенное пальто, старые сапоги и был посрамлен на заводе в первый же день.

В заводской раздевалке он встретил десятки молодых слесарей и токарей, одетых по последней моде. Они снимали с себя дорогие пиджаки и надевали опрятные спецовки. Бывший директор банка чувствовал себя в этот день хуже всех. Утром на следующий день он без риска за свою «репутацию» явился на завод в обычном своем «директорском» платье.

Изменился не только внешний вид завода, где, в блещущих чистотой цехах, около первоклассных агрегатов, стоят в кадушках цветы, изменился и внешний вид заводских людей. У нас уже сейчас можно насчитать десятки тысяч молодых парней и девушек, которые без отрыва от производства получили заочным путем или на вечерних занятиях среднее и высшее образование. Десятки и сотни заводских рабочих учатся на разных курсах. И эти люди очень сильно, решительно влияют на производство, на всю общественную и производственную жизнь. Эти люди активно участвуют в создании новой технической традиции. Эти люди создают новые нормы производственного поведения. И человек, не желающий выполнять этих норм, рискует безнадежно отстать.

Латышев, прославленный мастер, проработавший в машиностроении полвека, быстро понял это простое положение. И случай с забракованным валиком вырос для него в серьезный инцидент. Вообще говоря, ему, Латышеву, терять нечего. Он достиг уже такого возраста, когда уйти с завода не страшно. Он заслужил себе обеспеченную, сытую старость. Он может пойти на пенсию. Наконец, его никто не гонит с завода. Его здесь любят и уважают. О случае с валиком уже давно забыли.

Но Латышев этот случай никак не мог забыть. Он шагал по цеху, грустный и сосредоточенный. Он был взволнован.

В цехе приближался выпуск первого станка «ДиП».

В цехе научились не только обрабатывать детали сложнейшего станка, но заводу удалось даже изготовить собственными силами сложнейший инструмент, до сих пор ввозившийся из-за границы. Остановка только за шарнирами Гука, которые, как известно, не умеет изготовлять даже фирма, выпускающая станки «VDF». Шарниры Гука требуют точного и тщательного изготовления.

Даже немецкий завод Фрица Вернера, обладающий богатым опытом производства точных деталей, не сразу научился делать шарниры Гука. И неудивительно, что технологическое бюро нашего завода, впервые взявшегося за производство сложных вещей, затруднялось наметить сколько-нибудь рациональный процесс изготовления этих шарниров.

Латышев тихо шагал по цеху, вглядываясь в чужую работу, разбрасывая мелкие замечания. И вот однажды его остановили, чтобы спросить, что он думает о шарнирах Гука? Латышев посмотрел в чертеж, подсчитал что-то и, помедлив с ответом, сказал, что он думает изготовить эти шарниры. В цехе приняли это заявление иронически.

Завод вступал уже в такую фазу своего развития, когда авторитета Латышева, его богатого опыта, было явно недостаточно. И умный Латышев сам понимал это.

Но все-таки он ухватился за шарниры Гука. Это был реванш.

Это была именно та работа, которая способна была или окончательно пошатнуть производственный авторитет старого мастера, или снова поднять его на большую высоту. Это было соревнование, в котором Латышев хотел попробовать свои силы, хотел поставить на карту весь свой опыт, испытать всю свою изобретательность и сноровку.

Утром на следующий день Латышев пришел на работу еще более пасмурным, чем в тот день, когда забраковали впервые в его жизни деталь. Видно было, что старик не спал и озабочен серьезно и глубоко. День он провел в поисках каких-то материалов. А ночью засел за чертежи, за атласы, за расчеты. Впервые в своей жизни Латышев взялся за техническую литературу.

Затем, по прошествии нескольких дней, он начал конструировать особое приспособление для обточки и фрезеровки шарниров. Ему заглядывали через плечо молодые парни. Его торопили. Латышев молчал. Через несколько дней он кончил все приготовления, и слесаря взялись под его руководством за производство шарниров.

В цехе нарастало нетерпение. Латышев чувствовал на себе пристальное внимание всего цеха. Шарниры Гука задерживали сборку «ДиП». Слесаря торопились. Путали. Латышев нервничал, сердился. Он снова был командиром, учителем, безупречным мастером, который пережил отчаяние, тоску, который не постеснялся на старости лет переучивать себя, догоняя завод, перерастающий его.

Шарниры, наконец, были готовы.

Из экспериментального цеха новый пробный станок с тщательно выверенными деталями пошел в производственные цехи, где должен быть налажен серийный выпуск подобных ему.

Латышев испытывал большое удовлетворение.

Утром, в день пятидесятилетия его работы на заводе ему устроили шумную дружескую овацию. Оркестр исполнял «Интернационал». Маруся Кривова, токарь, родная сестра приемщика, забраковавшего когда-то латышевский валик, поднесла юбиляру букет живых цветов.

Латышев счастливо улыбался. Он даже стоял посреди цеха, расстроганный и растерянный, всячески стараясь собрать мысли. Наконец, он выговорил первое слово. Он благодарил заводскую администрацию, своих учеников, товарищей по цеху. Он благодарил советскую власть за то, что она позволила ему, делавшему всю жизнь топоры и рамы, сейчас, на старости лет, перегонять Европу в сложнейшем станкостроении. Он говорил о том, что сейчас, по сути дела, началась самая счастливая полоса его жизни, когда до конца раскрываются все его таланты. Он, в сущности, впервые в жизни работает сейчас на полную мощность.

Людям типа Латышева, старым и старейшим кадровикам наша промышленность в значительной степени обязана своим быстрейшим развитием. Эти старые кадровики учили и воспитывали новое, подрастающее поколение рабочего класса. Они прививали им производственные навыки. Они знакомили их с элементарной азбукой производства.

Но на какой-то стадии развития нашей промышленности оказалось, что этим учителям самим необходимо переучиваться. Ученики кое-где пошли впереди своих учителей. На их стороне была прежде всего молодость. Они быстрее усваивали новые требования, выдвигаемые новыми, значительно усложнившимися условиями производства, в то время как некоторые из их учителей продолжали крепко держаться за старые свои традиции, за деревянный футик. Ученики, естественно, продвигались на командные высоты. Бывшие фабзайцы, еще совсем недавно неумевшие владеть резцом, пройдя необходимую подготовку, овладев теорией и практикой нового дела, становились на место старых, опытных, заслуженных мастеров...

Однажды в цехе появились два новых еще невиданных в нашей стране станка, два первоклассных английских „Wattkin“. Они стояли в цехе около месяца. Из Германии завод ожидал специальных токарей-инструкторов, которые должны были обучить наших рабочих обращаться с этими деликатными станками. Инструкторов ожидали долго. Наконец, в цехе выискался один смельчак — токарь шестого разряда Семячкин, заявивший, что он чувствует себя способным освоить эти станки. Он в Германии, в плену, работал на крупнейших заводах, видел и не такие агрегаты, и, если ему позволят, он докажет, что «не боги горшки обжигают».

После долгих уговоров директор согласился допустить Семячкина к станку. Весь цех заинтересовался этим опытом. И под любопытными взглядами десятков людей Семячкин приступил к освоению. Он часами просиживал над станком, изучая его устройство. Он по ночам, замученный бессонницей, являлся в цех, чтобы еще раз прощупать у станка все детали. Он нервничал, худел, обрастал жесткой щетиной бороды и невозмутимо молчал, когда над ним откровенно посмеивались. Он крепко надеялся освоить станок. Но через десять дней после начала этого освоения произошло несча-

стье. Второпях Семячкин сломал важнейший рычаг.

Рассерженный директор сначала объявил ему выговор, а потом, вероятно передумав, уволил его с завода. Директор был вне себя от гнева: «За это судить надо бездельников,—кричал он.—Дурья голова не понимает, что испортил импортный станок, за который заплачено золотом».

Алексей Семячкин, в сущности, неплохой, опытный токарь, получив сто рублей в окончательный расчет, мог бы уйти на любое предприятие. Его везде бы приняли с распростертыми объятиями. Но он не пошел на другой завод. Через пять дней, попрежнему мучимый бессонницей, явился он на прежнюю работу и буквально со слезами на глазах просил разрешить ему остаться у «Wattkin».

— Я денег не прошу, Егор Кузьмич,— сказал он, — мне денег не надо. Я бесплатно буду работать на станке. Только разрешите. Я поправлю этот рычаг...

Инструкторы из-за границы не приезжали. Директор не выдержал слез пожилого токаря и разрешил ему вернуться на завод. Алексей Семячкин действительно через два дня поправил рычаг и начал почти успешно работать. Он согласился даже взять учеников. Первым к нему пришел учиться Вася Киселев, фабзаяц, которому только что исполнилось семнадцать лет. Десять дней Вася Киселев не отходил от Семячкина. Он ходил за ним по пятам, он следил за каждым его движением, он часами, как и его учитель, просиживал над станком. Наконец, он попросил разрешить ему самостоятельно стать к соседнему станку.

— Я попробую,—сказал он. И попробовав, начал неожиданно работать так, как-будто десять лет не отходил от этого станка. Не в пример своему учителю, он через два дня уже потребовал, чтобы для него установили программу и начал ее успешно перевыполнять. А через десять дней к нему поставили учеников.

В это время, как нарочно, Алексей Семячкин сломал новый рычаг на своем станке. В цехе смеялись. В цехе завоевал популярность Вася Киселев, и Семячкин возненавидел своего бывшего ученика. Он рассказывал о нем неправдоподобные истории. Он заметно нервничал. Алексей Семячкин особенно возненавидел своего бывшего ученика после того, как директор заявил:

— Мое терпение лопнуло. Не могу я тебе позволить калечить дорогую вещь. Иди на прежнее свое место.

Алексей Семячкин опять стал работать на обыкновенном токарном станке. В цехе уже стали забывать о его недавней неудаче. Но он не мог забыть. Он почему-то обвинял в своих неудачах Васю Киселева, который работал теперь особенно хорошо. Алексей Семячкин больше прежнего ненавидел своего бывшего ученика. Алексей Семячкин дал бы много, чтобы выжить этого мальчишку из цеха.

Но какое-то сильное чувство тянуло его к «Wattkin». Неожиданно для самого себя он несколько раз останавливался около станка Васи Киселева и подолгу смотрел на его работу. Наконец, он однажды не выдержал и спросил:

— А как же скорость выбираешь?

Вася охотно и подробно объяснил. В другой раз он рассказал Семячкину еще ряд своих приемов и особенно подчеркнул, что станок любит абсолютную чистоту.

— Иногда пыль заедает. А это очень опасно...

— Ну, это, положим, пустяк, — заметил Семячкин. И между бывшим учителем и бывшим учеником возник серьезный спор. Два поколения токарей спорили о том, что такое пустяк. И в этом споре победил Вася Киселев, бывший фабзаяц, воспитанный в иной более культурной школе, чем Семячкин.

Уходя от «Wattkin», на этот раз Семячкин как-будто не чувствовал уже прежней ненависти. Не сказав этого вслух, он про себя признал правильность доводов бывшего своего ученика. Он понял неожиданно, почему у него ломались рычаги. Он понял многое. И утром, подойдя к Киселеву, сказал приятельски:

— Ты на меня не сердись, Васюк, я человек больной, издерганный. Я понимаю, что ты лучше меня работаешь. Я буду у тебя учиться.

— Я так думаю, Алексей Семенович, — сказал Киселев, — что ты если опять возьмешься за станок, ты лучше меня будешь работать. Ты только небрежничаешь немножко... Ты думаешь, что это пустяк, а это — самое главное.

Лучшие из наших стариков не побоялись самокритики. Лучшие поняли, что в годы первой и особенно второй пятилетки они впервые в жизни, впервые в Российской истории получили, наконец, большой, необъятный простор для применения своего опыта, своих талантов. И потомки знаменитых тульских мастеров, подковавших, как гласит легенда, заморскую блоху, не постеснялись переучиваться и доучиваться на старости лет, не постеснялись вступить в замечательное соревнование отцов и сынов, учителей и учеников.

В этом соревновании родились новые культурные методы работы, выработались и вырабатываются новые, более высокие нормы производительности. В этом соревновании отдельные люди терпят поражения и одерживают победы. В этом соревновании у отдельных людей все время — переменный успех. Но вся промышленность, все хозяйство, вся страна непрерывно, неизменно получают новые прибыли от этого изумительного соревнования.

Оно позволяют не чувствовать старости сотням наших замечательных стариков. Они даже молодеют. Молодеет Латышев, Петр Николаевич, полвека проработавший на одном и том же заводе у Нескучного сада в Москве. Он окружен уважением и любовью людей, вместе с которыми перегоняет сейчас Европу в области сложнейшего станкостроения. Молодеет и его сверстник, семидесятилетний мастер А. Г. Андреев, проработавший полсотни лет на Ижорском заводе. Он возглавляет сейчас сборку больших паровых машин. Молодеют сотни и тысячи лучших людей.

А вот мастер Замаев, и не такой уж, правда, старик, попрежнему брюзжит. Гордость не позволяет ему признать поражение своих методов. Хотя новая практика растущего завода каждый день бракует его методы. Мастер Замаев брюзжит. После работы он сидит на экзамене токарей в инструменталке, слушает, как токарям задают сложнейшие вопросы об определении тангенсов на спиральных фрезах.

— А зачем? — спрашивает вечером свою старуху, слегка подвыпивший Замаев. — Зачем, я говорю, эти тангенсы? Я их сроду не слышал...

И старуха не знает, что ответить.

— Ты бы прилег, соснул чуток, — говорит она второпях.

— Нет, ты мне ответь, — требует Замаев, размахивая руками перед носом жены. Он, вероятно, воображает себя в огромной аудитории. Ему хочется высказаться. Но слушателей подходящих нет. Замаев чувствует одиночество.

И он действительно одинок на первоклассном заводе, где лучшие люди организованно создают новую техническую традицию и подавляют восстание пустяков.

О любви к человеку

Эм. Миндлин

«В полной противоположности к немецкой философии, опускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо, т. е. мы будем исходить не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, и не из мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы придти затем к телесным людям; мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реально-жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и поражений этого жизненного процесса. И туманные образования в мозгу людей являются тоже необходимыми сублиматами их материального эмпирически констатируемого и связанного с материальными условиями жизненного процесса. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание».

Маркс и Энгельс. «О Фейербахе». Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, Москва, 1924.

О социалистическом гуманизме, о равнодушии, о красоте

В октябре минувшего года в кабардинский колхоз Кенже прибыл любознательный американский корреспондент Фишер. Он познакомился с учительницей кенжинской школы, молодой русской женщиной, вышедшей замуж за кабардинца и находившейся накануне родов. Американца интересовало: кем будет ребенок учительницы — русским или кабардинцем? «Разумеется, национальности равноправны, но быть русским все же лучше, чем быть кабардинцем». Разве ребенок не должен наследовать национальность отца? Как с этим мирится русская женщина, мать?

Русская женщина, учительница и коммунистка отвечала, что вопрос о национальности ее будущего ребенка не занимает ее. Ребенок должен быть человеком в полном смысле этого слова. Она добавила: — «Красивым человеком, как говорит наш Бетал».

Ссылка учительницы из кабардинского селения на Бетала Калмыкова не случайна. Словами «красивый человек» секретарь Областного комитета партии Бетал Калмыков определяет человека, который «красив» не чертами или не только чертами лица и фигурой, но всем комплексом своих внутренних свойств, своей жизненной деятельностью, своим умением, способностями, отношением к людям.

Смыслом, который он вкладывает в слово ч е л о в е к, освещены и в свете этого смысла должны быть рассмотрены явления, происходящие в Кабардино-Балкарии.

«Наши заботы посвящены живому человеку» — во всех своих выступлениях повторяет Калмыков. — «Наша цель — создание красивого человек, окруженного красивой жизнью, то есть создание коммунистического общества и воспитание члена этого общества!»

«Самая красивая и самая лучшая из всех машин — это голова человека» — вдруг напоминает он, переходя от темы о равнодушном отношении к машинам и уходе за ними к теме о равнодушии к человеку и об уходе за ним.

В октябре и ноябре в городе Нальчике, столице Кабардино-Балкарии происходили собеседования секретаря Обкома с врачами, учителями, партработниками, матерями — с каждой группой отдельно. Тема собеседований: «Об отношении к живому человеку». Мне посчастливилось присутствовать на этих собеседованиях и записать некоторые мысли Бетала Калмыкова — деятеля эпохи социалистического гуманизма, ученика Сталина.

Однажды из окна своего кабинета в Обкоме он смотрел на главную улицу Наль-

чика. Он видел мальчика-оборванца, беспризорного, прижавшегося к стене дома. Множество людей — мужчин, женщин, детей, стариков, среди которых, были и коммунисты, проходили мимо оборванца с равнодушием, поразившим секретаря Обкома. Четвертого ноября он сам рассказал об этом случае, выступая в Нальчике в здании Ленгородка перед врачами. Как может иметь место подобное равнодушие вообще, а особенно в столице области, где колхозники получают по полтора пуда па трудодень, где колхозник, зажиточней, чем где бы то ни было в Союзе, где обилие хлеба, мяса, меда и молока?! Или здесь еще сказывается инерция чувств, воспитанных в голодные годы? Или человеческие чувства еще не соответствуют материальному строю жизни, отстают от производственных возможностей человеческого общества?

«Если на дороге падает лошадь, — говорил Калмыков, — мы все возмущаемся; если мы видим истощенную лошадь, то останавливаем возницу и требуем ответа за дурное отношение к лошади. Как же можем мы оставаться равнодушными к истощенному человеку, да еще ребенку, стоящему на улице, и как ни в чем не бывало проходить мимо него?»

«Я считаю справедливым привлекать к ответственности за равнодушие к человеку!»

С врачами он говорил о том, что они должны спешить к здоровым людям, чтобы предупреждать болезни. Он создавал план организованного и планомерного вмешательства врачей в быт трудящихся, убеждал их стать не только профессиональными целителями больных и немощных, но создателями здоровых и сильных людей, организаторами нового человека!

С учителями он говорил о методах воспитания чувств в подрастающем молодом человеке социализма, о создании человека, голова которого все понимает, сердце все чувствует, а воля все может.

Беседуя с матерями, он развивал мысль о том, что при социализме каждая мать должна чувствовать себя матерью каждого ребенка, и каждый отец чувствовать себя отцом каждого ребенка в стране, где в каждом взрослом человеке каждый ребенок должен чувствовать отца или мать.

Так он формулировал новое родительское и сыновье чувство в социалистическом обществе.

Беседа с матерями всего Нальчика и района состоялась на стадионе «Динамо» 5-го ноября.

«Мы собрались сюда, — сказал Калмыков, — чтобы побеседовать относительно заботы о живом человеке. Мы хотим рассказать вам, что нами проделано и что намечено. Мы хотим выслушать вас и договориться с вами как лучше и быстрее начать строить новую жизнь, культурную и здоровую. Победы колхозного строя и достижения всего народного хозяйства в нашей области теперь, как никогда, дают нам возможность по-большевистски проявить заботу о живом человеке, матери, ребенке».

Говорил ли Калмыков с врачами, педагогами, или с партработниками, он неизменно устанавливал положение: равнодушие к живому человеку — это основное препятствие для успеха в любой области деятельности.

В беседе с врачами он бросил фразу: «коммунизм — есть тончайшее чувство к человеку». Он говорил, что это чувство руководило большевиками в эпоху гражданской войны и военного коммунизма. «Тончайшее чувство к человеку» повелевает быть безжалостным в борьбе с врагами «нового красивого человека и новой красивой, самой человеческой, коммунистической жизни». Это чувство руководит мастерами и подмастерьями социалистической стройки.

— «Вы знаете, что у меня не дрогнет рука уничтожить врага. Но чувство коммуниста, чувство коммунистического отношения к человеку восстает во мне, когда я вижу как среди бела дня в столице нашей богатой области множество людей проходят равнодушно мимо оборванного ребенка на улице. Я видел, как это было, и этот случай побудил меня созвать вас и поговорить о таких вещах, как «тончайшее чувство к человеку». Мы говорим об этом именно сейчас, когда нам задана задача использовать для наилучшего переустройства жизни развернувшиеся перед нами материальные возможности».

Образ руководителя; отрывок из речи секретаря Обкома

Калмыков: «В прошлом году в среднем по области колхозник получал на трудодень один пуд хлеба, помимо животноводческой продукции. На этой основе мы значительно укрепили колхозы, форсировали ликвидацию беспризорности. Каждый колхозник у нас имеет в своем индивидуальном пользовании птицу, свинью, овцу, каждый колхозный двор имеет и приусадебный огород. Мы подвели фундамент под дело развития животноводческих ферм, обеспечив их кормами, обеспечив также в достаточной мере кормами наше живое тягло. На основе прошлогодней выдачи хлеба на трудодень, наш колхозник уверен в том, что полагающееся ему за труд он непременно получит...

В этом году мы запроектировали на каждый трудодень полтора пуда. А многие колхозы на трудодень дадут и по два пуда. Много и таких колхозов у нас, которые дадут колхознику три пуда на трудодень... Мы сегодня вполне реально говорим о полутора-двух и даже трех пудах на трудодень. А если так, то мы не можем не говорить о необходимости известного поворота. Мы у себя в области не можем и не имеем права бороться просто за полтора пуда на трудодень. Этим самым мы бы ориентировались лишь на то, чтобы сделать нашего колхозника сытым, одетым и только, не давему никакой перспективы.

Наш великий вождь тов. Сталин говорит, что колхозы нужно большевизировать, для колхозника нужно создать зажиточную и культурную жизнь. У себя в области мы имеем солидную базу для создания не просто сытой жизни, а именно культурной зажиточной жизни.

Нам уже мало, что наши поля выглядят не плохо. Для нашего колхозника теперь требуется, чтобы у него в колхозе были бы прекрасные клубы, прекрасные кино, прекрасные электростанции. Наши селения должны быть распланированы. Наш колхозник стремится иметь у себя лучшую домашнюю утварь, чтобы у него была хорошая кровать, хороший стол, стулья, хороший костюм и не один, а несколько, чтобы у него было много белья и т. д. и т. д.

Мы должны убедить колхозника в том, что мало быть сытым, что необходима культурная жизнь. Нужно убедить его в необходимости организовать эту культурную жизнь так же, как в свое время мы убеждали колхозников в необходимости глубоко пахать или хорошими семенами сеять...

Взять к примеру болезни. Если человек хорошо ест, хорошо одевается, живет в хорошем помещении к этому человеку меньше пристают болезни. Болезни — результат нашей некультурности. Некультурность заключается в частности в том, что многие колхозы нашей области, имея обильный урожай, все еще продолжают кормить колхозников плохой пищей в столовых. Мы поэтому сейчас всерьез переключаемся на организацию питания колхозников, чтобы они ели вкусно, хорошо чисто и разнообразно.

Мы должны воспитать нового кабардинца, нового балкарца. А что такое новый человек? Он должен быть в первую очередь культурным — это значит прежде всего быть грамотным.

Во-вторых, культурный человек должен соблюдать жизненную дисциплину. Каждый колхозник, каждый парторг знает, как надо содержать и питать поросенка, жеребенка, цыпленка. А вот как надо заботиться о детях, о живом человеке — этого многие не знают. Не знают, как дети питаются, чем болеют, как они одеваются, в чем нуждаются. Многие наши руководители считают, что забота о живом человеке — это не их дело, а частное дело, которое они отодвигают в сторону, занимаясь больше жеребятами и телятами.

Мы заботимся о воспитании жеребят, телят, поросят, об их кормлении. Как же нам не заботиться о живом человеке? Ведь это наш прямой долг — заняться здоровьем каждой матери, каждого ребенка, каждого человека!

Мы у себя в области ставим это дело так:—тот парторг, у которого детские учреждения организованы лучше, школы обставлены и обеспечены лучше, у которого есть забота о матери и ребенке, хорошее общественное питание — лучший парторг.

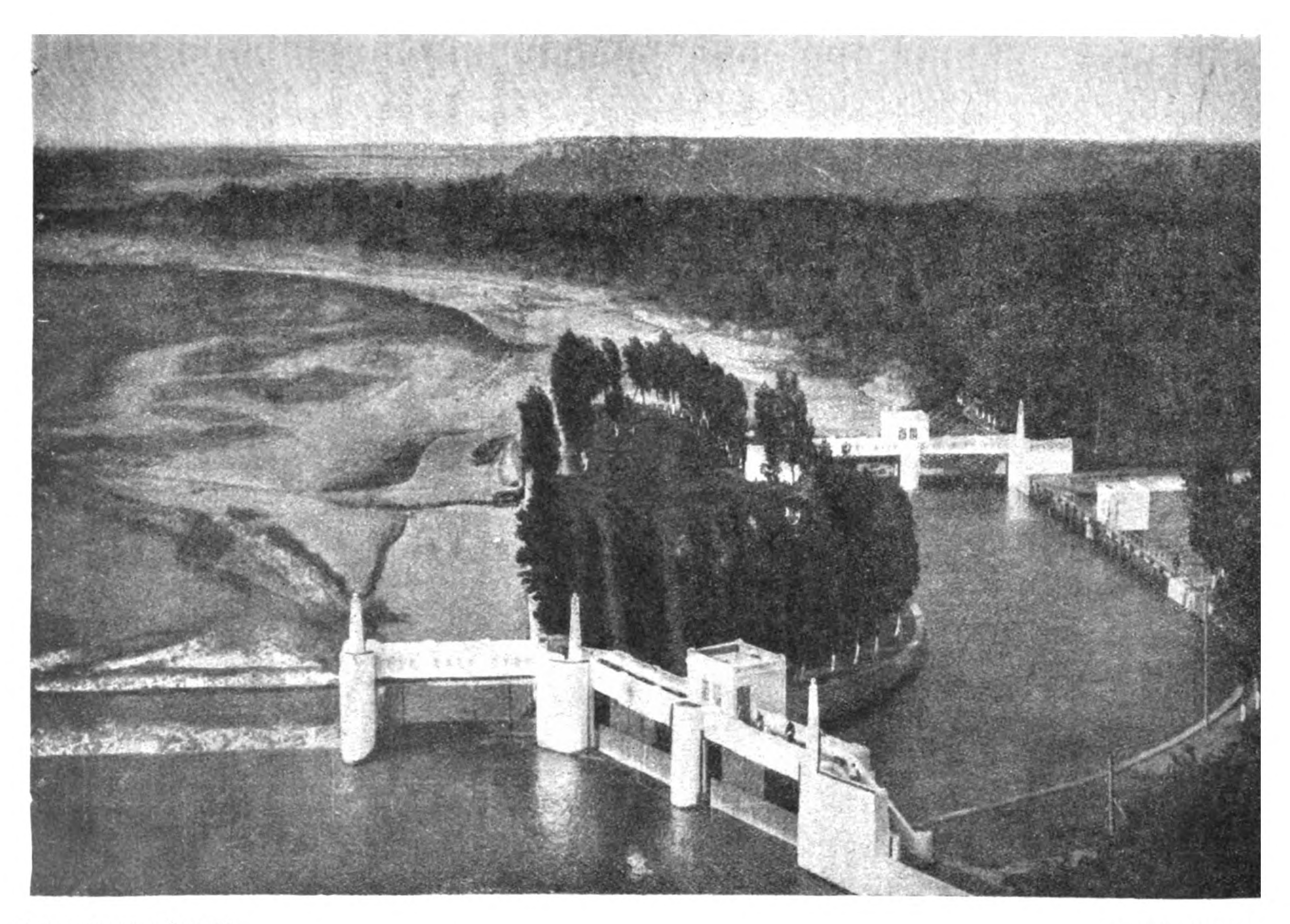
Перед каждым руководителем колхоза и селения мы ставим сейчас задачу работать по-настоящему. А что это значит? Это значит, не переставая, учиться. Когда человек не перестает учиться, он способен и другого учить. Этот человек способен и руководить. А что значит руководить? Руководить — это значит иметь перспективу. А что такое иметь перспективу? Это значит быть на целую голову выше того населения, которым руководишь.

Руководитель должен уметь смотреть вперед и вести за собой колхозников».

От настоящего к перспективам; проблема изобилия

Когда колхозник из кабардинского селения сообщает вам с гордостью, что его семья получает в этом году свыше двух тысяч пудов хлеба, да сотню пудов меда, да много мяса, фуражу, шерсти и другого добра — то он, в сущности, цифрами трудодней определяет участие своей семьи в героическом походе населения Кабарды за урожай — весной этого года.

Это был поход громадного, организованного партией, коллектива людей против слепых стихий, такой же великолепный, как походы «Красина» или «Челюскина», как Кара-Кумский пробег или взлет в стратосферу.

Мало-Кабардинский канал

Фото М. Прехнера

В мае в Кабарде погибал урожай. Человек в растерянности стоял перед хаосом вражеских сил природы. Земля покрывалась многогранниками глубоких трещин. Сухая, обезвоженная, пепельно-серая,— она зловеще звенела под ногами. На небо было страшно смотреть: оно было бледно-лимонного цвета, сплошь залитое неумолимым солнцем.

В печати уже сообщалось, как в эти дни Бетал Калмыков повел за собой весь трудящийся народ области в поход на спасение урожая. Старики, женщины, молодежь, работники партии и органов советской власти поливали поля вручную день и ночь. Страну покрывали каналами, меняли русла горных речушек, зазывали воду с гор на засушливые поля. Одно только селение Кизбурун прорыло оросительную сеть в двенадцать километров. Река Баксан, текущая от ледников Эльбруса, двинулась на сухие, обезвоженные поля кизбурунцев.

Поход продолжался три недели. В три недели изменилась топография большой области. В селении Псыгансу семидесятилетняя Балкизова соревновалась с семидесятипятилетним Макоевым, восмидесятидвухлетняя Сабанова с восмидесятипятилетним Зезнодуковым. То были эпические дни Кабарды, показавшие людям, как много могут они, какие дела им под силу, когда они объединены в общем порыве общей целью и волей.

Урожай поднялся наперекор природе, вопреки силам стихий. Гордость высоким доходом в Кабарде — это гордость победой над природой. Плоды победы оказались неожиданными даже для самих победителей: в колхозе Псыгансу снимали по 22 пуда пшеницы с гектара. Это — приблизительно средняя цифра урожая пшеницы по области.

Урожай оказался делом рук человека.

Так родилось богатство в области, руководимой учеником Сталина — вождем Кабарды Беталом Калмыковым.

Вместе с богатством родилась «проблема» богатства, проблема разумнейшего использования его. Калмыков напоминал, что задача не только в том, чтобы свалить к ногам колхозника груду материальных средств, обкормить его. Задача в том, чтобы добытое в боях с природой добро стало источником новой культуры, новых форм жизни.

Колхозы Кабарды выдают на руки каждому колхознику полтора пуда хлеба. Но в большинстве колхозов на трудодень приходится значительно больше полутора пудов. Все что выше этих полутора пудов поступает в местный культурно-хозяйственный фонд. Средства фонда — это та часть заработка колхозника, которую он расходует сообща со всеми другими колхозниками на цели, общие всем им. Это та часть трудодня, которую в индивидуальном порядке он даже если бы и хотел не сумел бы расходовать.

Вот пример среднего кабардинского колхоза Псыгансу. Трудодень здесь — два с четвертью пуда. Полтора пуда колхозник получает на руки. Три четверти пуда с каждого трудодня поступают в фонд. Но они возвращаются к колхознику незамедлительно эти, якобы недополученные им три четверти пуда. Этот излишек реализуется так, как он не мог бы быть реализован, если бы попал непосредственно к колхознику.

Селение Псыгансу выстроило отличную школу-десятилетку. Жителям селения понравилась мысль — видеть всех школьников селения одетыми в одинаковое красивое форменное платье. Разумеется, это легче сделать организованно, приобретая материал для форменных платьев одновременно на всех школьников и изготовляя его в общей мастерской. Средства для этого берутся из фонда. Фонд — новая зародившаяся в Кабарде форма «коллективного использования излишков заработка».

Псыгансу затрачивает в этом году о д и н м и л л и о н р у б л е й на новое строительство. Этот миллион берется из фонда, образованного излишками трудодня.

На средства этого фонда строится электростанция, которая осветит не только дома селения, но и все четырнадцать полевых станов колхоза, разбросанных на трех тысячах гектарах полей. На средства этого фонда приобретается племенной скот, создаются фермы, строится клуб, кино, школы, бани, стадион, организуются туристские поездки колхозников.

Более половины года колхозник проводит в полевых станах. Эти полгода он питается за счет общественного питания, организованного на средства того же фонда. Фонд субсидирует питание детей круг-

лый год — в детсадах, яслях и даже спортивных площадках.

Таким образом, «излишек», оставленный колхозником в фонде, возвращается к нему не только в виде одежды для его ребенка, места в новом клубе, света в электрической лампочке и т. д., но и в том куске баранины, который он получает к обеду во время полевых работ.

В селении Псыгансу, где на каждый двор приходится до 150 штук птицы, корова и овца, средний заработок колхозника около 190 трудодней, т. е. около 500 пудов хлеба. Это — не считая мяса, фуража, жиров, меду и шерсти. Семья из трех работников получает не меньше 1000 пудов хлеба.

Вот короткий опрос Хакяши Шариушова, главы семьи, старика, инспектора по качеству в Псыгансу:

— Были ли вы бедняком прежде?

— Что вы. До революции я жил неплохо. По 700 пудов в год бывало получал хлеба.

— Давно вступили в колхоз?

Шариушов признается, что вступил последним. Не легко было расстаться с собственным хозяйством. Семья его — восемь человек. Работают — шесть.

— Сколько вы заработали в этом году всей семьей?

— Больше двух тысяч пудов хлеба, да меду около 120 пудов, мяса и прочее.

В прошлом году он получил 1 400 пудов. Осталось с прошлого года — 400 пудов. Итого в этом году в семье Шариушова — 2 400 пудов хлеба. Полгода шесть работников будут питаться за счет фонда (во время полевых работ). Как бы щедро семья ни расходовала на питание, — больше 500 пудов при таком положении ей не проесть. Пудов 500 — оставит про запас. А 1 400 пудов — это товарный хлеб. Это те средства, при помощи которых семья Шариушова оденется, переменит обстановку в доме, приобретет патефон, зеркала...

Но старику Шариушову не только сытнее. С его уст сорвалось слово, перевод которого на совести переводчика, сказавшего так:

— Шариушов говорит, что теперь ему интереснее.

Старик прежде жил интересами своего хозяйства. Теперь он стал инспектором качества. Его личный заработок находится в прямой зависимости от состояния хозяйства всего селения. При этом как инспектор качества он блюдет интересы этого хозяйства. В старом Шариушове возникает новое до того неизвестное ему чувство «больших интересов». «Большое» дело, порученное ему, в котором он к тому же кровно, благосостоянием своим заинтересован, дает ему ощущение собственной возросшей значимости. Это настолько расширяет круг его интересов, так раздвигает горизонт, что Шариушову не сидится на месте. Только теперь вдруг захотелось ему повидать мир, и старик мечтает о путешествии в Москву, которую он впервые начинает воспринимать как свой главный город, как свою столицу.

Так происходит на почве новых материальных сношений между людьми, «развивающих свое материальное производство», — рождение новых чувств, для определения которых еще не найдены достаточно точные названия.

О влиянии полевого стана на быт и о мечтах коллектива

Председатели правлений колхозов, секретари парткомов в селениях — ученики Бетала Калмыкова. Он разыскивал их в аулах Балкарии, в деревнях Кабарды, посылал в Нальчик учиться — кончать совпартшколу или Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу в основанном им комбинате учебных заведений; потом испытывал их сам — знают ли толк в сельском хозяйстве, как разговаривают с народом — и ставил на работу.

Секретарь парткома селения Псыгансу — один из его учеников, Мурид Кардангушев, почти дословно повторяет слова Калмыкова:

— Мы прежде всего решили изменить обстановку, в которой наш человек трудится. С чего нам начать заботу о живом человеке? Мы думаем так: надо чтобы ему прежде всего работалось легче и лучше.

Кардангушев повез нас за пределы селения на поля Псыгансу в полевые станы. На трех тысячах гектаров земли на приблизительно равных расстояниях друг от друга — выстроены четырнадцать полевых станов. Мы застали их в период реконструкции и расширения. Средства местного фонда уже обращены на улучшение этих станов. Каждый из них пред-

ставляет собой поселок в миниатюре, перенесенный на место работ.

Если старое селение строили даже в относительной близости к землям селян, то после революции оно неизбежно оказывалось отброшенным на большие расстояния от полей. Ведь земли выросли, поля расширились сначала за счет помещичьих, кулацких земель, затем за счет целины. Во многих местах всерьез слаженный полевой стан перерастает в ячейку нового селения. Новые формы материального производства, развитие этого производства вызывает необходимость переноса человеческих поселений на новые места.

Полевой стан в Кабарде уже служит вторым селением. Это постоянная полугодовая резиденция колхозника. Стан— это комбинат кирпичных зданий. В центре — дом-общежитие. В женской и мужской половине блестящая чистота напомнила нам обстановку в гостинице Нальчика, где все исполнено уюта и чистоты. Люди приходят с полей потными и грязными. Казалось бы — как сохранить белизну этих спален с веселыми пестрыми, пушистыми байковыми одеялами и белейшим постельным бельем на пружинных кроватях. Но ванна после работы перед ужином и сном в полевом стане обязательна.

К чистому постельному белью, к каждодневной ванне, к мягкому байковому одеялу колхозник привыкает сначала в общежитии полевого стана. Затем, возвращаясь в свое старое селение, старое жилище, в старую обстановку, он видит ее теперь как бы внове. Он четко ощущает контраст между обстановкой старого своего дома и обстановкой только что покинутого полевого стана. **Полевой стан революционизирует домашний быт колхозника.**

Колхозница, дети которой пробыли полгода в яслях или в детсаду полевого стана и поздоровели от свежего белья, от правильно приготовленной пищи, от правильно созданной обстановки, — такая колхозница, требует чтобы и в селении вторую половину года ее дети не находились в худших условиях. Но требовать мало. Она сама принимается **работать, организовывать** подобные учреждения. Общественная деятельность женщины-матери, даже отсталой колхозницы, начинается с забот об устройстве садов и ясель для детей. Обыкновенно, это служит началом пробуждения в ней способности вообще жить общественной жизнью и **действовать на общественном поприще.**

Культурная, разнообразная еда, которой питаются колхозники в полевом стане, заставляет их задуматься о том, «как они едят». Полевой стан влияет и на «производство пищи».

Когда колхозник раздумывает что бы ему приобрести на заработанные «полуторапудовые трудодни», — он прежде всего обращается мысленно к предметам, виденным им в полевом стане. Он желает такие же кровати, столы, белье, посуду. Но вот он приобрел и разложил на полу своего жилища, такие же цветные дорожки, какие видел в полевом стане.

Раньше он мог не замечать грязи, вносимой с улицы на серый грязноватого цвета пол. Сейчас он замечает, что грязь портит новую, приобретенную им вещь— дорожки на полу.

Хозяйка, на которой лежит обязанность убирать и чистить эти дорожки и вообще весь дом, первая понимает, что отсутствие тротуаров в селении наказывает ее, хозяйку.

Я застал в Псыгансу горы булыжников у домов. Часть тротуаров уже готова. Нужно видеть рвение, с которым колхозники Псыгансу мастерят свои тротуары: ведь этим они защищают свои дома от вторжения грязи, новые вещи от порчи.

Мурид Кардангушев утверждает, что инициатива замощения тротуаров в селении принадлежит женщинам.

Так постепенно мысль колхозника отрывается от обстановки и интересов замкнутого личного жилища и обращается на общую обстановку селения, в котором он живет.

Здесь начинается общая заинтересованность всего коллектива в **реорганизации Псыгансу.** Рождаются мечты **о карьере селения.** Перед жителями Псыгансу — хорошо известный им пример таких селений, как **Кенже, «Ленинцы», Заюково.** Это колхозы-миллионеры, которым **уже** по средствам приступить к строительству **агрогородов.**

«Человечество, — говорит Маркс, — всегда ставит себе только такие задачи, которые оно в состоянии решить, ибо при ближайшем рассмотрении всегда ока-

Бетал Калмыков среди колхозников

Фото М. Прехнера

зывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся уже в процессе образования».

Агрогорода Кабарды; Красивая улица. О голосовании «за»

В октябре в Нальчике состоялась архитектурная конференция, посвященная реорганизации отдельных селений Кабарды в агрогорода. Архитекторы, прославившиеся своими проектами дворцов, набережных, театров, — приглашены оформить новые поселения людей Кабарды. Перепланировка селения Кенже поручена всесоюзно-известному архитектору Желтовскому.

Не проходит дня, чтоб к секретарю парткома в Кенже не заходило три-пять человек, справляющихся — не слыхать ли чего о проекте.

— Как архитектор? Вестей не подает еще?

Архитектор Желтовский, занятый многими другими работами, задерживает посылку проекта агрогорода Кенже. Это обстоятельство волнует колхозников.

Слух о том, каковы будут задуманные агрогорода, широко разнесся по селениям области. Известно, что дома для жителей агрогорода строятся одно- и двухквартирные. — В каждой квартире по кухне.

Колхоз «Ленинцы» потребовал ванную в каждой квартире: ванные полевых станов создали эту потребность.

Каждый из кварталов агрогорода задуман как самостоятельный архитектурный ансамбль. Посреди улицы вдоль ее тянется цветник: по одну сторону его—шоссе для автомобилей, по другую—булыжная мостовая для других видов транспорта. Перед каждым домом со стороны улицы—цветники, а позади дома — небольшие огороды и приусадебный фруктовый сад. Для прогона скота специальные улицы, на которые с двух сторон выходят дворы колхозников. По этим же улицам двигаются тяжелые сельскохозяйственные машины. В центре агрогорода—несколько двухэтажных домов для агрономов, учителей, врачей, гостиница. Дом стариков, школа, детские сады, клуб, театр, библиотека, стадион, лечебница.

На окраинах агрогорода — производственные постройки, предназначенные для животноводства, полеводства, садоводства, огородничества. Особый квартал на окраине занят бригадными полевыми дворами с мастерскими, гаражами, конюшнями, складами, зернохранилищами.

Последним был решен вопрос о гараже при каждом дворе колхозника. Калмыков настоял на индивидуальных гаражах. Он говорил на краевом съезде колхозников-ударников:

— Почему семья добросовестного колхозника-ударника из шести-семи человек не может иметь гаража для легковой машины? Неужели вы думаете, что автомобили, выпускаемые гигантами-заводами нашей страны, имеют прямое назначение только для МТС, для совхозов, для производства? Неверно! Я глубоко убежден, что пройдет еще немного лет и на социалистической земле Советского Союза каждый колхозник будет иметь при своем доме гараж и легковую машину!

Кенже, Заюково, «Ленинцы» — уже приступили к созданию агрогородов. Люди, их населяющие, живут в предвкушении совершенно новой обстановки, которая будет их окружать не позднее чем через три года. Они начинают с забот об обстановке своего дома и постепенно переключаются на заботы об обстановке всего селения. Общность интересов все крепче и все более сплачивает коллектив. Каждый начинает чувствовать себя сохозяином строящегося агрогорода. Когда архитектор Желтовский задерживает проект Кенже, то это обстоятельство касается лично каждого из граждан Кенже. Но судьбы агрогорода неразрывно связаны с судьбами всей области и всей страны. Колхозник мечтает о собственной легковой машине.

Для того, чтобы у граждан агрогорода могли стоять в гаражах принадлежащие им автомобили, нужно, чтобы соответствующе работала автомобильная промышленность страны. Увлеченный процессом перестройки своего быта, колхозник незаметно для себя увлекается процессом перестройки жизни всей страны. Он начинает чувствовать себя уже не только сохозяином своего селения, но сохозяином страны.

У селения Псыгансу, которое еще недостаточно богато, чтобы приступить к превращению в агрогород, есть перспектива: стать как Заюково, Кенже или «Ленинцы». Граждане селения Псыгансу жи-

вут общим будущим. Так у селения появляется цель, подобно тому как имеет общую цель вся страна. Цель жизни осмысливает ее. Жизнь селения получает смысл, которого раньше, не было и не могло быть.

— У вас будет красивая улица! — воскликнул Мурид Кардангушев. — Разве вы не хотите жить на красивой улице?

Он произносил речь на собрании колхозников Псыгансу, убеждая приступить к перепланировке села. У колхоза уже есть машины — им приходится вертеться в кривых улицах Псыгансу, застревать в топкой грязи. Еще нет возможности создавать агрогород: для этого нужно, чтобы реальный трудодень в Псыгансу стоил не два с четвертью пуда, а пять-семь пудов, как в «колхозах-миллионерах» — Заюково, Кенже и «Ленинцы». Но Псыгансу уже достаточно богато, чтобы иметь прямые улицы с тротуарами и приличной мостовой для автомашин.

— Разве вы не хотите жить на красивой улице?

Но, чтобы проложить прямые улицы, нужно тут и там сносить старые жилища колхозников. Тот, чьему дому не грозил снос — голосовал «за» перепланировку, тот кто боялся за дедовское жилище, голосовал «против». Семидесятилетний старик Шариушов, бывший середняк, последний вступивший в колхоз, долго не мог решиться голосовать «за». Перепланировка сулила разрушение его старого дома, в котором Шариушов провел детство, в котором жили его дед и отец. Наконец, он выступил и стал рассуждать приблизительно так:

— До колхоза я жил не бедняком, в лучшие годы по 700 пудов хлеба у меня оставалось. А в этом году я получил 2 000 пудов. Значит мне от колхоза не хуже, а лучше. Могу я верить теперь колхозу? Могу. Если мне говорят, что меня в другой дом переселят, значит так и будет. Я подумал и решил, что надо делать у нас прямые улицы и пусть ломают мой дом!

О воспитании чувств; о средствах для достижения цели; понятие о труде и чести; собственность

«Люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления» (Маркс).

Возникают новые понятия чести, знатности, превосходства, новые понятия о позоре.

В Кабарде на областных съездах делегаты районов размещаются в зале заседаний в зависимости от того, как хорошо работают представляемые ими колхозы. Лучшие — впереди, худшие — позади. Когда подобное «местничество» возникло впервые, то позади всех оказались старики и старухи из районов Нагорного и Малой Кабарды. Возвратившись после съезда домой, они буквально переполошили свои колхозы рассказами о своем позоре.

18-го сентября 1934 года Калмыков созвал областное совещание секретарей парткомов и парторгов худших колхозов. Накануне состоялось совещание партруководителей лучших колхозов. На совещании худших — лучшие присутствовали в качестве гостей.

Калмыкову пришлось на несколько минут отвлечься от худших, чтобы предостеречь лучших.

Он говорил лучшим:

— Ваши колхозы работают сейчас немножечко лучше других, вы сами немножечко лучше работаете. Но то, что вы сделали в своих колхозах и то, что еще нужно сделать, — это большая разница. Чтобы ваши колхозы были действительно большевистскими, вам нужно еще очень много работать. Только тогда, когда вы будете каждый день недовольны своей работой, когда вы будете чувствовать, что делаете очень мало и постоянно думать, что у соседа работа лучше и достижений у него больше — только тогда вы сможете по-настоящему бороться за реализацию тех задач, которые поставлены перед нами партией и правительством.

В Кабарде каждые два соседних колхоза соревнуются. Калмыков приучил руководителей думать, что сосед работает лучше и стараться превзойти соседа.

Если Псыгансу кончает весенний сев на сутки раньше Кахуна, то Кахун «отомстит» тем, что управится с подсолнухом на два дня раньше, чем Псыгансу. Псыгансу первое выполнило план хлебопо-

ставок. Кахун вместе с последними центнерами плана вывез на элеватор сто подвод кукурузы, запроданной кооперации по хлебозакупкам. Когда Псыгансу принялось мостить тротуары, Кахун — также взялся мостить свои, но «ответил» строительством новой школы. В Кахуне оборудовали радиостанцию прежде чем в Псыгансу. В ответ Псыгансу первое выстроило новые бани. Кахун поспешил выстроить бани вслед за соперником, но «покрыл» его созданием Дома для стариков...

Нальчикский район соревнуется с Урванцевским. Секретарь Нальчикского района Налоев проезжает по Урванцевскому району, где секретарствует в райкоме Мирзоев. Налоев видит искалеченный, требующий срочного ремонта мост. Налоев вылезает из машины и на полусломанном мосту «соперника» пишет мелом крупными буквами:

«Мост имени Мирзоева».

Этого достаточно, чтобы на другой день мост был починен.

Соперники, думая о том, чтобы «победить», то есть превзойти друг друга и указывая беспрерывно друг другу на недостатки в работе, на деле лишь помогают один другому, не всегда даже подозревая об этом.

Проверяя хозяйство друг друга, каждый из них действительно неустанно печется о росте своего противника.

Кто бы ни оказался в проигрыше из двух соревнующихся — всегда в выигрыше оказывается все общество, строящее социализм.

Колхозы Кабарды соревнуются: кто из них лучше заботится о детях, немощных стариках, о которых Калмыков говорит, что они должны быть на положении детей...

Сейчас колхозам Кабарды предстоит соревноваться по линии наилучшей заботы о... путниках.

Бетал Калмыков предлагает: у перекрестков дорог, вдоль шоссе и тропинок — тут и там насадить небольшие сады, огороды...

Он рисует такую картину:

— Идет или едет человек по дорогам социалистической области. Вот он дошел до такого сада или баштана, сорвал всем и каждому принадлежащий арбуз или нарвал груш в саду и сел на краю дороги полакомиться. Вы скажете: а что если он оборвет баштан, опустошит сад? Но зачем же он станет делать это, если таких садов и баштанов будет много и если они не будут никому принадлежать? Или вы не верите в социалистического человека? Пусть несознательный человек сначала попортит где-нибудь такие сады и баштаны. Но изобилие, которое мы должны создать, но сам факт существования таких всеобщих садов и баштанов перевоспитает этого человека! Пусть каждый колхоз выделит один-два гектара для таких садов и баштанов!

О спартакиаде; о крестьянском платье; о подъеме на Эльбрус

Осенью минувшего года в городе Пятигорске происходила колхозно-совхозная спартакиада Северного Кавказа.

Кабардино-Балкария, руководимая Беталом Калмыковым, заняла на спартакиаде первое место.

— Человек должен быть красивым,— говорит Калмыков.— Физкультура должна сделать человека красивым.

В своих выступлениях на съездах, на совещаниях в районах, в области он отводит вопросам физической культуры такое место, как и другим важнейшим вопросам перестройки жизни и самого человека.

Если все три агрогорода Кабарды и все наиболее богатые колхозы строят собственные стадионы, то колхозы неизменно обзаводятся спортплощадками.

Физкультура заставляет крестьянина сбрасывать тяжелое специфически «крестьянское», «земляное» платье — жаркое и неудобное. И это уже не только в одной Кабарде — это явление, наблюдаемое во всех областях Союза.

Одежда крестьянина — «земляное одеяние» — внешний признак, делающий «выходца из деревни» хотя бы по виду «чужим» в городе.

В Кабарде «смена» платья произойдет не потому, что внедрятся европейско-руссифицированные покрои.

Платье изменится благодаря физкультуре.

В Кабарде в домах, на заседаниях и очень часто в национальных школах еще сидят в меховых шапках. Это привычка.

которую искоренить трудно до чрезвычайности.

Одной из причин этой многовековой привычки людей Кавказа является распространение малярии. Часто бывшие малярики остаются в шапках и после того, как приступы малярии перестают угрожать им.

Кабарда, войдя в новый прекрасный дом, созданный ею, забыла снять шапку.

Но бытовые привычки должны быть порождены необходимостью, чтобы утвердиться всерьез.

Такой необходимостью, приучающей расставаться с тяжелой шапкой на голове, оказываются повсеместные занятия физкультурой.

«Земляной человек перестал быть рабом земли, обреченным на вечный труд существом. Новые формы взаимоотношений человека с землей предоставили в его распоряжение досуг, которого раньше он не имел.

Занятие своим телом, укреплением его, совершенствованием его — стало возможным только в итоге новых, социалистических производственных отношений, предоставивших человеку села досуг. Получив досуг, чтобы мыслить, осмыслив перспективы, стоящие перед ним, этот человек обнаруживает в самом себе возникновение потребностей, до того ему непонятных и неведомых. Он хочет посмотреть, или изучить то большое и интересное, что творится вокруг него далеко за пределами его колхоза.

Секретарь парткома Псыгансу Мурид Кардангушев передает о настойчивых требованиях колхозной молодежи, да и колхозников всех возрастов — организовать поездки на новостройки и в столицу СССР.

В фонде колхоза, образованном из излишков трудодня (все, что выше полутора пудов на трудодень), вводится новая постоянная статья расхода: — «туризм».

Провожая нас из Псыгансу в Нальчик Мурил Кардангушев просил остановить машину на полях колхоза. Он указал на ровную площадку метров триста на четыреста и деловито осведомился: как полагаем, не плох ли аэродром? Оказывается, колхозники, оскорбленные тем, что во время облета эскадрильи — самолету негде было снизиться у Псыгансу, постановили оборудовать собственный аэродром. Будут аэроплан применять для сева, удобрения, борьбы с вредителями. Да и с Калмыковым быстрее сообщаться.

Когда-нибудь на собственном самолете в Москву полетим!

Мурид Кардангушев — один из тех партийных работников Кабардино-Балкарии, которым в августе 1935 года предстоит вместе с Беталом Калмыковым подняться на вершину Эльбруса — высочайшей горы Европы.

Это будет поход пятисот лучших колхозников и партработников области.

Бетал Калмыков ведет их на Эльбрус, открывая перед ними новые формы наслаждения чувством властвующего над землей человека.

Это будет подъем победителей.

ШАРЛЬ СИУ И ГРИГОРИЙ КАПАЛИН

А. Сбитнева

«Напрасно, господа, беспокоитесь. Дело у вас не пойдет». Шарль Сиу раскланялся и ушел, конвоируемый красногвардейцами Московской чрезвычайной комиссии...

Всю жизнь Шарль Сиу сражался с домом «Эйнем». Письма коммивояжеров, отчеты о ходе оптовой и розничной продажи изделий Сиу были письмами и отчетами о движении товаров Эйнем.

«Свои» люди работали на фабрике «Эйнем». Они приносили к Шарлю образцы сырья, новых этикеток, четверостишия и двустишия из басен Крылова и народных песен. И Шарль Сиу заставлял служащих перерывать русских классиков и старые песенники для того. чтобы найти более хлесткие басни или более лирические строчки. Он обучал служащих искусству давать взятки потихоньку, и строго-настрого запретил приказчикам говорить о том, что к жалованию они получают проценты с оборота магазина.

Шарль Сиу завидовал тому, что у Эйнема расторопные коммивояжеры, обладающие чутьем зверей. Он знал о каждом умелом мастере, о каждом поворотливом рабочем, появлявшемся в мастерских фабрики Эйнем.

В 1917 г., в день, когда вся Москва вышла на улицы, в конторе Сиу работа шла обычным порядком. Только, здороваясь. люди внимательней и дольше смотрели в глаза друг другу.

После работы всех пригласили обедать. Банкеты редко устраивались домом Сиу. но всегда проходили пышно. На них приглашали не только администраторов из правления, но и мастеров с фабрики и приказчиков из магазинов.

Верный традициям дома Сиу, Шарль старался быть для служащих «отцом родным».

По обычаю, обед начинался речью хозяина. На этот раз Шарль Сиу, подняв бокал на уровень лица, весело, с оттенком лукавства обвел всех присутствующих глазами и сказал: «В Париже тоже поют «Марсельезу».

Его поняли все. Пили за хозяина, за Марсельезу, за русскую революцию.

Фабком не казался вначале очень страшным. Шарль Сиу решил уступить «духу времени» и поменьше ссориться с рабочими. Он отвел для комитета приличное помещение. Но когда с фронта вернулся лучший конфетчик фабрики Григорий Васильевич Капалин, Шарль Сиу решил отказать ему в приеме на работу.

Предчувствовал ли Сиу, что этот человек готовит окончательное поражение фирмы Сиу и К°? Он нашел имя Капалина в «черных списках», которые сохранились в конторе и после революции «для справок», и узнал в нем руководителя фабричной забастовки 1912 г. Сиу согласился допустить Капалина к работе только после долгих споров с фабричным комитетом, из страха перед конфликтом.

Утром, обходя фабрику. Шарль Сиу увидел Капалина у машин в карамельной мастерской.

Капалин вышел на работу в белом, накрахмаленном колпаке и чистом, выглаженном халате. На лице его видны были следы усталости. В армии он год болел малярией и больной два месяца провел в дороге, пробираясь из Ташкента в Москву. Но щеки Капалина были чисто выбриты, движения уверенны. Казалось, что все эти годы он не покидал мастерской.

Шарль Сиу привык к тому, что за время «беспорядков» в России рабочие развинтились. Они выходили на работу без халатов, сидели на столах, курили, когда Шарль Сиу проходил по мастерским, никто не вставал. Вслед ему отпускали нелестные эпитеты.

Заметив Шарля Сиу, Капалин поклонился, как это всегда делали мастера.

Умный, проницательный человек, Шарль Сиу понял, что перед ним наиболее сильный, смертельный враг. Он, может быть, не запустит гайкой в голову, не скажет с перекошенным от злобы лицом «кровосос», но отнимет все. И Шарль Сиу не ошибся. Первый его широкий план разбился о Капалина.

Давно уже возникла у Сиу мысль о «забастовке фабрикантов». Предсказания о скором провале большевиков не сбылись. Шарль Сиу решился.

По фабрике было объявлено, что правление предлагает рабочим получить зарплату за три месяца вперед и уйти в отпуск, так как сырьевые ресурсы фабрики исчерпаны.

Трехмесячный заработок! В один день. Можно было податься в хлебные места. Можно было закупить продуктов на целый месяц.

Триста рабочих ушли с фабрики. Триста человек, и ни одного больше. Капалин был во всех цехах.

В глазах Капалина были слезы, когда он говорил: «Вы хотите взять у него кусок хлеба, за который будут расплачиваться ваши дети до десятого поколения. Шарль Сиу хочет дать вам трехмесячный заработок не потому, что он не спит ночей, думая о вашей судьбе. Он не спит ночей, думая о том, как бы убрать вас с фабрики, а фабрика без вас ничто, и вы без фабрики тоже ничто»...

И голодные рабочие возвращались в цехи. Однако, в цехах останавливались машины за машиной. Сырье не поступало. «Мы вас предупреждали, что нет сырья», говорил Сиу. Вечерами ломовики тайком вывозили со двора фабрики остатки сырья.

Комиссия рабочего контроля, которой руководил Капалин, взяла на учет все, что было на фабрике, но сверить с книгами не могла — бухгалтерия велась на французском языке, а члены комиссии не умели правильно писать и по-русски.

И как это не было обидно, Капалин должен был просить Московскую ЧК — «Шарля Сиу, арестованного по делу о заговоре иностранной миссии, привозить на час в день на фабрику, чтобы разобраться с делами». Шарль Сиу был отменно вежлив, но бухгалтерские записи не становились яснее. «Напрасно стараетесь, господа»...

Капалин нашел бухгалтера, знающего французский язык. Когда декрет о национализации вступил в силу, учет на фабрике Сиу был точным отражением ее состояния.

И вот Капалин — директор. От него зависит судьба фабрики, четырех тысяч ее рабочих. В те дни каждая дымившаяся фабричная труба была как знамя на осажденной крепости.

Директор на фабрике без сырья! Ни бобов какао, ни сахару. Капалин побывал на всех складах, мелких мастерских, брошенных пекарнях, какие можно было найти по закоулкам пустующей Москвы. Нет какао, нет сахару, но есть подсолнухи, сахарная патока, глюкоза. На складе фабрики нашли остатки масла-какао.

Директор пробовал каждый продукт на вкус, на запах, на вязкость.

Фабрика выпустила конфеты по новому рецепту «сухим, холодным способом». Эти камешки называли пушистым именем «Парфе». Их грызли дети, их давали больным в госпиталях.

...Шарль Сиу начал свою карьеру с знакомства с лучшими кондитерскими предприятиями в Европе. Капалину в первые дни директорства пришлось выехать в лес для заготовки дров. Из всех кондитерских предприятий Москвы, только фабрика б. Сиу и К° не погасила топок и не спустила воды из котлов.

Шарль Сиу в это время был уже за границей. Как зло посмеялся бы он, если бы увидел «Парфе» из патоки и подсолнухов! Какой великолепный анекдот можно было бы рассказать в Париже о «красном директоре», самолично рубящем лес для отопления предприятия!..

Даже те из нас, кому в Октябре 1917 г. было десять—двенадцать лет, помнят имя Сиу. Имя Сиу мы видели на пачках печенья, на шоколадных обертках. Мы видели это имя на брандмауэрах домов.

Это имя вламывалось в нашу память, в наше сознание. Сиу, Сиу, Сиу! Эйнем! Жорж Борман! — Но рекламная шумиха бессильна была повысить спрос.

На душу населения царской России приходилось всего полкилограмма кондитерских изделий в год. Миллионы крестьянских детей не знали продукции знаменитых фирм, — самое большое, что

они получали — это кустарные пряники на пасху: барашки или петухи, разрисованные ядовитыми красками.

Но и в городах кондитерская продукция, несмотря на бешеную рекламу, продвигалась туго. Господин Чацкин, лучший коммивояжер фирмы Эйнем в 1913 г. жаловался в своих секретных донесениях фирме: «Общее положение в Киеве неважное, торгуют после праздников тихо, зимы нет, стоит отвратительная погода, сообщения с городом возможны только по железной дороге, на колесах никак проехать нельзя»...

«Общее положение в Одессе плохо. Общий застой в делах. Нет экспорта самых необходимых товаров. Порт пустует. Безработица полная»...

В 1913 г. фабрика Шарля Сиу выпустила 4500 тонн кондитерских изделий. В 1934 году та же фабрика, переименованная в «Большевик», под руководством Григория Васильевича Капалина, выпустила 34000 тонн, далеко не удовлетворяя спроса. И фабрика «Большевик» не истратила ни одной копейки на подкуп агентов, на содержание штата толкачей, разведчиков, шпионов.

Адольф и Шарль Сиу были не только признанными мастерами рекламы. Их предприятия считались передовыми в стране. Первые электрические лампочки в Москве зажглись в 1884 году на их фабрике. Фирма ставила у себя лучшие машины. Одной из первых в Москве она приобрела автомобиль, для развозки готовых изделий. Эта фирма несла высокий европейский стиль руководства предприятием и магазинами в азиатскую столицу царской России.

Но на фабрике не было ни одного инженера. Мастера-практики, руководясь чутьем и опытом, перешедшими от старших поколений, составляли рецепты для шоколадов, бисквитов, тортов. Листы с бисквитами и печеньем подавались в печь деревянными лопатами.

Даже в нарядном альбоме, выпущенном в честь пятидесятилетия фирмы Сиу, где на фотографиях люди стоят в напряженных и искусственных позах, где инсценировка и лакировка чувствуется на каждой странице, можно видеть ящики с печеньем, стоящие на полу, и женщин, работающих без спецодежды, с передничками, предназначенными лишь для того, чтобы спасти платье от мучных и сахарных крошек. Ничто не спасало печенье и пирожные от пыли и грязи, приносимых в домашнем, затрапезном платье.

Профессор Мечников, купив однажды для своих внучат фунт конфет и рассмотрев их под микроскопом, нашел на каждой конфете около миллиона бактерий. Может быть эти конфеты были выпущены и не фирмой Сиу, а фирмой Эйнем. Но когда Капалин организовал у себя на фабрике бактериологическую лабораторию, ее работники нашли на кондитерских изделиях не только гнилостные бактерии, но и кишечные палочки.

Деревянные полы в цехах Сиу мыли раз в день, так же как и руки мыли один раз в день после работы.

Каждая шоколадная конфетка заворачивалась в четыре бумажки, но вместе с конфетой заворачивалась грязь с рук и пыль с потолка, стен и полов.

Свет с трудом проникал через запыленные стекла. По всем углам в цехах лежали части машин, скоплялись бумажки, крошки пирожных, мучная пыль и просто пыль. От уборных в цехи вели мокрые следы. Паутина свисала с потолков.

На столах в венском цехе валялись тряпки. Но самым зловонным и самым грязным местом были мойки, назначение которых делать чистыми все, что в них попадает.

Блестели только стекла магазинов фирмы Сиу. Товар показывался лицом. Нарядные этикетки со стихами и картинками — надо отдать им справедливость — не превзойдены до сих пор.

Однако, в цехах Сиу не было ни одного полотенца, матерчатые мешочки с твердыми наконечниками, из которых выдавливали крем, делая узоры на пирожных и тортах, служили по несколько недель и не кипятились.

Впервые в истории русской кондитерской промышленности, Капалин привлек на производство профессоров, бактериологов, инженеров: проф. Церевитинова, Смирнова, инженера-химика Кафка, инженера-механика Леонова, Бухтеева, Рупова и многих других. Когда в санатории ИТР Кафка на вопрос, где он работает, ответил: «на кондитерской фабрике», это вызвало смех. Инженеры строят турбины, автомобили, и разве их дело строить торты и пирожные?

Отделка торта — Фото М. Войтова

Но именно благодаря специалистам, Капалину удается выпускать в семь раз большую, чем у Сиу, продукцию с тем же количеством рабочих, которое было на фабрике до революции.

Приноравливаясь к капризному и скудному рынку, развивая большую маневренную способность, Шарль Сиу производил на своей фабрике не только шоколад, карамель, ирисы, бисквиты, пряники, но и духи, одеколон, помаду и крем для лица, вазелин, туалетное и хозяйственное мыло.

Его предприятие было похоже на мелочную, деревенскую лавку, где рядом с селедкой, керосином, солью и сахаром продаются ленты и туфли. Предприятие состояло из множества маленьких мастерских, где ютились самые различные «отрасли промышленности», неизбежен был ручной, кустарный неэкономный и тяжелый труд.

Совместно с коллективом инженеров Капалин специализировал фабрику на производстве бисквитов, пряников, галет и венских изделий.

Он вывез с фабрики ненужные машины и достал новые, усовершенствованные. Он уничтожил темные лестницы и переходы, загромождавшие фабрику. Надстроил новый этаж и организовал на большинстве участков работу непрерывным, прямым потоком.

Специалисты положили конец волхвованию кустарей-мастеров, создав научно-обоснованные рецепты всех кондитерских изделий. Трещины на поверхности бисквита были устранены после специальной научно-исследовательской работы. Под руководством профессора Смирнова исследуется мука, — саратовская, украинская, влияние различных видов муки на густоту теста, на его всхожесть, на большую или меньшую поджаристость поверхности бисквита.

Капалин на всей фабрике заменил деревянные полы плиточными и ксилодитовыми. Черные, — чугунные колонны и перекрытия покрыты теперь белой масляной краской. В каждом цехе есть свой штат уборщиков и протирщиков. Пол моется несколько раз в смену и ежедневно протираются окна, абажуры и потолки.

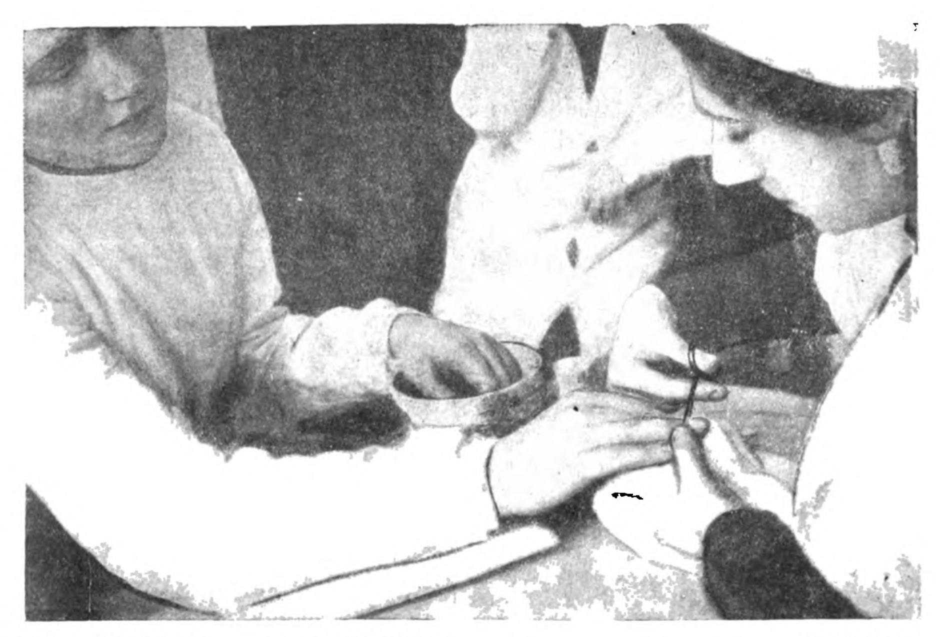
Тележки, в которых возят тесто, и столы, на которых оно лежит, покрыты полудой или обиты белым нержавеющим металлом. Баки с кипяченой водой одеты в белые льняные чехлы с ушками для ручек.

В цехах никому нельзя появиться без белого халата и колпака. Туда нельзя вносить посторонние вещи. Когда девушки, нарушая этот запрет, стали приносить с собой потихоньку ручные зеркальца, Капалин распорядился повесить большие зеркала в уборных. Входя в уборную, надо обязательно снимать халат; перед началом работы, после посещения уборной и перерыва на обед мыть руки мылом и хлором.

Когда бактериологическая лаборатория установила, что на руках работниц, даже после мытья, под ногтями остаются бактерии, на фабрике в обязательном порядке ввели маникюр.

Бактериологическая лаборатория показала всем рабочим бактерии через микроскоп. Живые существа, кишевшие в капле воды, производили на каждого потрясающее впечатление. Старые работницы, выросшие в производственных традициях Сиу, уклонялись от маникюра, но и они были сражены этим наглядным способом санитарной пропаганды.

Да, Шарль Сиу заботился о том, чтобы «дело шло». Его денно и нощно поддерживало в этом стремление сохранить честь фирмы Сиу. Его двигал вперед пафос борьбы с фирмой Эйнем.

На фабрике «Большевик» — маникюр обязателен

Фото М. Войтова

Предприятие и магазины Шарля Сиу давали ему в жизни превосходство и вес.

Да, он был просвещенным человеком, он изучал европейские фабрики и с детства свободно говорил на трех языках. Он постиг тайны спроса, предложения, коммерции в то время, когда одиннадцатилетний Капалин мыл посуду в кафэ «Бартельса». Но по существу Шарль Сиу был также чужд своему предприятию, как и людям, работавшим на нем.

Одиннадцатилетний Капалин мыл посуду и мечтал попасть в подвал, где делали пирожные и печенья, легкие, из множества листков, слоеные пирожные, бисквиты, пушистые и желтые, рассыпающиеся и тающие во рту.

Три месяца он мыл посуду и ждал случая. Дядя, старый мастер по берлинской мелочи, устроил его в подвал.

Большая часть мастеров беседовала на производстве о том, кто кого побил в воскресенье в трактире, кто больше выпил, кто на ком женился. Они посылали учеников за водкой, заставляли убирать в мастерской и по любому поводу отпускали затрещины.

Капалин завел дневник. Под заголовками, написанными крупными буквами: «Песочное», «Бисквитное», «Баба», «Наполеон», шли четкие, мелкие записи порций муки, масла, сахара, ванили, рому, отвешенных и поданных мастеру. В специальной графе «Печь» Капалин записывал, сколько просидели в печи изделия.

Постепенно мастер отвыкал кричать «Гришка, пять фунтов муки», «три фунта сахару»,—Гриша сам знал, сколько и чего надо подать. Как только в печь сажали партию пирожных, Капалин принимался мыть стол и инструменты и спрашивал мастера: «что будем делать?».

Самостоятельно, без указок Капалин приступал к заготовке. Он следил за печью и предупреждал мастера об опасностях. У мастера печь стала давать лучшие выпечки, у него появилось свободное время — Капалин сделался нужным человеком, и за водкой его уже не посылали.

В дневнике Капалина появилась запись — «Как нужно себя вести». Мастера делились на три категории. Первая — знающие дело, но пьяницы. Вторая — не знающие дело до тонкости, плюющие на все. Третья — мастера высшего качества,

не пьющие и болеющие за дело. От этой категории шла опущенная вниз стрела и у наконечника стрелы крупными буквами значилось—«Брать пример с этих».

Из кафэ Бартельса Капалин перешел в кондитерскую Реноме. Она понравилась ему, потому что была похожа на настоящее предприятие. Ученики работали там всего двенадцать часов в день, а не восемнадцать, как у Бартельса. Капалин читал, занимался у студента Пономарева, ведущего общественные воскресные курсы, знакомился с зачатками географии, совершенствовался в правописании и счете. Капалин ходил по кондитерским, магазинам и кафэ смотреть новые шоколадные конфеты, торты и пирожные, выпускаемые фабриками Сиу, Эйнем, Филипповым, Абрикосовым.

Он жил на квартире, снимая комнату вскладчину с товарищами. Каждый раз, когда ему приходилось отдавать сыновний долг и навещать по праздникам отца, — горького пьяницу, ругателя и буяна,—Капалин думал об этой необходимости с ужасом.

Его товарищи по комнате и по ученичеству с одиннадцати лет стали его настоящей семьей.

Наблюдательный, подвижной, он успевал всюду и всем был известен. Многие старые кондитеры, если их спросить сейчас, начинают вспоминать: «Гришу Капалина я помню с 1901 года». Если от него хотели что-либо скрыть, не доверяя его слишком юному возрасту, спрятаться от Капалина не удавалось.

Иногда лучшие мастера внезапно переставали появляться на производстве. Шопотом говорили, что они взяты в охранное отделение. Почти всегда эти мастера были из той группы, которая в дневнике Капалина стояла третьей,—из той группы, подражать которой поставил Капалин себе за жизненное правило.

«Озлобленные и плюющие на все» люди бросали иногда сор и мелкие гвозди в шоколадную массу. Это слепое злопыхательство вызывало у Капалина отвращение. Но случилось, что мастер, отделав на славу пасхальный кулич, писал на нем славянской вязью, вместо «Христос Воскресе» — «Долой самодержавие», и это приводило мальчика в восхищение.

В 1904 году ученики Реноме решили объявить забастовку. Старшие из них

Директор ф-ки „Большевик" тов. Г. Капалин

были связаны с профорганизацией. Получая подзатыльники, ученики начинали огрызаться.

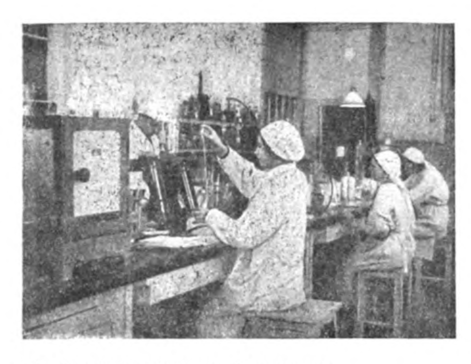
Капалин вошел в забастовочный комитет подростков. Ему, как наиболее способному в производстве и наиболее независимому в жизни, ученики поручили предъявить их требования директору мастерской господину Шуру. Входя к нему в кабинет, Капалин не опасался того, что всех учеников могут выбросить из кондитерской. Кто же будет тогда помогать мастерам составлять замесы и следить за печью? Не особенно опасался он и за свою судьбу.

Он чувствовал за своей спиной всех подростков и большую часть взрослых.

Капалин вошел в кабинет господина Шура и объявил: «Мы требуем, чтобы мастера не били учеников. Мы требуем, чтобы учеников обучали. Мы требуем, чтобы ученики, окончившие срок обучения, оплачивались наравне со взрослыми мастерами».

Лицо господина Шура было непроницаемо. На нем не осталось даже и следов любопытства, появившегося при входе Капалина. «Все?», спросил господин Шур. «Нет, мы требуем ответа к обеду. В противном случае ученики не приступят к работе».

В тот же день требования учеников удовлетворили. Они ликовали. Бросались друг другу на шею, качали друг друга и Гришу Капалина. Это был восторг людей,

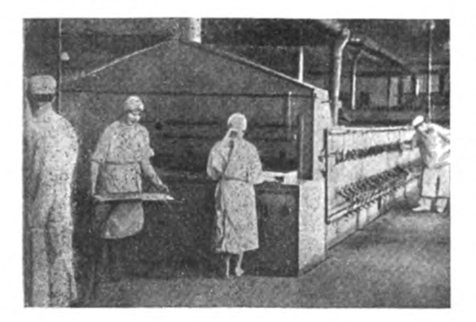

В лаборатории фабрики «Большевик»

у которых настоящая большая радость случалась очень редко. Так вступил в свою школу жизни Григорий Васильевич Капалин.

Когда фабрика оказалась в руках Капалина, на него свалилась забота не только о том, «чтобы дело шло», но и ответственность за судьбы тысяч близких ему людей. Шарль Сиу потерял фабрику, но его могли утешить капиталы, заблаговременно переведенные за границу. Григорий Васильевич Капалин потерять фабрики не мог. Он не мог допустить, чтобы разбежался и рассыпался коллектив рабочих. Это означало бы для него потерю жизни, того, что составляет ее смысл.

Он не нуждался в заискивании перед массой и в заигрывании с ней. Он знал,— то, что он делает — это и есть самое необходимое для массы, если даже часть ее этого и не понимает. И сейчас большинство старых рабочих говорит ему «Капалин» и «ты», но его обхода боятся больше, чем в старое время обходов Сиу. Когда по цехам распространяется весть «Капалин идет», лишь очень немногие остаются уверенными в себе до конца— «пусть идет, у меня все в порядке».

Выпечка бисквитов

Когда отдельные кустари-мастера, не желая открывать своих производственных секретов, гнали из цехов инженеров и бранили их «химиками вонючими», инженеры шли к Капалину, и он сам, как лучший мастер, помогал им разобраться в тайнах производства. Он отдал весь свой производственный опыт и поддержал их в цехах всей силой своего авторитета.

Он не борется с конкуренцией соседних фабрик. Он не думает о том, как заманить к себе и перехитрить потребителя. Ему труднее, чем Шарлю Сиу. Труднее не только потому, что сейчас ему в сорок пять лет приходится изучать технологию и аглийский язык. Каждое, даже мелкое событие, в производстве волнует его.

Производство и люди дороги ему. И в этом состоит секрет его успеха, его культурного превосходства над Шарлем Сиу.

Чем же кончилось вековое единоборство фабрики Сиу и Эйнем?

Капалин не все годы революции директорствовал на фабрике бывш. Сиу. С 1919 года он работал на профсоюзной работе в губотделе пищевиков, в восстановительный период заведывал кондитерским подотделом треста Моссельпром. В годы реконструкции его послали директором на фабрику бывш. Эйнем. Он реконструировал и специализировал ее. Выполнил пятилетку в два с половиной года и вместо 7000 тонн продукции, произведенной на этой фабрике в 1913 году, выпустил на ней в третьем решающем году пятилетки 58000 тонн, за что и был награжден орденом Ленина.

После этого он стал налаживать фабрику бывш. Сиу.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В. Дубровин

Хлопанье пастушьих кнутов разбудило Алексея, спавшего в телеге под сараем. Подняв голову, Алексей прислушался.

— Словно из ружей палят,— проворчал он спросонья.

С улицы доносился знакомый, грузный ход стада.

— Сирота, спишь? Найди Красавку, а я в поле сбираться буду,— позевывая, сонным голосом крикнула из сеней жена Варвара. В одной рубахе, босая, она встала с кровати, переложила в люльку заснувшую у груди дочь, принялась растапливать печь.

Алексей потянулся. Вставать очень не хотелось. Надорванное работой тело, недавно еще упругое, сильное, не знающее устали, теперь требовало отдыха, суставы ныли от боли. Если бы не сгонять корову в стадо, можно бы с часок поспать: сегодня дележка леса, и мужики не скоро соберутся.

Обычно Красавку сгоняла Варвара. Но она решила пойти в поле на прополку проса. Ей нужно истопить печь, припасти на целый день провизии, разбудить и одеть Митю, Наташу. Могла бы согнать корову сестра жены — Ульги...

— Пусть поспит,— дело молодое,— с чуть заметной, теплой улыбкой зевнул Алексей. Превозмогая боль в суставах, он поднялся и, упираясь обеими руками в грядку телеги, спрыгнул на землю. Прихрамывая, бросился в хлев за Красавкой. Но в хлеву и нигде на дворе коровы не оказалось.

Алексей заметался. Сонливость как рукой сняло.

Стадо уходило в поле. Если не попадет сейчас в него корова, то придется гнать ее далеко. На это уйдет много драгоценного времени. Да и стыдно: соседи засмеют за то, что проспал.

«Ворота плохи. Новые нужно»—с ненавистью посмотрел Алексей на раскрытые хворостяные ворота. Не первый раз Красавка открывала их рогами и уходила ночью на волю.

Быстро обув лапти и не успев умыться, с заспанным, опухшим лицом, со свалянными темными волосами на голове и давно небритой бородой, выбежал Алексей со двора.

На противоположном конце деревни Вурман-Касы, над зеленью столетней ветловой рощи занималась заря; в стороне, у реки Суры курились туманы.

Мимо дома Алексея шумным говорливым обозом выезжали за деревню бригады Вурман-Касинского колхоза «Сюттала»...[1]

.. — Эй, Петя, не разбей нос о топор!— звонко крикнула Настя Иванова, догоняя свою подводу.

Девушки засмеялись.

Петр мирно дремал с топором в руках, на задней подводе. От пронзительного, озорного крика Насти он вздрогнул, вскинул руки и, действительно, стукнул обухом по носу.

— Ой, чтоб тебя...

Хохот заглушил его ругань.

— Слишком ударно спишь,— смеясь успокаивал его Николай Митта, бригадир.

Выкрики, беспричинный смех девушек, обрывки песен, — все это отзвуками веселой пестрой ярмарки обрушилось на Алексея. Топчась у своего двора, один против обоза колхозников, преградивших ему ход к речке, Алексей смутился, будто в грязной, оборванной одежде случайно попал на многолюдный праздник нарядных, веселых людей.

В саппанах[1] и вышитых кеппе[2] девушки и женщины цветными группами по пять-шесть человек сидели на длинных дрогах, предназначенных для перевозки бревен. Мужчины, с топорами и двуручными пилами, ехали отдельно. Женщины—на прополку пшеницы, мужчины — в лес.

Недавно приезжал Александр Петрович Самунин — начальник политотдела.

---

[1] «Сюттала»—чувашское слово. В переводе на русский означает «к свету».

[1] «Саппан» — по-чувашски так называется фартук, украшенный цветными лентами.

[2] «Кеппе» — чувашское белое полотняное платье с вышивкой.

Он рассказал о полевых станах, какие видел прошлый год в Средневолжском крае.

На общем собрании колхозники постановили организовать тоже полевой стан: выстроить на дальнем участке конюшню, оборудовать крытый ток, поставить дом для ночевки. Сельсовет отпустил для этого из фонда лесов местного значения целую делянку.

— Эй, вдова-сирота! Поедем с нами!— звонко смеясь, крикнула озорная Анек, ровесница Алексея.

— Он, может, и поехал бы, ну, Курак его не пустит,— с благодушной насмешкой, дружески улыбаясь Алексею, добавил Николай Митта.

Намек на его зависимость от дяди больно оскорбил Алексея. Хотелось крикнуть в ответ такое, что резко осадило бы бригадира. Но — что скажешь? В словах Николая было много правды. Алексей промолчал.

Закрываясь пылью, обоз миновал избу Алексея, свернул в сторону. Алексей побежал через дорогу.

Корову нашел у речки. Старик — Семен Курак, дядя Алексея — выгонял ее со своего огорода. Низкого роста, худощавый, но сильный еще, длиннорукий дядя, нещадно бил жердью одичало метавшуюся у плетня худоребрую Красавку. От одного сильного удара по спине жердь обломилась. Красавка, перемахнув через примятый плетень, плюхнула в воду. Старик остервенело запустил обломком ей вдогонку.

Жесткий, сучкастый обломок жерди, свистнув, больно ударил по задним ногам коровы. Прихрамывая, Красавка побежала через речку, навстречу своему хозяину.

«Хорошо еще — на старика напала. Михайло, брательник, тот живую бы не выпустил»,— подумал Алексей.

Когда-то он любил дядю. Но в последние годы, в которые пришлось из нужды работать у него в хозяйстве, Алексей имел возможность ближе присмотреться к нему, и любовь пропала. Вместо любви — крепкая, как спирт, ненависть все чаще стала перехватывать дыхание.

И сейчас вот едкую злость вызвал поступок дяди, но, как всегда Алексей промолчал.

— В огород забралась, пак-кость. Набаловалась она у тебя, Сирота,— оправляя плетень и пыхтя от возбуждения, крикнул Курак племяннику.

— Ворота плохи, сама отворяет,— сдерживая злость, оправдывался Алексей.

— Новые поставь. Нынче лес подходящий дали. Пойдешь на дележку?

— Отгоню Красавку в стадо и сейчас же...

— Мы тоже с Михайлой скоро поедем... Да,— не забыть...

Дядя, видимо, смягчился. Он вышел из огорода и, щуря глаза из-под шапки, безобидно посмотрел на Алексея. (Корова, кроме бурьяна у плетня, не успела еще ни до чего дотронуться).

...— Да, не забыть — пришли к нам Ульги. Гришутку она поняньчит. Татьяне что-то нездоровится...

— Ладно, пришлю.—буркнул Алексей, выламывая тонкую ивовую хворостину.

— Хас! Ххас!—срывая горечь на скотине, бешено погнал он Красавку.

Ульги — пятнадцатилетняя сестра Варвары, всю весну прожила в няньках у дяди. Тогда Алексей радовался этому: все одним ртом меньше. Кроме того дядя обещал за работу Ульги давать иногда Алексею лошадь. Однако, всю весну получалось так, что когда Алексею была крайняя нужда в лошади, она оказывалась или больной, или же безотложно занятой в хозяйстве дяди.

С наступлением прополки и других работ, где нужны женские руки, Алексей взял Ульги домой и решил не отпускать ее никуда. Но сейчас отказать в просьбе дяди не мог: была тайная надежда выпросить у него немного хлеба взаймы и лошадь для перевозки леса. Своего хлеба оставалось всего на несколько дней...

...Далеко за деревней нагнал Алексей стадо. Подпасок, Миша Емельянов, сразмаха больно хлестнул кнутом подбегающую Красавку.

— Ну, и блудная же она у тебя, товарищ Вдова-Сирота! Все стадо срамит,— солидно сплюнув сквозь щербину в зубах на сторону, язвительно крикнул он запыхавшемуся хозяину Красавки.

— Забирай ее завтра к себе. Чужих коров пасти мы больше не намерены,— степенно добавил и Матвей Васильев, старший пастух.

— А как же? Куда же мне ее? — задохнувшись от бега и недоумения, еле вымолвил Алексей.

— Не наше дело! Организуйте свое единоличное стадо и пасите. А портить артельных коров мне больше не резон...

И с достоинством подняв голову, Матвей пошел догонять стадо.

... Коровы и пастухи скрылись за ближайшим бугром. Проводив их глазами, Алексей тяжело зашагал обратно к дому.

Заявление пастухов совсем расстроило его. Как теперь управляться с коровой? Если бы Красавка помоложе была, то можно бы запрячь ее и работать. Но она очень стара и стельна — совсем не годится для запряжки. Да и детей без молока нельзя оставить.

«Организуйте свое единоличное стадо»... Алексей горько усмехнулся.— Легко сказать! Во всей деревне, растянувшейся на два километра, осталось не больше двадцати единоличных хозяйств, и они так далеко разбросаны по деревне одно от другого, что собрать их коров вместе нет никакой возможности. Кроме того, надо пастуха нанимать. А где его найдешь среди лета, когда у каждого по горло своей работы?

Да, и пасти-то негде. Поле единоличников стало совсем маленькое и выделено оно, во избежание чересполосицы, за полями артели. А это не близко...

Алексей глубоко вздохнул, провел пальцами по спутанным волосам на голове...

... Варвара положила в мешок краюху черного хлеба, пучок зеленого лука; вытянув из колодца, налила в один кувшин холодной воды, в другой — пустых, или, как их называл Алексей, «двухэтажных» щей. Потом разбудила Ульги и шестилетнего сына Митю.

Когда Алексей вошел в комнату, все уже были в сборе, только маленькая Наташа еще сладко спала в люльке. Ульги расположилась на ступеньке крыльца, натачивала кирпичом кирку для Алексея.

С большой неохотой согласилась она пойти опять к дяде Семену. Ульги знала — кроме присмотра за ребенком, ее заставят там переделать за день много дел: полы вымыть, выстирать белье, свиней накормить, истопить баню.

Кроме того Татьяна, жена Михайлы, болезненная, желчная женщина, не отличалась ласковым характером. Она по целым дням брюзжала, из-за каждого пустяка поднимала ругань.

Несмотря на голод, у Алексея жилось лучше. Здесь Ульги чувствовала себя свободнее, теплее.

— Потерпи, Ульги,— говорил Алексей. — Наживу лошадь, никуда не пущу тебя.

Варваре тоже не хотелось отпускать сестру. Вдвоем они окончили бы сегодня прополку проса. Одной же очень трудно — и работать и присматривать за малышами.

— Ты уйдешь в лес, а чего я одна с ними сделаю,— возражая Алексею, показала Варвара на Митю и Наташу.—До загона в день не дойдешь.

— Я помогу тебе. А из леса к вечеру опять же зайду за вами,— утешал жену Алексей.

Захватив топор, кирку, кувшин с водой и мешок с провизией, Алексей вышел со двора. За ним шла Варвара с Наташей в одной руке и кувшином со щами в другой.

Позади всех, с палкой через плечо важно шагал Митя...

... Разгоралось теплое утро. Из-за дальнего леса уже высоко поднялось солнце. Где-то в вышине, невидимые, звенели жаворонки. Ночевавшие на Суре туманы, лениво колыхаясь, поднялись вверх, медленно растаяли в голубом просторе...

Похожие на низко плывущие облака, четко обозначались ветловые рощи, скрывающие избы деревень. Сверкая в лучах утреннего солнца желтизной свеже оструганного теса, на фоне белесой зелени вековых ветел, вкусным духом курились в небо новые колхозные конюшни и скотные дворы.

По бокам дороги простирались широкие поля высокой ржи, густые, темнозеленые всходы ячменя и пшеницы. Неразрезанные межами, колхозные участки казались необозримыми.

Алексей и Варвара, отягощенные ношей и заботами, долго шли до своего загончика. Часто задерживал Митя. Увлекаясь жуками, ползущими через дорогу, или птицами, внезапно вылетающими из травы, он останавливался и долго стоял, восклицая, полный радост-

ного изумления. Вначале отец и мать отвечали на его бесчисленные вопросы, потом это стало надоедать, и Варвара разразилась ругательствами. Наконец, Алексей посадил Митю верхом себе на спину и, хотя стало вдвойне тяжелее, все же пошли значительно быстрее.

Усталые, пришли они к своему загончику. После необозримо широких бригадных полей колхоза «Сюттала» узенькие полоски единоличников почему-то показались сегодня Алексею жалкими и всходы на них — чахлыми.

На одной из полосок, дугою выгнув спину, выдергивала сорняки вдова Екатерина Иванова.

Надергав охапку колючего осота и дымчатого молочая, она относила и сбрасывала ее на межу. Часть сорняков падала на просо Алексея. Он, заметив это, искоса, недружелюбно посмотрел на Екатерину. Однако ругаться не стал — некогда.

Варвара положила на землю старую одежду и на нее спящую Наташу. Но только хотела было приступить к прополке,— Наташа проснулась, заплакала.

Варвара села рядом с ней на одежку, дала грудь.

Митя начал энергично «полоть». Но его маленькие руки больше выдергивали просо, чем сорняки.

— Горе! Вот и будем так весь день работать! — со злостью крикнула Варвара.

С Наташей на руках она подбежала к Мите, вырвала у него пучок зелени.

Митя заревел.

— Ну, как-нибудь управляйся тут с ними, а я пойду. К вечеру зайду к вам.

Отломив себе кусок хлеба, Алексей с киркой и топором, быстро зашагал в лес, торопясь попасть туда к началу дележки.

До леса оставалось еще далеко, когда Алексея нагнал автомобиль. Заслышав рожок, Алексей, не оглядываясь, сошел с дороги.

— Алексей Васильевич! — окликнули из автомобиля.

Алексей продолжал торопко итти.

— Товарищ Лашман! Где попрямее дорога в лес?

Автомобиль, шурша колесами, остановился недалеко от Алексея. Из открытой дверцы высунулась голова в зеленой фуражке.

Алексей обернулся, вопросительно посмотрел на рябоватое, полное лицо человека, высунувшегося из автомобиля, и глянул по сторонам.

Кругом никого не было. Тогда только Алексей понял, что обращаются к нему.

— Меня, что ли, спрашиваешь? — нерешительно молвил он, смотря на машину.

— Ну, да — тебя. Кого же еще? Ведь, ты — Алексей Лашман? — удивленно молвил человек в зеленой фуражке.

— И меня когда-то звали так,— неожиданно улыбнулся Алексей. Серьезное лицо незнакомца успокоило его. С каждой секундой он чувствовал себя свободнее, смелее.

— Я помню тебя хорошо,— продолжал незнакомец.— Ты как-то выступал на собрании, говорил, что у тебя большая нужда в лесе. Получил?

— Так это ты, товарищ начальник! А я и не узнал сразу-то. Ну, спасибо тебе. Отвели... Всем нам, единоличникам, отвели участок. Иду, вот, на дележку.

Алексею припомнилось то собрание. Тогда дядя уговаривал его выступить, и Алексей, со слов Куража, жаловался на то, что сельсовет притесняет единоличников, не дает им лесу на постройки.

Александр Петрович Самунин — начальник политотдела — вмешался, и председатель сельсовета обещал дать лесу и единоличникам.

— Садись, подвезу. Ты мне дорогу будешь показывать. Там, где-то рядом с вашим участком, кохозники заготовляют лес для коровника и полевого стана.

Алексей переступил с ноги на ногу, нерешительно и неловко согнувшись, сел в кабину рядом с начальником.

Машина тронулась. Зеленые ланы[1] поплыли назад...

Усталому телу так приятно было отдохнуть на мягком сиденье...

Сознание, что он едет в автомобиле и показывает дорогу самому начальнику, приподнимало Алексея в собственных глазах. «Варвара посмотрела бы меня теперь...»

Снисходительно, с чувством превосходства, окидывал он взором встречающихся на дороге пешеходов. В одном месте неожиданно показалась из-за бугра подвода. Хозяин лошади дремал, си-

---

[1] **Ланы** — полевые участки земли.

дя на рыдване. Лошадь, напуганная машиной, заметалась. Вадыбив, она шарахнулась в сторону, бешено помчалась по пашне. Густой вихрь пыли поднялся за рыдваном. Проснувшийся хозяин вскочил на ноги, напрасно пытался сдержать прыть одичавшей с испугу лошади.

— Ишь, необразованная, молодость вспомнила! — кивнул Алексей на лошадь.

Начальник, нахмурясь, задержал бег машины, слегка улыбнувшись, пристально сбоку посмотрел на Алексея.

У поля четвертой бригады артели «Сюттала» Александр Петрович остановил автомобиль, пошел посмотреть прополку пшеницы.

— Я на минутку,— сказал он спутнику.

Алексею видна была слаженная работа бригады. Женщины тесной цепью шли по густой темнозеленой пшенице, быстро выдергивая сорняки.

Полольщицы пели, и Алексею показалось, что они выполняют не тяжелую работу, а вышли на прогулку.

Александр Петрович поздоровался с ними, спросил,— почему они работают «скопом», а не звеньями.

— Так веселее! — задорно отозвалась Одоти Смурова, помощница бригадира.— А ты, вот, зря катаешь Вдову-Сироту, нас бы покатал,— со смехом добавила она.

Самунин серьезно заметил ей, что смех ее над Алексеем неуместен. Лашман может стать тоже хорошим колхозником.

Поговорив еще немного, он вернулся к автомобилю.

Женщины разбились на три звена — по четыре в каждом.— и продолжали прополку.

— Скоро думаешь, Алексей Васильевич, в артель записаться? — не отрывая рук от руля, обратился Александр Петрович к соседу.

Алексей смутился. Еще сегодня утром и теперь, вот, когда Самунин беседовал с полольщицами, Алексей неожиданно почувствовал что-то похожее на стыд. На собраниях, где призывали вступать в колхоз, он обычно прятался в толпе, или же незаметно уходил домой.

Теперь же спрятаться было некуда.

— Боюсь... Семья у меня больно неподходящая. Дети маленькие. Работников — один я. А там на трудодни. Голодать бы не пришлось, — пробовал оправдаться. Но и сам чувствовал, что заученные слова неубедительны, и он сам уже не верит им.

— Голодать?!. — изумленно посмотрел на него Самунин.— Кто это нашептал тебе такой чепухи, товарищ Лашман? В колхозе больше хлеба заработаешь. Мне говорили — ты плотник хороший... Помнишь, — какой скандал был прошлый год с Евдокией Смуровой? До суда дело дошло. — И через что?! — Самунин засмеялся. — Хлебом ей весь двор комсомольцы испортили... А! Нагрузили ребята почти полную трехтонку ржи, подкатили к ее дому и, не спросясь,—ссыпали рожь среди двора. На трудодни ей с дочерьми столько пришло. А она — в суд на них. «Весь двор, — говорит, — испортили хлебом»... А ты — голодать! Выбрось из головы эту чепуху, Алексей Васильевич...

Алексею лестно было слушать дружеские речи начальника. При словах «Алексей Васильевич» и «товарищ Лашман» радостно билось сердце.

Все его звали «Вдова-Сирота». Кличка пристала давно и совершенно случайно. Еще когда он был парнем, ехали деревней татары. У двора Алексея остановились они отдохнуть и пообедать у колодца. Алексей в это время сидел на маленькой скамейке, отбивал на «бабке» молотком косу.

Пожилая татарка расположилась на лужайке недалеко от него. неторопясь обувала новые лапти.

— Мать эсть? — неожиданно спросила она Алексея.

— Есть.

— Отец эсть?

Алексей поднял голову, плюнул на кончик молотка, задумчиво ответил:

— Нет.

— А-а... Вдава-а! — сострадательно протянула собеседница.

— Сирота,— поправил Алексей.

— Вдава-сирата!—по-своему понимая, охотно согласилась с поправкой татарка.

В эти минуты черпала воду из колодца и прислушивалась к разговору соседка Варя, будущая жена Алексея. При последних словах татарки Варя звонко рассмеялась.

— Эх, ты — Вдава-Сирата! — передразнивая татарку, смеясь, крикнула она, уходя от колодца.

Вечером Варя рассказала об этом м хороводе. Девушки и парни много смеялись, и кличка осталась на всю жизнь с Алексеем.

Вначале он остро обижался и, хмурясь, не отвечал, когда кричали: — «Эй, Вдова-Сирота!» Но с годами привык и уже с тупым равнодушием отзывался на оскорбительную, нелепую кличку.

Бедность и неудачи вконец сломили Алексея, и он, не встречая уважения со стороны односельчанин, под конец почти совсем забыл настоящее свое имя.

Серьезное, товарищески простое обращение Самунина неожиданно радостно освежило Алексея. У него даже невольно распрямилась всегда полусогнутая спина.

Хотелось долго так ехать в автомобиле и беседовать с чутким, понимающим человеком.

В лесу, у колхозной делянки, Алексей с неохотой вышел из кабинки, направился через овраг на горку к небольшому участку леса, отведенному единоличникам.

— Ты все-таки подумай хорошенько насчет артели,— поблагодарив за показ дороги, сказал на прощание Александр Петрович...

... Крепко, словно кузнечными клещами, зажал Семен Курак жесткими пальцами края своей старой, облезлой шапки. Встряхнув, он вытянул руки, подставил зажатую шапку всем желающим.

— Н-ну, начинаем. Кто первый?

Двадцать мужиков плотным кольцом обступили Семена, жадными глазами смотрят на заветную шапку.

В шапке,— прокислой от долголетнего пота — двадцать коротких палочек с вырезанными номерами. Каждый номер обозначает пай леса. А в паях деревья неодинаковые. Всех лучше восьмой пай, где стоит, уцелевший от давней порубки, вековой дуб.

— Эх, кабы восьмой номер вытащить! В одном дубу там сучков на два воза не покладешь, и столб отменный,— решительно запуская руку в шапку, сказал Архип Юман, сосед Алексея.

Все вытянули шеи, затаили дыханье. Слышен лишь настороженный шопот деревьев над головами. Где-то зашуршало... Упала сухая ветка.

— Семнадцатый... один осинник... — горестно вздохнул Архип, вынув неудачный жребий.

Потоптавшись на месте, он махнул рукой, неохотно пошел от шапки.

Девятнадцать человек облегченно вздохнули, заговорили.

— А, ну-ка, я... Я, на счастье,— вытолкнулся в средину круга низенький широкоплечий Прокофий Павлов.

Опять все затаили дыханье. Лица посуровели.

— Д-девятый. Не подвезло. Рядом, было, совсем и н-нет...—отчаянно махнул рукой Прокофий.

Лица восемнадцати посветлели.

— Ничего, дяденька Проня, не убивайся. В девятой — осина есть хорошая в овраге. На переклад годится,— веселым голосом утешает Прокофия Алексей. И сам нерешительно протягивает руку, запускает в шапку. Сердце замерло. Казалось, время остановилось, повисло в воздухе.

— Тряси... Тряси! — испуганно кричат отовсюду.

Курак сильно встряхивает шапку. Шустрой рыбешкой мечутся в пальцах жеребья. Никак не схватишь одного. Сразу три, или пять палочек заскакивают в растопыренные пальцы. Алексей, к тому же, никак и не решится схватить. «Как бы не прогадать?» Хочется сразу несколько палочек вынуть.

— Эй, Вдова-Сирота, так нельзя! Не к девке залез...

— Ощупывать не полагается!

— Уцепил первый попавший и тащи!—тревожно торопят отовсюду.

Вытащил. Волнуясь, вертит жребий. В глазах рябит. Плохо видит номер.

— Осьмой, похоже,— с острой завистью во взоре печально вымолвил дядя.

Алексей смотрит — глазам не верит. Прыгает перед затуманенным взором восьмерка. Сердце расцветает в хищной радости. Сладкий жар вступает в щеки. Держа палочку цифрой к лицу, шагнул из круга, чтобы поскорее увидать желанный пай. Раскалывая тишину леса, раздались злые голоса:

— Сызнова перетянуть!

— Нащупал он...

— Сызнова!

Грозной стаей голодных волков сдвинулись плотней, не пускают из круга. Нестройно, хрипло кричат, ругаются.

Колени у Алексея дрогнули. В лицо словно снегом бросило. Глянул на соседей — страшно стало. И сам вмиг обозлился, сжался.

Кругом—щетинистые, с колющим блеском, недобрые глаза, посеревшие в злой зависти лица.

— Ничего не щупал! — огрызнулся Алексей.

— Как не щупал! Сирота-сиротой, а жульничать не дурак. Своими глазами видел, — размахивая топором, кричит рыжеволосый Михайла — сын дяди Семена.

Алексея кто-то подтолкнул. Ребро обуха больно ударило по носу. Алексей бросился на Михайлу. Его схватили за руки.

— Сам ты ж-жулик! Пустите... Я ему...— вырываясь, оглушительно крикнул Алексей в лицо двоюродного брата.

И этот крик неистовой злобы спас ему восьмой пай. На шумную ругань прибежал Архип. Узнав, в чем дело, он горячо заступился за друга.

— Всю жизнь знаю Алексея. Руку на отсечение дам за него. Никогда он подлости себе не позволит. Артельный человек, — говорил Архип, заглушая своим спокойным басом злые, звонкие голоса.

Около часа ругались. Дядя Семен молча держал наготове шапку, терпеливо выжидая, когда умолкнут. Наконец, Алексея отпустили. Победителем шел он к восьмому паю. Но первоначальной радости, так ярко возникшей было в тот момент, когда увидел на выпутой из шапки палочке цифру восемь, — теперь уже не было.

В голове и сердце — тяжелый, грязный осадок. И даже вид красавца-дуба уже не обрадовал.

Среди залитой солнцем небольшой поляны, полной зеленой травы и цветов, стоял он — могучий дуб. Ближе к стволу, где тень не дала разрастись траве, валяются черные головни и стоят полусгнившие колышки-развилки.

Видимо, когда-то давно, жгли здесь костер застигнутые ночью путники иль запуганные древними поверьями вурманкасинцы, приносили здесь кровавые жертвы злому богу Кереметн...

Подойдя к дубу, Алексей любовно стукнул обухом по стволу. Легкая, чуть заметная дрожь на миг сотрясла дерево. Вверху, в гущине ветвей, в ответ на удар зашуршало, захлопало, и большой серый ястреб поднялся с еле видного гнезда.

Положив топор и узелок с хлебом на землю, Алексей, прислонясь, обнял шершавый ствол. Радостно улыбнулся, пальцы едва сошлись на противоположной стороне. Потом, плюнув в ладони, взял в обе руки кирку. Решил не рубить, а вырыть дуб с корнем: так долговечнее будет воротний столб...

... Жарко.

Горячим, жидким медом просачивается солнце сквозь ветви и листву дуба, обдает спину и плечи Алексея. Пот заливает лицо, слепит глаза.

Рукавом взмокшей рубахи Алексей то и дело вытирает лоб, протирает глаза и опять продолжает бить и бить киркой под корень дерева. Он работает уже пол дня, а столетний дуб никак не уступает его усилия. Высокий, ветвистый, он и не шелохнется от ударов киркой.

Ни одна веточка, ни один курчавый лист не вздрагивает на нем и тогда, когда Алексей, бросив кирку, топором подрубает бесчисленные его боковые корни.

Глубокая и широкая яма вырыта уже около толстого, буграстого от наростов, комля. Щепки и куски корней, похожие на рыб, выброшенных из воды, кучами лежат кругом ямы.

А дуб все не поддается.

Усталым взглядом окидывает Алексей шатровую его крону.

Жалко рушить такое дерево.

Но...—нужен воротний столб. «Вечный будет... если с пеньком его поставить»— с затаенным довольством думает Алексей...

... Из-под горы показалась Ульги. Худенькая, в рваном платьишке, она еле тащит большую вязанку дубовых сучьев. Корявые ветви цепляются за кустарник, за деревья.

Ульги надрывается. Сломилась, как березка, под тяжестью вязанки и, обливаясь потом, упорно, рывками тащит непосильную ношу. Недалеко от Алексея споткнулась, упала. Сырые, тяжелые сучья, царапая лицо и разрывая остатки платья на плечах и спине, больно придавили ее к земле... Тихонько заплакала.

Алексей вздрогнул и, увидев, кинулся на помощь. Сбросив сучья, поднял Ульги, усадил в тень на траву. Сам опустился рядом, ласково ерошит темные влажные волосы на голове девушки.

— Что же ты, глупенькая, сколько прешь? Поменьше бы надо.

Ульги подняла заплаканные глаза, пальцами утирает, размазывает слезы по лицу.

— Дяденька Михайла... велел столько... остатки.

— Ведь он просил только ребенка понянчить?

— Все заставляет... делать...

— Ульги! Скоро ты там! — нетерпеливо крикнул Михайла из-за деревьев.

Девушка вскочила, метнулась к вязанке.

— Оставь. Я сам. Пойду поговорю с ним.

Алексей тяжело встал, взял подмышку сучья, тронулся к возу дяди.

— Не ругайся ты с ним. Хуже бы не было,— цепляется за сучья Ульги.

— В совет его призвать,— сквозь зубы молвил Алексей.

Михайла издали увидел брата. Оставив воз, пошел навстречу. На хмурое, со взглядом исподлобья, лицо пробует вызвать улыбку.

— Сколько раз говорил — поменьше надо брать. Эх, ты! Взяла бы пару-тройку сучьев и хватит. Давай, Сирота, я сам допесу,— залебезил он, отворачивая покрасневшие глаза.

Алексей бросил вязанку под ноги брата.

— Как тебе не стыдно? Девчонка ведь,— глухо, со злостью выдавил. Хотелось и еще многое высказать, но слова комом застряли в горле.

Михайла взял сучья, понес к возу.

— Сама она напросилась в лес... Скоро поедем домой. Гришутку там доглядывать будет — отдохнет.

Ульги робко, нехотя побрела за ним. Алексей вернулся к своему дубу. Долго стоял, не приступая к работе... Все думал и думал. А о чем,— сам потом не мог вспомнить. На сердце чувствовалась болезненная тяжесть, разбитость. Совсем не хотелось работать.

Но, отдохнув немного, опять стал еще шире и глубже разрывать яму, подрубать корни.

Постепенно, час за часом добирается до стержневого корня — «морковины» — последней, самой прочной опоры дерева. Однако, морковину трудней всего одолеть, а силы выдохлись.

Наконец, сердце не выдерживает. Надорванный непосильный одному человеку работой, Алексей с болезненным усилием выпрямляется, садится на край ямы, приваливается спиной к старому, полусгнившему пню когда-то срубленного дерева. Озирается по сторонам. Слушает...

Там, за оврагом, гудит лес. Крики, стук топоров. Треск и шум падающих деревьев. Приглушенные, веселые голоса.

— Эй, берегись!

— Задавит!

А здесь, около Алексея, разрозненные стуки топоров. Все молча, бешено торопятся. Боятся, как бы другие не опередили и не увезли. Невдалеке слышна ругань. Грязная матерщина оглашает лес. Ефим Галкин, по-уличному — Тунгада, чужое дерево срубил, метку спутал...

... Около Алексея, тяжелым шагом, с опущенной вниз головой, идет дядя Семен. В одной руке у него старенький, со щербиной топор, а в другой — большая возовая веревка.

«Если бы зацепить веревкой за вершину дерева, то вдвоем легко можно бы сломить его», — мелькнула мысль у Алексея.

— Дядя!

Курак поднял голову, нехотя шагнул к племяннику.

— Не дашь ли веревки на минутку дерево сломить? — с мольбой смотрит Алексей в глаза дяде. Дядя мельком завистливо посмотрел на дуб.

— Хорош столб... — вздохнул. — Только... оборвать веревку можно... — Угрюмо. — Да, и некогда мне. Сейчас березу подвалю и уезжать время. Скоро Михайла вернется... — И, опять, нагнув голову, дядя Семен пошел в овраг, к своей делянке.

Обескураженный, долго растерянно смотрит Алексей ему вслед. Работать больше нет сил. Надсадная, ломотная усталость охватывает всего.

Встал, сошел в овраг к родничку. Напился из берестянки ледяной воды, умылся, съел с водой кусок черствого

хлеба. Вода немного освежила. Но боль в пояснице и общая слабость не проходят. Сел под ближайшую осину.

«Хорошо тому, у кого своя лошадь. Срубит дерево и тут же увезет домой. Мое же дело... и вырою дуб, свалю и другие деревья порублю... а потом... Украдут половину, пока найду и выпрошу лошадь».

Невеселые бредут в голове думы-заботы.

Правая рука по привычке судорожно потирает грудь. Что-то похожее на изжогу вскипает под ложечкой при одной мысли о том, что надо будет итти к дяде, просить лошадь...

Только при отце, когда Алексей бегал еще беззаботным мальчуганом, были у него хорошие, светлые дни. Но отца убили на германском фронте, и Алексею с шестнадцати лет пришлось самостоятельно вести хозяйство. Чтобы заработать на лошадь, три года он ходил на сторону и несколько лет работал в хозяйстве у дяди. Лошадь нажил, нужно стало сбрую наживать, потом избу новую,— старая совсем разваливалась. После смерти матери женился, пошли дети. Радовались с женой, когда дети умирали.

В тридцатом году хотел записаться в колхоз — дядя отговорил.

— В случае, нужда какая будет — помогу, — утешал он его.

Покуда имел свою лошадь, еще можно было жить. Прошлой зимой лошадь околела. Другую купить неначто. Пришлось выпрашивать у родственников. За весеннюю пашню, Ульги несколько месяцев работала в хозяйстве дяди.

Но лошадь нужна каждый день. Жить стало совсем трудно, и Алексей решил подать заявление, чтобы его приняли в артель. Варвара, подпав под влияние дяди Семена, и слушать не хотела о вступлении в колхоз.

Курак, узнав о намерении племянника, пришел к нему на дом.

— С голоду помрете в колхозе,— говорил он.

Алексей пробовал возражать, говорил, что в колхозе у всех есть хлеб и картошка. У него же нехватит хлеба до нового, а картошки давно уже нет.

— Пудов десять могу одолжить картошки,— пообещал дядя.

Алексей, надеясь на помощь, опять воздержался входить в артель, хотя его как хорошего плотника и уговаривал Николай Митта.

Картошки дядя до сих пор не дал.

— Сгнила вся, — отворачивая лицо, говорил он...

...В тоскливой безнадежности смотрит Алексей перед собой. С топором в руках подошел Митта, присел рядом на пенек. Вынув из кармана, раскурил старую свою, в медной оправе, трубочку, посмотрел в поникшие глаза друга.

— Заскучал, говоришь?

— Хуже.

Теплое участие Николая смягчило тоску. Когда-то они в одной артели ходили плотничать. Исколесили всю Россию. В работе и подружились. В тридцатом году Николай одним из первых вступил в колхоз...

Заговорили. Вспомнили прошлое, артельную работу плотников.

— Устали не знали тогда. Помнишь, Алексей, переправу чинили через Терек? Быстрая речонка, долго не удавалось обуздать ее. А как взялись всей артелью валить осокоря — в полдня связали плот. В два обхвата были деревья, — в артельных же руках, ровно бы игрушечные ложились на свое место... И работа не в тягость, вроде игры веселой. Шум, песни...

— Хорошо тогда было, — оживился и Алексей. — Никогда не забуду, — отдыхали мы в одной деревне. Всего два дня. И вместо забавы скосили с десяток загончиков проса. Мужики не знали, чем и отблагодарить нас. Закормили. Браги выпоили — бочку...

Помолчали.

— Да-да-а, — скучно одному работать, — вздохнул Митта. — Загляни вечерком ко мне — потолкуем.

Притушив трубку, он поднялся, пошел к роднику.

Алексей долго бездумно смотрел на удаляющегося друга. Когда Николай скрылся в овраге, Алексей невольно продолжал смотреть в ту сторону: там, за оврагом — дружная работа артели. Им, артелью, ничего не стоит срубить ли, вырыть ли любое дерево. И лошадей у них много — срубят деревья и тут же увезут. Построят в поле крытый ток, конюшни, дом для поневки. Совсем близко тогда выходить на пашню, прополку и уборку.

Их часто навещает и Александр Петрович. При воспоминании о нем что-то теплое поднялось в груди Алексея.

— «Подумай хорошенько...» — вспомнились слова, сказанные им на прощание.

— «Думай, не думай...»

По привычке рука судорожно поднялась к груди.

...Из-под горы показался белесый комель дерева, — то Курка выволакивает из оврага свою большую березу. Тяжелое длинное дерево пригибает Семена к земле. Он не шагает, а, кажется, ползет в гору. От нечеловеческой натуги старческие глаза налились кровью, — того и гляди выскочат из белесых орбит, и дядя вот-вот упадет, придавленный беспощадной тяжестью шершавого комля.

Очень похож сейчас Семен на громадного клешнятого рака, придавленного поленом.

— Отдохни, надорвешься! — устало молвил Алексей.

— Некогда... — З-зимой отдохнем, — через силу выдыхает дядя. Сам шагает, — ползет все ближе к племяннику. Свободной правой рукой цепляется за чахлые кустарники, левой, закинутой за спину, держит веревку и дерево...

... — И в эту, вот, минуту и произошел во мне окончательный переворот,— с теплым смехом в глазах говорил потом Алексей. — Словно короста какая отпала с головы. Простор открылся. Я вскочил с пенька, подбежал к дяде, поднял на плечо вершину березы... Вдвоем-то мы легко донесли тяжелое дерево до лесной просеки, сбросили наземлю.

— С-спасибо... — с большой натугой выдохнул дядя. — Только... только, я и сам донес бы... донес...

Говорит это он, а сам отворачивает лицо от меня, точно боится, как бы я опять не попросил у него за услугу веревку. Все же я заметил — мой поступок и его пронзил. А я вроде помолодел. Подошел к своему дубу, взял кирку и топор, стукнул обухом по коре богатыря.

— Прощай, говорю, дружище. Ухожу. Живи пока. Приду к тебе уже не один.

Дорогой я напевал какие-то песни, подкидывал кверху и ловил топор.

— Где это ты клюнул, дружище, — смеялся сосед Архип. И многие наши степенные мужики с удивлением оглядывались на меня. А дома — запыленная, с растреснутой губой, измученная Варвара набросилась на меня с отчаянной руганью. Она проклинала свою судьбу, которая связала ее несчастную жизнь с таким бесполезным никудышным лентяем, как я. А я только тихо посмеивался на крики разъяренной супружницы. Теперь-то я твердо знал: дело не в лени.

Понял я все, в этот последний день моей единоличной жизни. Когда вечером я писал заявление в артель, руки у меня дрожали от радости.

И легко мне стало дышать. Словно таскал я на плечах всю жизнь тяжелый тулуп — старый, провонявший потом, грязный и полный всякой дряни. Таскал его и в холод, и в летние жары, таскал как бы по обязанности и задыхался в нем, ненавистном, а тут, вот, догадался и сбросил с плеч. И сейчас же будто искупался в речке и вздохнул полной грудью. И впервые тогда я почувствовал — до чего же хорош вольный воздух. Солнышко увидел на небе и часто слушаю, как птицы поют. А до этого и не видал и не слыхал: нужда к земле сгибала. А главное...

Алексей, смущаясь, смолк, передохнул. Через несколько секунд, решительно, с улыбкой добавил:

— Главное, сиротство мое кончилось. Так я и заявляю каждому, кто еще по старой памяти обзывает меня Вдовой-Сиротой...

...Недорытый дуб не пропал. Алексей обменял его в колхозе на более подходящие для ворот деревья. Обтесанный по всем правилам, гладко оструганный, дуб красуется теперь на центральном полевом стане артели фонарным столбом. Запущен в землю он глубоко, основательно — комлем, вместе с обожженным пеньком, — и, по мнению бригадира, Николая Митта, послужит этот столб артели «Сюттала» не меньше ста лет.

Каждый вечер загорается на нем самый большой фонарь. Сжитая тьму, брызжет радостный свет. В этом свете, не переставая, работает молотилка, громыхает веялка, в этом свете колхозники ужинают.

праздник

Рис. худ. Коновалова

Д. Гатуев

Я попросил Милыхо Цораева рассказать о своем детстве:

— Что-нибудь самое интересное...

— А что было интересного?.. Место темное, узкое. Даже играть негде было и нечем: одни камни. Одни камни и мы— босые, голодные; ни еды, ни обуви.

Милыхо — второй сын в семье. Ему сейчас двадцать один год. Отцу Милыхо Цемурзе восемьдесят семь лет. Цемурза был так беден, когда жил в горах, что сумел жениться (собрать деньги на уплату за невесту) лишь на шестом десятке своей трудовой жизни.

Не спрашивайте Цемурзу, как он собирал калым. Быть может, он грешил, собирая. Посягал на чужую собственность. Не спрашивайте. Цемурза жил в селении Джимара, брошенном в глубину ущелья перед лицом ледников и снежных гор. Даже летом — в июле и в августе, когда душно в городах и плоскостных селах, лед и снег холодно дышут на Джимара — на джимаринских полях едва-едва вызревает ячмень. Скудны и невелики джимаринские поля — ячменя едва-едва хватало на три, на четыре, на пять месяцев.

Не спрашивайте у Цемурзы, почему он женился так поздно, куда уходили его силы?

Ему было семьдесят четыре года, когда жители гор джимаринцы, ламордонцы, санибанцы — выселялись на плоскость, на земли, освобожденные революцией. К этому времени у Цемурзы была жена, семеро детей и один бычок. Не на чем было перевозить скарб. Тогда старший одиннадцатилетний сын Цемурзы нанялся на два месяца в батраки к зажиточному соседу и тот одолжил на два конца из Джимары в Фарн своего вола.

Скрипела медленная арба. Люди — мать, отец и дети — шагали вслед за нею в новую жизнь — на мягкую плодородную плоскость.

В 1927 году я был в Фарне. Тогда у въезда в село было молодое кладбище. На нем желтели полтора десятка свежих могилок, холмики, которые еще не заросли травой, и скучал одинокий теленок. В самом селении стояли крытые соломой плетеные шалаши. Они стояли «на задворках»: улицы были обозначены межами.

Я поселился в одном из шалашей. Моим хозяином был Георгий Рамонов— переселенец из Даргавса. Мы часто беседовали, и он жаловался на бедную жизнь села.

На плоскости погибал скот, непривычный к новым пастбищам.

Я утешал Георгия, как мог. «Жили вы в горах и было плохо вам, — говорил я. — Наверное, и сейчас плохо. Но в горах «плохо» было беспросветное, сейчас — нет: привыкнет к пастбищам скот, обживутся люди. И советская власть теперь: она не оставит без помощи бедных горских людей.

Прощаясь, я решил сфотографировать жилище Рамонова. Все семейство его вышло из шалаша, вооружившись мотыгами и граблями. Я проделал заключительный ритуал с кассетой и предупредил хозяев, чтоб они одну секунду постояли тихо:

— Спокойно.

Но Георгий Рамонов вышел из строя, похлопал ладонью по бревнам, лежавшим перед шалашом:

— Они выйдут?

— Нет.

— Сними так, чтоб они тоже вышли.

Я сфотографировал Рамонова вместе с бревнами, а расставшись с ним радовался силе и упорству, с которыми старые горские люди вышли из своих каменных мешков на мягкую плоскость: заставляя меня фотографировать бревна, Рамонов знал, что из них он построит человеческое жилище. Пусть пока гибнет скот. Недаром же назвали переселенцы свой поселок Фарн. По-русски это значит — счастье.

Когда я простился с фарновцами и сел в тачанку, и кучер тронул лошадей, председсельсовета догнал меня и крикнул:

... Тут началась джигитовка

— Будешь писать, скажи спасибо советской власти за то, что она вывела нас из гор.

Если б я тогда принялся искать Милыхо Цораева в этом унылом поселке счастья, я не нашел бы его. В 1927 году ему было пятнадцать лет. Около шалаша его отца (Милыхо рассказывает, что они прожили в землянке шесть месяцев, пока строился шалаш, т. е. вбивались в землю колья — основа, и переплетались на них гибкие прутья ивы—ткань) наверное тоже лежали бревна.

Милыхо в эти дни не было в Фарне. Чтобы сократить для себя, для матери, для братьев и сестер сроки первобытной жизни в первобытном шалаше, он ушел на заработки. Был табунщиком. Один год на Военно-Грузинской дороге и два — в пригородном хозяйстве Гизельдонстроя. Только в 1930 году вернулся Милыхо домой — принес отцу денег, с которыми можно начинать строиться.

Стучали топоры. Визжала пила. На зеленой траве белели пухлые цветы стружек. Опилки забирались в ноздри, в глаза. Строились.

18-го августа 1934 года Северо-Осетинская область праздновала свое десятилетие. Была своя выставка «Наши достижения», была олимпиада. Джигитовка была. Был торжественный митинг.

«Крестьянская газета» прислала на праздник десятилетия свой самолет. Его водителями были — летчик Турусов и веселый бортмеханик Володя Ефишев. Каждое утро они вылетали из Орджоникидзенского аэропорта и, покружившись над городом, брали направление на восток, на север, на запад.

Они не летали только на юг — не пускала каменная стена гор.

В условленный час где-нибудь на краю одного из селений вспыхивал стог соломы. Самолет ориентировался на дымное пламя и садился на землю. И с этой минуты никакие силы не могли удержать людей. Они сбегались к самолету, ощупывали его крылья, осматривали сиденья летчика и пассажиров.

Напрасно было оцепление из комсомольцев и партийцев. Напрасны были мольбы не приближаться к самолету, не трогать его. Ефишев без счету поднимал в небо ударников колхозных полей и ферм — свинарей, доярок, конюхов.

В канун праздника самолет был в селении Христиановском. Он улетал оттуда, когда склонялось к горизонту солнце. Под самолетом разостлалась Осетия, страна, населения которой недостало на то, чтобы занять всю владикавказскую равнину от скалистых гор и до лесистого хребта, у подножия которого стоит станция Эльхотово.

Долину прорыли — Терек, Гизельдон, Фиагдон, Эрдон, Белая, Урух. Вдоль рек тянулись узкие ленты дорог. И по всем дорогам, изо всех ущелий и сел шли к городу Орджоникидзе обозы горцев и колхозников.

Как один поднялась Осетия, как один шла на праздник.

Художник восстановил бы в тот день картину древних кочевий. Голоса тысячелетий услышал бы музыкант в гикании людей, в скрипе арб и телег. Поэт уловил бы ритмы веков.

Вечерело. Табором сворачивали с дороги, останавливались на ночь. Горели костры. Шипела вода в прокопченных котлах. Судорожно вырывались из цепких человеческих рук овцы, предназначенные закланию.

А в ночи около уцелевших костров долго не умолкали степные лирические

вздохи гармошек, неутомимо отбивали ладони вздымающий ритм плясок.

Танцуйте, танцуйте. Веселитесь! Тысячи лет бродили осетины по степям от Кавказа и до Дуная. Тысячи лет зверели их сердца в битвах с готами, татарами, славянами. Сотни лет давили их, душили их, гнули их многопудовые горы.

Века войн. Века кочевий. Века голода.

И десять лет, всего десять лет ласковой, радостной жизни.

Танцуйте, танцуйте. Веселитесь! Какие сочные звезды горят над вами.

Ночь улеглась на землю, и в мрачную стену ее бился Терек. Мы ехали радостные и улыбающиеся.

Десять лет!

На каждом куске земли, вырванном у ночи светом прожекторов, были разбросаны для нас листы истории.

В восемнадцатом году ингушские мракобесы убили здесь восемь осетин — началась война между двумя народами.

Здесь мы переходили через Терек — пробирались в Ольгинское, будучи посланы туда в качестве делегатов мира.

Память врывается в ущелья — в мрачные дымные сакли. Она свергается в бездну времени и выхватывает из нее пожары 1905 года, восстание осетинского дивизиона, таинственную типографию в комнате грузина-учителя Максима, подвал владикавказской полиции, жандармского ротмистра Лупакова.

Она выхватывает из бездны времени друзей, воскрешает их улыбки, их речи, их глаза.

Вот голубоглазый и близорукий Жора Цаголов. Пламенный, как солнце. Где он?

Расстрелян казаками.

Вот Тембол Кибизов, тихий, как лунная ночь. Где он?

Растерзан хевсурами, когда отступал через горы в Грузию.

Вот непримиримый Андрей Гостиев.

— Где он?

Растерзан. Рядом с Темболом лежат его мученические кости.

Губа Губиев... Джигит Галазов... Георгий Казбачов. Десятки юных и радостных друзей приближаются в ночи. Волнами сверкают их улыбки; крупными звездами мерцают глаза.

Десять лет... Первых — младенческих и богатырских. Маленьких — на маленькой владикавказской равнине, и всемирных...

Мы не успели вздремнуть. Светало, когда мы ехали обратно в город. На небосклоне горело пламя зари, поджигало леса и горы, поля, и дороги, на которых громыхали брички, скрипели арбы, мычали волы, играли на гармониях девушки, пели мужчины, дробно топали кони партизан,

И трепетали, трепетали красные полотнища колхозных знамен.

Колхоз имени Карла Маркса.

Колхоз имени Ленина.

Колхоз имени Сталина.

На улицах города еще лежали длинно тени с севера, с запада, с востока въезжали колхозники в город — и точно маковые поля вошли в него.

Пели тысячи голосов, играли тысячи гармоний. Встречаясь, люди приветствовали друг друга.

— Да здравствует праздник десятилетия!

— Да здравствует!

...В каком городе мира нашлась бы площадь, которая бы вместила людей, спешивших на празднование. За город ехали колхозники. Выбравшись на шоссе Военно-Грузинской дороги, они сворачивали на целину — тагаурцы, куртатинцы, алагирцы, дигорцы, забравшиеся в Кабарду лескенцы и стает-дортовцы, казаки из бывших Архонской, Ардонской, Николаевской и Змейской, немцы из колоний Михайловской, ингуши верхом на добротных конях.

Наспех раскидывались палатки. Бригадные повара разводили костры. В канаву, что протянулась вдоль шоссе, стекала кровь зарезанных овец. Завхозы устанавливали привезенные с собою столы. Резали на ровные части буханки пшеничного хлеба.

Из города двинули на поле орджоникидзенские пролетарии — электроцинковцы, швейники, рабочие крахмало-паточных заводов, вагонники, железнодорожники.

— Ура, ура — да здравствует праздник десятилетия!

Скрежетали — ползли на поле танки. Громыхала артиллерия. Отсчитывала шаги пехота. И было так, что радовало каждое человеческое лицо, каждая пара человеческих глаз была родной и близкой. Смотрели ль они из-под задорных

← По очереди выходили в круг и танцевали

бровей красноармейца или растерянно озирались и прятались под платок старухи, спустившейся на праздник из дальнего ущелья.

Опять кричали — ура, по полю шел Михаил Иванович Калинин. Быстрый, точно ртутный, он на мгновение останавливался около отрядов войск, около колонн колхозников, приветствовал их от ЦК партии и правительства, ему отвечали криками, а он уже приветствовал очередную колонну.

Порывисто поднялся он на трибуну, всему полю была видна его фигура — старого аккуратного рабочего, одетого в белую вышитую рубаху.

Трубил оркестр — шли войска, скакали артиллеристы, неслись партизаны — тысячи партизан в воинственных папахах и черкесках. Прошли колонны городских рабочих и на минуту умолкло поле: из города бричек, арб, тачанок и шалашей, в котором, как декоративные кусты, стояли распряженные лошади, выходили головные отряды колхозников.

Их ряды, непривычные к маршам, приближались к трибунам медленным горским шагом. Как пышные цветы, высились над рядами папахи стариков, темнели платки женщин, вспыхивали косынки девушек.

Пели гармонии в руках у девушек, приближались колонны и впереди всех колхозники селения Фарн — победители в предъюбилейном соревновании. Потом шли немцы из колонии Михайловской, архонские казаки, нартовцы, майарамтадаговцы, гизельцы — Орджоникидзенский район.

Почему у вас на глазах слезы, товарищ Кузнецова? Вы командированы на праздник от редакции делового московского журнала. Никогда раньше вы не бывали в Осетии. Вы не знали Осетии. Ваше детство было совсем другим, совсем чужим для нас, так же, как наше — для вас. Почему вы плачете?

Они идут бесчисленными рядами — пахари и свинари, доярки и огородницы, трактористы и конюхи, водовозы и мельники, парторги и председатели, седобородые инспектора. Идут пастухи из Фаснала, из Нора и Закка, из Мамисона и Санибы. Их лица обожжены солнцем.

И вы плачете, Селестина, текстильщица из Италии? И вы геноссе Фриц, не-

мецкий углекоп? Почему? Разве не в ваших силах сделать свою землю радостной, как наша?

Поет гармонь в руках у девушки, а парень танцует, носками (ках-кухта называется это по-остетински), отчеркивая в траве дуги и прямые. Его крылатые руки то широко распластываются над землей, то свертываются к плечам, голубые глаза обращены к трибуне.

— Да здравствуют ударники колхозных полей!—отвечает юноше Евдокимов, а тот—летит, летит, распластывая крылатые руки. Перед ним мелькают леса и скалистые хребты гор, и снежные вершины. Кажется, что юноша взовьется сейчас над ними. И следом за ним идут новые ряды. Мелькнул парень, на котором зеленые бархатные галифэ, вправленные в коричневые женские чулки. Девушка-босоножка. Старуха с красными в трахоме глазами. Старик со шрамом на брови и щеке.

Идут из мрачного прошлого на светлую дорогу истории, которая за нас.

С весны началось предъюбилейное соревнование районов. Колхозы оспаривали друг у друга почетное право приема праздничных гостей — ударников Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, цыган из минераловодского колхоза «Труд-Ромэн», туркмен и русских из Ставропольщины, ногайцев и казаков из Кизлярщины, дагестанцев и карачаевцев, пролетариев Ленинграда и Москвы — героев войны и мира.

Все сельскохозяйственные показатели учитывались в соревновании: темпы весенней пахоты и обработки полей, техника работ, состояние урожая, поставка и продажа колосовых...

Фарновцы — беспомощные десять лет назад, дикие десять лет назад фарновцы вышли победителями — завоевали право принять гостей. И вот я опять выехал в Фарн.

По началу я мучительно безуспешно пытался вспомнить и отыскать, где стоял шалаш Георгия Рамонова, где торчали голые рейки, обозначая место сельсовета. Я быстро отказался от своих попыток. По обеим сторонам улицы белели стены приветливых домов, крытых свежей черепицей, обсаженных буйно разросшимися деревьями.

Еще нет тротуаров около домов, но они будут. А пока участки, предназначенные для тротуаров, обложены булыжником, тоже выбеленным. Многочисленные гусиные стаи бродили по улицам и плескались в канавах, прорытых вдоль домов.

Из людей никого не было в селении. Пусть идут воры, пусть вспыхивает пожар — праздник. Но кто подумает сегодня о том, чтобы украсть?.. Кто будет поджигать сегодня?.. Праздник же, праздник! И на поле, за село, шли старцы, худые и плоские, шли старухи, похожие на изуродованные горные ели.

На трибуне сидела девушка. Она порывисто растягивала гармонь, и летала над полем лезгинка.

Михаил Иванович спешил на праздник. Машина шла, касаясь крыльями кукурузных стеблей, которые тесно обступили дорогу с обеих сторон. Точно миллионы штыков, торчали они над землей отсюда и до самых гор, отсюда и сколько видел глаз на север, на запад. Кровлями землянок казались дальние черепичные кровли Фарна.

На черепичных кровлях станов висели красные полотнища:

— Да здравствует десять лет ОСАО!

— Ленинская национальная политика сделала из Осетии, нищей отсталой колонии царизма, область высокой индустриализации и передового сельского хозяйства.

— Добро пожаловать, дорогие гости.

Михаил Иванович остановил машину и сошел с нее: кукурузные стебли торчали из земли, такие ядреные, что казалось — привяжи к любому из них необъезженного коня — не вырвет, не убежит.

То был участок бригады Милыхо Цораева, у которого не было в детстве иных игрушек, кроме камней, который мягкую землю плоскости воспринял когда-то, как мрак землянки, перед юностью которого торчали заштукатуренные пометом коровьи зады.

Михаил Иванович захотел увидеть самого Милыхо, его бригаду, его полевой стан. Ну, конечно, белые скатерти столовой стана были парадными, праздничными... Ну, конечно, чистые покрывала на пружинных кроватях колхозников были парадными, праздничными. По-па-

радному, по-праздничному был убран клуб. И беседка над кровлей стана, в которой колхозники могут отдохнуть после работы, играть в домино, в шашки, в шахматы. Или читать газеты.

— Нет, Михаил Иванович, у них всегда так чисто и празднично.

Милыхо робел. Стыдился чего-то. Не находил слов, чтоб отвечать.

Михаил Иванович захотел побывать дома у Милыхо. Там тоже было, как всегда, чисто, празднично, уютно. И когда на лугу, избранном для празднования, Михаил Иванович поднялся на трибуну, он сказал коротко.

— Товарищи, вы много трудились. Давайте будем веселиться сегодня.

Заиграла гармонь. В такт ей хлопали мозолистые ладони. Веселились люди.

У председателя Совпрофа Коста Цаллаива тяжелые городские сапоги на ногах.

Танцуй, Коста.

По-городскому шуршат брюки у секретаря обкома, Георгия Гостиева.

Танцуй, Георгий.

Праздник сегодня. И не для нас одних. Танцует лезгин Гусейнов, командир из кавалерийского полка. Танцует ингуш Магомет Джамбулатон — уполномоченный ГУГБ. И грузин Лобжанидзе танцует. И кабардинцы, и чеченцы, и казаки, и русские. И юные колхозники, в кепках ли они и френчах, или воинственных костюмах предков. По очереди выходят они в круг.

Праздник, праздник сегодня. Танцуйте и радуйтесь. Смотрите, старый Цемурза вошел в круг и плывет, плывет — летит, распластав мощные руки-крылья.

про белый день

А. Письменный

В сорока пяти верстах от Можайска в деревне Нариченю жил крестьянин и ручной ткач Алексей Казаков. У этого можайского крестьянина была лошадь, две коровы и семья в девять душ. К лету ткацкие мастерские закрывались, и Алексей Казаков ехал в деревню пахать и сеять. Осенью он вновь собирался на фабрику в Москву. Поездке предшествовали бесконечные разговоры, начинавшиеся с Покрова дня.

— Надо ехать, — начинал ткач, — хотя время еще не подошло.

— А вдруг не найдешь работы?— треважно отвечала жена.—Поедешь, а работы нет, — повторяла она в томительном сомнении.

День за днем бесконечно повторялись эти разговоры, ближе к зиме они становились такими мучительными, что мать, не переставая, хлюпала носом, отец ходил злой, а ребята не слезали с печи.

В семье все время гадали и подсчитывали: как бы не произошло ошибки — ехать, так ехать наверняка. Каждая копейка была на учете. О ней говорилось нежно — копеечка и добавлялось, что она — кровь, пот и соль, что она — рубль бережет, эта маленькая и тяжкая копейка.

У ткача были корова, лошадь, была птица и кусок земли, и сам хозяин был не лентяй, не дурак, не пьяница, даже табака не курил и верил в отца и сына и святого духа, как всякий хороший человек. Почему же жизнь ему не давалась? Почему не прекращалась нужда, не сходились концы с концами и вечно висела угроза черного дня?

Сын ткача Василий с детства боялся черного дня и многие годы ждал его и готовился к нему с трепетом.

Одного за другим, как только они подрастали, отправлял Казаков своих ребят в город на заработки.

В 1883 году подошла очеред Василия. Он уже умел читать псалтырь. Сперва его учила бабка-новожилка церковной азбуке. Брала она страшно дорого — пуд муки, точно без грамоты человеку и жить было нельзя. Когда Васька кончил курс церковной азбуки, отец передал его Ширяеву, лудильщику и слесарю из Волоколамска. Ширяев брал еще дороже—три рубля в зиму, но отец, — решив: куда не шло, — платил за Ваську две зимы, и тот стал совсем грамотным.

И вот Василию Казакову стукнуло одиннадцать лет.

Мать испекла пирог. Сварила десяток яиц, перекрестила сына, и он с отцом отправился в город. Василия сразу взяли на фабрику тонких сукон Данилова присучальщиком и положили пять рублей пятьдесят копеек в месяц. Отец проводил его в казарму и сказал:

— Живи бережно, работай хорошо. За жалованием я приходить буду.

В дневную смену Василий Казаков вставал утром в половине четвертого, ночная смена сменяла его на полчаса для завтрака и на полтора часа в обед. Рабочий день длился шестнадцать часов, не считая перерывов на завтрак и обед, —до половины десятого вечера.

По воскресеньям Василий отсыпался на неделю вперед. Ему не мешали звон бутылок, тяжелый мат и любовные вздохи семейных. Но когда в казарме рожала женщина, ее крик никому не давал спать, а рожали в казарме часто.

Смены менялись по неделям. В неделю ночной смены маленький Казаков ходил учиться в школу при фабрике. Ночью, поэтому, он часто засыпал у ватера—прядильной машины, и тяжелый ноготь мастера оставлял на его желтом лбу синяки. Но школа просуществовала всего три месяца. Вплоть до тридцатых годов следующего столетия. Василию Казакову учиться больше не пришлось.

У ватера он проработал семь лет. Ему осточертели труд, казарма, Москва, в восемнадцать лет такая жизнь была невыносимой, ведь даже денег на свои расходы у него не было, все забирал отец на хозяйство. Довольно! — решил он.

Вместе с Давыдовым, приятелем своим, он отправился в Орехово-Зуево и

нанялся на механический завод Гоппера обрубать мелочь в механической мастерской. Семь лет он обрубал заусенцы на литье и присматривался к токарной работе. Платили ему теперь четырнадцать рублей и он, решив, что выплатил за свое воспитание сполна, перестал отдавать деньги на хозяйство.

В один прекрасный день, когда запившего токаря некем было заменить, «Рыжий», так звали мастера, подошел к Казакову:

— Становись к станку, небойсь, пригляделся.

Казаков не испугался и ответил:

— Ладно, — и хотя ему, как мальчику, попрежнему платили четырнадцать рублей, он подумал, что теперь будет жить хорошо. Но тут Василий вспомнил о черном дне и поспешно стал подсчитывать, сколько он сможет откладывать ежемесячно.

Три раза он призывался, но каждый раз его не брали за малый рост и, увидев, наконец, что он больше уже не вырастет, отпустили совсем. Он стал квалифицированным токарем, вернулся в Москву, заработок начал расти — шестнадцать, двадцать пять, тридцать шесть рублей. Он женился на землячке. Но в город ее не взял, хотя заработок все рос, и он получал уже у Бремлея шестьдесят рублей в месяц. Тому было три причины: во-первых, он боялся — вдруг останется без работы. Во-вторых, мастеровому не так легко было снять комнату. Хозяева сдавали мастеровым неохотно, предпочитая жильцов положительных — торговцев или приказчиков, а жить в сарае или в казарме вдвоем не хотелось. В-третьих, у них уже родилась дочь и предвиделся второй ребенок, это значило, что расходов будет все больше и больше: за каждого пискуна хозяева квартиры набавляли лишнюю трешку.

Только спустя несколько лет, когда заработок еще больше увеличился, Василий Алексеевич перевез жену и стали они жить вместе всем семейством. Денег пока хватало, чтобы прокормить всех. Но купить ребятам башмаки он не мог и сам чинил порванные. Попрежнему он вместе со всей семьей—в в о с е м ь д у ш—ютился по чужим квартирам. Из мебели был один единственный маленький шкафчик, сделанный братом-модельщиком к свадьбе. Вплоть до революции, перебираясь из одной комнаты в другую, Казаковы «переезжали» пешком, с вещами, смотанными в узлы, и парой плетеных корзинок. А перебирались они часто. Это была кочевая семья.

В 1912 году с Василием Алексеевичем случилось несчастье. Он работал на крупной бронзе. При обработке бронза давала зеленую пыль, экстаустеров в те времена не было, и рабочий вдыхал эту пыль. Казаков обтачивал бронзовые детали и дышал зеленой пылью. Однажды у него начался сильный кашель, заложило грудь, и, когда уже невмочь было стоять, Казаков поплелся к заводскому врачу. Врач сидел в маленькой и грязной комнате. Одной рукой он записывал больного, другой, не выслушивая, давал порошки. Василий Алексеевич вышел от врача, бросил порошки в лужу и решил истратить три рубля на настоящего доктора.

— На гроб деньги есть?— спросил его настоящий доктор.— Иди заказывать, пока не поздно.

Казаков побледнел.

— Может вылечусь? У меня семья большая. Мне помирать рано.

— Три месяца нужно в деревне, на свежем воздухе жить. Сможешь?

Он поехал в деревню. Больница в деревне была далеко. Однажды он пошел возобновлять рецепт. Дорога шла лесом. Было жарко. Он вспотел, разулся и скинул рубашку, пошел дальше. На пути было болотце. Казаков медленно перебрался через него, и тут ему стало холодно. Он оделся, но до самой больницы согреться не мог, а когда вернулся домой, то почувствовал ломоту, «крутило» спину. Он не мог повернуться ни вправо, ни влево, словно какой-то кол торчал в груди, и когда позвали из больницы доктора, обнаружилось, что Василий Алексеевич заболел воспалением седалищного нерва.

После революции жизнь не сразу стала хорошей. Казаковы тогда жили в Петрограде. Город был туманен и тосклив. По сырым улицам, в сколоченных на скорую руку салазках, горожане возили на рынки этажерки для нот, енотовые шубы и стайки фарфоровых слонов, которые когда-то приносили счастье.

Над облупленными домами лежало серое небо. Кругом был фронт. На Обуховском заводе, где работал Василий Алек-

сеевич осталось всего триста-четыреста рабочих. Хлеба не было.— Ребята сидели голодные. По ночам, ночи начинались рано, — когда утихали улицы, трещала торопливая стрельба.

Заводоуправление предложило Казакову ехать вместе с группой рабочих в Барнаул, организовывать мастерскую по ремонту сельскохозяйственных машин. Казаков отказался. В такую даль тащить за собой семью в семь человек?

С ним согласились.

— А хлеб у тебя есть?— спросили его.

Откуда же было быть, хлебу? Тогда в заводоуправлении выписали ему длиннющий мандат, дали бесплатный проезд, и Казаков поехал в Воронежскую губернию добывать для семьи хлеб.

Он ехал в поездах, увешанных мешочниками. Они сидели на крышах, цеплялись за буфера. Поезда застревали в заносах. Дрожали огарки в разбитых фонарях. Разворачивалась страна — снежная и пустая. Люди ехали, стоя и сидя — в проходах и тамбурах, и висели на подножках, до тех пор, пока холод не сбрасывал их замертво.

Кончилась гражданская война и заработали заводы. Казаков переехал в Москву и поступил на АМО токарем. Началась совсем другая жизнь.

Семья жила опять в деревне, и только старшая дочь Александра приютилась у учительницы, она работала в домоуправлении конторщицей. Но вскоре Василий Алексеевич выписал вторую дочь и устроил ее учиться на курсы машинописи. Затем приехали сыновья — Николай и Владимир. Оба поступили учиться в ФЗУ. Жена оставалась в деревне—там появилось хозяйство и нельзя было его бросить.

Однажды Казаков раньше обычного вернулся домой. Губы его дрожали. На лбу выступил пот. Он поправил очки строгим и взволнованным жестом.

— Что случилось?— спросила дочь.

— Завод...— пробормотал отец.

— Что, завод?— испугалась дочь.

Казаков махнул рукой и сел. Радость душила его, во рту пересохло и он с большим трудом произнес:

— Квартиру дали...

Это была первая за всю его жизнь настоящая квартира, отдельная, в три комнаты.

Новая квартира была огромной и пустой. Из мебели был только один маленький шкафчик. Ребята затеяли игру в эхо — стены с щедростью возвращали каждое сказанное слово. Сперва ночевали кое-как, на полу, через день-другой достали козлы и доски и сколотили топчаны. Поселились все в большой комнате. Что делать с другими комнатами — не знали. Купили дрова. Но вскоре дрова вышли. Тогда переехали в маленькие. Большую топить перестали. Нужно было квартиру обжить, а для этого необходима была мебель. Но старший сын Николай ушел в комсомольскую коммуну. Он говорил, что оттуда ему ближе к работе. Все понимали, что это не так — от «АМО» до «Динамо» два шага,—но в коммуне жить интересней и веселей.

Вскоре приехала жена Василия Алексеевича, Евдокия Кирилловна. Она вошла и ахнула от восторга, но потом покачала головой — ну и жители!

На другой день всей семьей пошли покупать мебель. Не знали, с чего начинать. Шкафы и кровати, столы и комоды обступили их в мебельном магазине со всех сторон и все казалось нужным, но все сразу купить было нельзя. Начали спорить. Дети говорили, что сперва нужно купить стол — заниматься не на чем. Мать настаивала на кроватях, а Василий Андреевич растерялся и не знал, с чего начинать.

Приблизительно через год коммуна, в которой жил Николай, распалась. Николай вернулся обратно в семью, и все стали жить вместе. Потом Александра вышла замуж и поселилась отдельно. Все было в порядке, но тут заболел Василий Алексеевич.

Началась болезнь незаметно для него самого.

На заводе проводилась диспансеризация. Каждого рабочего осматривали врачи, и на каждого писались карточки. Василий Алексеевич совсем забыл, что и его осматривали, как вдруг на квартиру пришел фельдшер и сказал:

— Вы что ж, дорогой товрищ, не появляетесь?

— Куда?

— В диспансер. Вы в списках, дорогой товарищ, записаны.

Списки были развешены в цехе, но Василий Алексеевич их даже не просматривал.

Казаков пошел в диспансер. Его еще

раз остукали, выслушали, измерили и врач сказал:

— Надо лечиться.

— Да я же не болен,—возразил Казаков,— старость подходит, от нее не вылечишься.

— Разговаривать идите в завком. А мы вас в санаторий на полтора месяца.

— Ну нет!—Казаков запротестовал.— Извините!—Он только что квартиру получил, ему надо хозяйством обзаводиться, ему надо работать и больше ничего, и ни о каком лечении речи быть не может.

— Зарплата ваша будет в целости, а лечиться поедете на государственный счет и в обязательном порядке,— ответили ему.

Вот тут вспомнил Василий Алексеевич о вечном своем страхе перед черным днем. Потом рассмеялся и сказал:

— Хорошо.

Прошло несколько лет, жизнь установилась. Василий Алексеевич стал членом партии. Мария тоже вступила в партию. Александра училась в Институте физической культуры. Младшие ребята кончили ФЗУ и готовились в рабфак.

Завод строился, расширялся, захватывал новые территории и растил на них невиданные цеха. Заводская площадка подбиралась к самому дому, в котором жили Казаковы, и Василий Алексеевич однажды заметил:

— Нас скоро ломать будут.

Но никто не испугался.

— Дадут другую квартиру,— спокойно сказала Евдокия Кирилловна.

Ребята поступили во втузы. Николай — в Ломоносовский, Владимир в МММи. Туда же поступила Мария. Алексей пошел на механико-математический факультет 1 МГУ. Николая по спецнабору взяли в армию.

Вскоре дом, действительно, начали ломать. Казаковым предоставили квартиру, в новом каменном доме ИТР. Там было центральное отопление. Теперь семья Казаковых переезжала на заводском грузовике и вещей было столько, что грузовик сделал четыре рейса.

На новой квартире в доме ИТР, Москва, Тюфелев проезд, корпус 7, квартира 11, мы застаем семью Казаковых утром, в рабочий день 1934 года.

Раньше всех просыпается Евдокия Кирилловна. Тишина в доме. Медленно нарастает звон часов и скатывается, точно капли.

Уже явственнее слышен звон трамваев и, если затаить дыхание,— глухой топот молотов в кузнечном цехе завода.

Часы бьют семь. На третьем ударе Евдокия Кирилловна встает. Невестка спит на диване, подложив под щеку ладонь,— ее не надо будить. Сама встанет, когда проснется. Но остальных? Кого будить первым? Не перепутать бы, не дай бог. Евдокия Кирилловна — комендант в своей семье. От кровати к кровати, из комнаты в комнату идет она поднимать семью.

Встает Мария — ей в Лефортово, дальше всех. Босая и встрепанная, она спешит взглянуть на часы. Она что-то бормочет, кажется, ее поздно разбудили.

Просыпается Василий Алексеевич. Раньше он просыпался затемно. В продолжение ряда лет исчезала привычка вставать к шестнадцати, четырнадцати, десятичасовому рабочему дню.

Утренний час в семье разобщен. Один спит, другой проснулся, но еще лежит в постели, третий уже пьет чай.

Василий Алексеевич работает мастером секции наладки в механо-сборочном цехе автомобильного завода имени Сталина. Огромный этот цех заставлен сотнями станков новейшей конструкции — режущими, обтачивающими, штампующими, сверлящими. Тысячи осей, втулок, задних мостов, поршней, валов пройдут обработку на этих станках прежде, чем соединиться на главном конвейере в новый, покрытый свежей краской, трехтонный грузовик.

Казаков работает в токарной группе. Он налаживает работу десятков токарных станков разных фирм и конструкций.

Сегодня с утра он принимается за новый станок. Его сломали по дороге, этот полуавтомат незнакомой заводу конструкции. Его не было даже в каталогах фирмы, он только что выпущен на рынок.

Василий Алексеевич подзывает американского специалиста.

— Познакомьте меня с ним,— говорит он американцу. Тот качает головой.— Сам не знаком.

Казаков пускает мотор, шкив повертывается и замирает. Шпиндели останавливаются, станок стоит. Василий Алексеевич поднимает крышку и видит разбитую в осколки стальную пружину. Он

пробует сложить пружину — ничего не получается. Стальная мелочь, почти пыль. Он осматривает станок дальше, не работает также насос для подачи масла. Казаков задумывается над его устройством. Тут обязательно должен быть шарик. Без него насос не может работать. Но шарика нет.

Подходит инженер.

— Какой там шарик,— говорит он,— раз нет его, значит и не нужен.

Кончив обед, Василий Алексеевич все-таки отправляется к Маневичу.

— Разрешите попробовать?

Инженер машет рукой.

— Ваше дело.

Казаков кладет шарик. Насос робко, по-щенячьи фыркает, и масло льется тонкой струей.

Тогда он принимается за пружину. Он вытачивает одну за другой, примеряет и принимается за новую. Ощупью, наглаз, он находит, наконец, нужный размер, ставит пружину на место и станок идет.

Владимир Казаков сидит за своим столом в Управлении по реконструкции ЗИСа. Он сидит над серым от карандашной пыли чертежом, погруженный в вычисления.

Сбоку шумит арифмометр, сзади о чем-то спорят инженеры и чертежники. Проходит секретарша с ворохом синек.

— Ну, как?— нагибается она к столу Владимира.

— В перерыв договоримся, — отвечает тот и перелистывает «Конвейерные установки» Спиваковского. Найдя нужное место он быстро двигает логарифмической линейкой и на листок сыпятся новые цифры. Составление технологического проекта займет еще много времени. Сейчас он расставляет на этом плане, намеченном легкими линиями карандаша, оборудование литейной. Мысли Владимира целиком сконцентрированы на сером чугуне. Может быть поэтому он так равнодушно отнесся к вечеринке, которую устраивают сегодня сослуживцы. Пускай организационные вопросы решат без него. Завтра он должен приниматься за склад кокса, полностью механизированный — девять транспортеров, два элеватора.

День других членов семьи протекает в разных концах города.

...Алексей едет в университет. Это коренастый сероглазый парень в майке, расстегнутой на груди. Мелькнула серая коробка «Динамо». Упали за окном и потонули в деревьях прекрасные плоскости Дворца культуры. Идут склады вдоль асфальтового полотна. Потом вагон скрипит по Солянке, петлит в переулках Китай-города.

...Мария занимается в МММИ, на факультете точного приборостроения. Ее иногда ужасает количество формул, которое надо запомнить, множество книг, которые надо прочесть. Она чувствует себя девчонкой, когда думает об этом. К вечеру в ее голове такой сумбур! Мысли как бы соскакивают с каких-то полочек и путаются так, что ей кажется она сойдет с ума.

...Екатерина водит рейсфедером по желтой восковке на чертежном столе в техническом подотделе механо-сборочного. Мир совсем не так сложен, как кажется ее сестре. О многом можно и не думать. А всего все равно не решить.

...Евдокия Кирилловна с помощью Вари, невестки, привела в порядок квартиру, сходила в кооператив и поставила нагревать воду для стирки.

На перевернутую вверх ногами табуретку со звоном ставится жестяное корыто. Цинковые блестки и звездочки давно потускнели на нем. Бока его местами помяты. В одном конце немного разошелся шов. Но если воду не наливать до верху, оно не течет.

Настроение у Евдокии Кирилловны портится. Она раздраженно сдвигает кочергой крышку с чана. Пар устремляется к потолку и скоро вся кухня насыщается туманом. Варя с жалостью смотрит на этот постыдный парад бытовых мелочей.

— Евдокия Кирилловна, — говорит она, — я не понимаю, зачем вы сами стираете белье?

— Чтобы было чистое, — ворчит та и с грохотом открывает печную дверцу. Жар набрасывается на ее красные руки. Она с гневом ворошит огонь кочергой.

— Конечно,— соглашается Варя.— Но ведь в прачечной выстирают лучше.

— Я всю жизнь сама стирала, а теперь прикажете в прачечную носить?

Разве с ней можно спорить? Варя пожимает плечами.

На мебель Казаковы не скупятся. Год или полтора назад куплен прекрасный зеркальный шкаф и кровати для дочерей. Когда Варя приехала, ее удивили два велосипеда, стоящие в прихожей — не много ли? Ей сказали, что третий увезла Александра. Теперь она вспоминает также про радио и про Техническую энциклопедию, которую выписывает Алексей. Ведь можно сэкономить на чем-нибудь и белье отдавать в прачечную? Ведь можно не экскурсировать по Крыму и Кавказу, как делает это ежегодно молодежь до и после дома отдыха, если на прачечную нехватает средств?

Варе приходит в голову ряд других непонятных мелочей, которые она замечала в семье.

Казаковы, например, почти не пользуются своей ванной, а ходят в баню. Правда, баня расположена по соседству, прекрасная баня с лучшим в Москве бассейном для плавания, но ведь мыться в своей домашней ванне удобнее. Варя вспоминает, что Евдокия Кирилловна частенько с нежностью вспоминает, прежнюю квартиру с голландским отоплением в маленьком домике, потому что там были сараи и кладовки, совершенно ненужные семье, по существу. Что это за странности такие? Ведь это передовая рабочая семья.

Наступает вечер. Наливаются светом фонари. На чьей-то квартире тихо журчит патефонный «Сибоней». За белой решеткой палисадника покачиваются цветы. Вечерний ветер подхватывает и вздымает их аромат.

Алексей сталкивается с отцом во дворе перед длинной шеренгой вновь выстроенных сарайчиков, напоминающих купальные кабинки на пляже.

— Какие новости?—спрашивает отец.

Алексей пожимает плечами: какие могут быть новости?

К ним приближается Клименов, мастер секции наладки и парторг технического подотдела. Он живет в том же парадном, где и Казаков, на третьем этаже.

В открытых окнах звенит посуда. Хлопают двери. Слышны звонки. Час, когда дом наполняется жителями.

Алексей сразмаху берет ступеньки — в этих внезапных и резких движениях как бы выливается энергия спокойного и сосредоточенного человека.

Василий Алексеевич идет следом за ним. Из ящика для почты он вынимает «Правду», «Известия», «ЗИ» — и три экземпляра «Догнать и перегнать».

К вечернему чаю все выходят из своих комнат в столовую. Евдокия Кирилловна накрывает на стол. Подсаживается Мария и Алексей.

— Уберите газеты, довольно читать. Бери стакан, отец, — возглашает Евдокия Кирилловна.

— Дуняша, — спрашивает тогда Казаков,—много у нас денег осталось?

— А что?

— Ребятам надо кровать купить. Спят на складных, чепуховое дело.

— Кровати подождут, — возражает Владимир. — В первую голову нужно патефон купить.

— А без него ты обойтись не можешь? — спрашивает мать.

— Купим, Володя,—поддерживает его Казаков. — Кончите учение, мы и рояль купим.

— Купите еще автомобиль.

— А что? Дело хорошее. Только гаражей пока нет.

— Ну, что же. Народу много. Будем, как Николаевы, сторожить по-очереди. Николаевых двое и то ухитряются. Спят посменно,—вышучиват мать.

— Нет, уж лучше гаража подождем.— Перспектива сторожить машину Алексею не улыбается.

После чая Владимир собирается на вечеринку. Он одевает свой новый костюм из черного бостона, новые полуботинки и входит в комнату сестер причесаться перед зеркалом. Мария толкает его, смеясь:

— Хорош, хорош.

Алексей едет в кино «Ударник». Девушки собираются во Дворец культуры и зовут с собой стариков.

— А что там? — спрашивает Василий Алексеевич.

— Вахтанговцы «Булычева» дают.

— Мы ведь видели уже.

И когда ребята готовы, Казаков вдруг говорит:

— Ну-ка, братва, тащи ботинки, — и найдя рваную подметку, добавляет: — разрешите я ее изуродую.

Белый день начинается снова и снова.

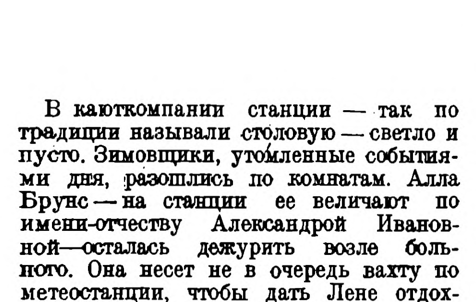
Утро поднимается над городом. Топают молоты. Цветы расправляют лепестки, свернувшиеся за ночь. Медленно нарастает звон часов...

Евдокия Кирилловна поднимает голову.

КОРНИ ЖИЗНИ

В. Канторович

В каюткомпании станции — так по традиции называли столовую — светло и пусто. Зимовщики, утомленные событиями дня, разошлись по комнатам. Алла Брунс — на станции ее величают по имени-отчеству Александрой Ивановной—осталась дежурить возле больного. Она несет не в очередь вахту по метеостанции, чтобы дать Лене отдохнуть после тяжелой экскурсии.

Брунс пристраивается поближе к лампе и развертывает большую канцелярскую книгу. На чистом листе — первые страницы исписаны — Брунс размашистым почерком ставит дату. На этом творческий ее порыв на время иссякает. По особенностям своего характера, по молодости и неопытности, она с величайшей, немного наивной серьезностью исполняет каждую из многочисленных обязанностей зимовщика. Это ее первая зимовка; сегодня, в первый раз в жизни ей предстоит внести свою запись в вахтенный журнал. Первая запись и притом в такой трудный день!

Брунс перевертывает несколько листов вахтенного журнала. Следует перечитать записи товарищей, чтобы понять требования, уловить стиль этой своеобразной летописи зимовки.

За стеной раздается стон. Брунс, бесшумно ступая, открывает дверь в комнату Лени; хозяин комнаты уступил ее неожиданному гостю, а сам перебрался к радисту. Брунс опять видит эту страшную голову — почерневшее лицо, скулы, обтянутые тонкой кожей, вспухший полуоткрытый рот и глубоко запавшие глаза. Глаза открыты — вся энергия, которая еще сохранилась в этом беспомощном теле, заживо покрытом трупными пятнами, — сосредоточивается в глазах. Человек смотрит на Брунс, рот чуть-чуть вздрагивает в улыбке, в глазах явственно появляются довольные огоньки.

Брус вливает ему в рот несколько капель свежего мясного бульона, потом дает виноградного сока. Каждый глоток тяжело достается больному. Он еще раз глядит в глаза Брунс, и она поражается жизнерадостности этого взора.

— Как себя чувствуете? — спрашивает Брунс.

Даже шопот его сохраняет особенности поморской речи:

— Ноне уже не пропаду.

Этой же самой фразой он встретил своих спасителей там, у себя в землянке. Леня рассказывал, что крупные капли пота катились по щекам больного, и в первые минуты он не мог собраться с силами, чтобы ответить на вопрос. Потом сказал:

— Ноне уже не пропаду.

Собственно, сомнений в его личности быть не могло. Но все спросили его имя. Драчнев назвал себя и после этого молчал, экономя силы, пока не подняли его на руки, чтобы вынести из землянки в лодку. Когда к нему притронулись, он закричал—откуда только брались силы для такого крика? Должно быть он испытывал невероятные страдания; но не только не сопротивлялся, а всячески помогал своим спасителям. И только криков не мог сдержать. Затем схватил руку и сказал внятно, превозмогая боль.

— Кожи, добычу возьми... развешены.

В нем заговорил охотник, промышленник.

Драчнев закрывает глаза; повидимому, он снова уснул. Прикрутив фитиль, Брунс выходит из комнаты больного, к своему месту за рабочим столом в кают-компании.

На первой странице вахтенного журнала записано:

«22-го сентября 1934 года. Сегодня, наконец, началась зимовка. Ушел, салютуя длинными гудками, пароход, доставивший нас сюда, на острова. Слабонервные отворачивались друг от друга, чтобы окрыть «позорные» следы волнения. Впрочем, и опытным зимовщикам, как всегда, в такие моменты взгрустнулось...»

Брунс отрывается от рукописи. В памяти возникает тяжелая сцена. Длинные тоскливые гудки, черная дуга дыма, повисшая над морем, невыносимая тяжесть на сердце: оборвана живая связь с миром на целый год. «Кажется я держалась хорошо и скрыла волнение в себе самой», самолюбиво думает Брунс.

«...За обедом наш неутомимый рационализатор и радиокудесник Семен Иванович Лазуркин внес предложение: отменить прощальные гудки и вменить в обязанность всем капитанам исчезать по ночам, незаметно. Александра Ивановна, ему, кажется, посочувствовала. Леня тоже пожаловался, что «гудками капитаны нас отпевают». А чего, спрашивается, отпевать? Вовсе здесь не плохо. Леня на зимовке «психовать» не будет, уж в этом-то сомнений быть не может!

Проводив пароход, сразу же взялись за дело. Н. П. Крочев выделил в помощь Семену Ивановичу двух человек — устанавливать антенну, а остальных превратил в грузчиков, подтаскивал с ними груз с берега к нашему дому. Мы принялись за дело с азартом. Для мачт пришлось выкопать ямы в метр глубиной, да еще несколько ям подготовили для тяжей. И все это в вечной мерзлоте! Работали, что называется, остервенело. В обед вернулся Крочев с бригадой, увидел, что дело спорится, приказал задержать трапезу, пока мы не покончим с антенной. Дальше пошло, как обычно: мы пыхтели, трудились, а прочие зимовщики стояли тут же, как говорится с «перстом указующим», помогали «советами». Даже Александра Ивановна помогала своим певучим голоском. Несмотря на «советы», мачты установили легко, закрепили, вымылись и пошли обедать. Было торжественно, сытно, вкусно и даже пьяно (для точности: мы были слегка на-веселе). Выпили за зимовку, за то, чтобы не нарушалось доброе согласие «чрезмерными» склоками (совсем без ссор на зимовке, как известно, не проживешь). Самый солидный человек в нашей компании, доктор, провозгласил, развеселившись, особый тост «за спокойную жизнь без всяких амуров». Александра Ивановна покраснела и первая опрокинула бокал. Тут и мы все поторопились, и только Леня Саркисов чего-то замешкался. Мы его подняли насмех: дескать, Леня, не согласен предавать свою влюбленность, которая является объектом наших шуток с самого Владивостока.

Все это было очень мило, празднично и спокойно. И дальше бы так. Вечером каждый занялся своим делом. Семен Иванович с механиком Якобсоном возятся с мотором; его уже успели прочистить; теперь собирают заново. Крочев составляет ведомость. Александра Ивановна проверяет самописцы. Кок Степанов с ассистентом Леней мастерит недостающую мебель. Я прочел инструкцию по пуску радиозонда системы профессора Молчанова. Двое остальных тоже заняты делом. Недавно отпили чай с вареньем и слушали патефон. Все в порядке.

В. Константинов».

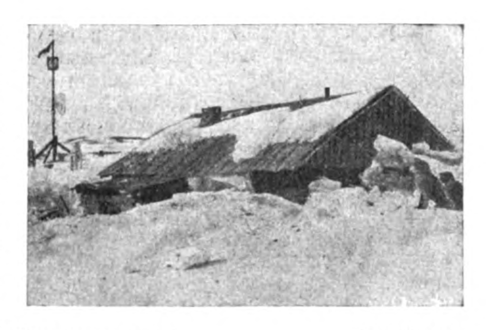
«Серьезный зимовщик», почтительно думает Брунс о Константинове, и тут же оскорбляется за себя. «А я, что? Искательница приключений, что ли?». «Опытный зимовщик», поправляет она оценку гидролога Константинова. «А я хоть и неопытный, но тоже вполне серьезный зимовщик», добавляет она по своему адресу и непроизвольно глядит в зеркало, которым украшена кают-компания. Зеркало отражает привычную Аллу Брунс, типичную вузовку-ленинградку из интеллигентной русской семьи, девушку лет двадцати четырех, с забавно приподнятым крохотным носиком. Улыбнувшись своему отражению и тотчас же нахмурившись, Алла принимается за чтение журнала. Она пропускает

несколько дней и, заметив подпись доктора, читает запись за 29-е сентября:

«Слава арктическому богу, все постепенно приходит в норму. Я уже думал, что этот бедлам, связанный с разгрузкой парохода, никогда не кончится. Сколько ни помню зимовок, эти первые дни — самые тяжелые, конечно, если исключить период катастрофы — пришлось такую пережить на Маре Сале (двое погибли, насилу вывезли остальных). Зимовка хороша своим спокойствием, размеренностью. Я, врач, знаю, как важно организму втянуться в строгий постоянный режим, как психическая конституция человека хорошо приспосабливается к спокойному течению жизни. Кстати, все это невозможно в городе, на материке, где всегда чересчур суетливо. Не в этом ли прелесть Арктики? Я не поехал бы на большую зимовку, напр. в Тикси — там, как в городе (ну, скажем, в поселке) и зверя всего безусловно распугали.

Жизнь нашей зимовки входит в норму. Событий все меньше. После отплытия парохода только и было событий, что сегодня: заблудилась корова. Начальник отрядил несколько человек и меня в том числе, на поиски. Корову нашли и заодно осмотрели остров. По ряду признаков сужу, что охота будет неплохая. Во-первых, по приплеску заметил следы песца. Затем много леминигов и, как показатель их изобилия, недвижимые застывшие на дневное время совы — приросли к плавнику. Куропатки с легкими пестринами. Остров — двадцать пять километров в окружности. Считаю необходимым до наступления полярки построить охотничью избушку и завести туда продовольствие. Иначе, во время пурги может случиться несчастье.

Сегодня наши конопатили щели дома, засыпали землей (снаружи). Метеорологи — Леня и Александра Ивановна под руководством нашего зама Константинова заканчивали установку своей станции. К обеду была свежая говядина, овощи. Начальник расщедрился, «поставил» вина. Ужинали мясное, запивали молоком. Превосходно! Началась полярная шахматная страда: обучаем неумеющих играть, даже Александра Ивановна пытается осилить эту мужскую игру. Леня дежурил сегодня на кухне, крутил мясорубку и скулил на весь дом. Потом все-таки утешился: «я, говорит, потружусь, но зато и лакомый кусочек мне достанется». Как говорится, накапливает полярный опыт! Суворов!».

Полярная станция **Фото Ушакова**

Брунс обижена на доктора. Что это за мужская игра? А Семенова, выигравшая женское первенство на шахматном турнире? Не в счет? Доктора она недолюбливает и с удовольствием вспоминает, что ему не повезло: события надвинулись, да еще какие!

Крупным знакомым почерком исписана следующая страница дневника.

«Жизнь на станции течет, как ей полагается,—записал Н. П. Крочев.—Я установил обычный порядок: подъем в семь часов, завтрак, за которым раздаю наряды (если есть общие работы); в одиннадцати часов обед, потом мертвый час. В семь ужин, после которого собираемся в каюткомпании. Здесь игры, патефон и у каждого своя работа. Надних начнем политзанятия и лекции по специальности. Перечень работ обычный для начала зимовки: 1. Хозяйственные. Подтаскиваем грузы с берега, складываем плавник в штабеля, чтобы не затерять зимой в снегу; утепляем дом. Особое внимание обращаю на то, чтобы все необходимое было зимой под руками. В сенях для этого ставим полки, развешиваем инструмент. Намерен подготовить погреб для весны. 2. Ремонтно-установочные. Антенна установлена, мотор. радиоаппаратура смонтированы. Сегодня сбежались все в радиорубку — послышался треск, атмосферные разряды, даже музыку на минуту словили (возможно — Токио). Потом что-то заскрипело

и оборвалось. Семен Иванович в сердцах просил всех посторонних выйти. Можно ждать, что связь наладится через день, через два. Якутск, Японию, Хабаровск бывает слышно, кроме того, конечно — соседей зимовщиков. А до Москвы нехватает, жалко. С радио, конечно, веселее и расстояния нечувствительны. Был я некогда телеграфистом на маленькой станции. Тогда ниточка телеграфа связывала меня с миром. Но мир мой был невелик — сослуживцы на большой железнодорожной станции— и все! Теперь за 70-й параллелью я связан (зачеркнуто) каждый из нас связан со всем миром. Затем ремонтируется научная аппаратура, в это время биолог с доктором конструируют пасти для зверя. Сегодня охотники делали пробу. Набат поднял песца. Песец бегает не так быстро, но увертывается хорошо, петляет и зигзаги делает. Выскочили охотники да расстреляли с десяток патронов и все без толку: только собаку напугали — песец ушел, но, думаю, ему не избежать наших постников.

Ремонт научного инвентаря — большое дело. Гляжу и сердце радуется. Вспоминаю прошлые годы и вижу в этом рост нашей индустриальной мощи. В 1927 году в первую зимовку, я о самописцах ничего не знал. Сегодня рассмотрел гигрограф, указывающий влажность воздуха. Просто, умно и точно. Перо соединено волоском с барабаном. Барабан вращается от завода; волосок вбирает влагу и перо описывает свои кривые на ленте барабана. Также анеморумбограф, регистрирующий силу и направление ветра или суточный термограф и другие аппараты. Все это новинки советского производства и раньше этого не было, да и не могло быть. Сегодня производили аэрологическое наблюдение. Пустили шар-пилот и наблюдали его движения двумя теодолитами, — это уж наверное не было доступно рядовой станции. На днях пустим радиозонд — изобретение профессора Молчанова (слышал — заграница у нас его покупает) для изучения стратосферы — прибор очень хитрый. И, конечно, всем зимовщикам известно, что у нас монтируется еще автоматическая метеостанция. Мы ее поставим на одном из дальних горных островов. Я готовлю постепенно эту экспедицию: отобрал палатку, одежду, продовольствие — поедем до наступления полярной ночи. Техника сильно выросла за эти девять лет, и тов. Суворов допускает политическую (это слово старательно зачеркнуто) ошибку, когда воспевает маленькие зимовки в пику большим. Где-нибудь на Тикси или Диксоне, где зимуют чуть не до ста человек, можно еще больше сделать. Подумайте, это уже городок. Там, наверно, зимой спектакли ставят, а 7-го ноября устраивают настоящую демонстрацию при свете факелов. В общем, жизнь течет, становится все сложнее, под эту сложность нам всем приходится равняться или, как говорит тов. Сталин, «работать по-новому».

Прочитав эту страницу, такую серьезную и педагогическую, Брунс смеется. Она вспоминает, как этот большой, громоздкий человек, стоя в дверях ее комнаты, объяснял, что очень торопится:

— У меня сегодня большая стирка,— сказал тогда начальник и досадливо добавил: — я сконструировал прибор для стирки. Знаете — барабан с ручкой и теркой. Но почему-то плохо работает. Пришлось положить белье в чан с содой. Пора итти, белье наверное поспело.

Мужчины ненавидят эту работу. Они полагаются не на руки, а на воду, и держат белье в чане до «большого духу».

«Сегодня первый заморозок, — записывал Леня на следующий день. — Земля покрылась твердым слоем, вся вода в ней замерала»...

— Бедный Леня! — отзывается на эти строки Брунс. — Не дождался школьной реформы, выпустили малограмотным...

«Позавтракали с аппетитом (кофе, грудинка). За завтраком Семен Иванович занимал нас своими вопросами. И откудова они только берутся? На этот раз поинтересовался Семен Иванович была ли борода у Николая II, когда он наследником, в Японию ездил? Ну, как до такой мысли человек на зимовке доходит? Чудеса! Александра Ивановна ему тут же пояснила, будто она только царевыми бородами занималась: борода-де была, только он ее носил не лопатой, а клинышком. Мы обхохотались все, а Семен Иванович поблагодарил серьезненько за интересные сведения.

Только что он хотел нас еще вопросом порадовать, как начальник вызвал нас на двор для занятий. Разожгли костер. Начальник подошел с огнетушителем и в один момент костер потушил. Здорово! Разошлись по своим делам. Я дежурил сегодня по метеостанции. Мы с Александрой Ивановной берем теперь наблюдения сверх обычных (в 7, 13 и 21 час) еще в час и в 13 часов по Гринвичу и в 19 часов для синоптики. Работы хватает! Автоматическая у нас проверена — хоть завтра отвози и устанавливай. Одна беда: начальник не говорит, кто поедет. Кажется, если меня не возьмут, я с досады лопну. Зачем же я на север ехал? Я знаю, в вахтенный журнал про себя не пишут, но все-таки эти слова помещаю и подчеркиваю: может начальник проглянет журнал и мою охоту учтет.

А так у нас все в порядке и очень весело, по-моему. За обедом у нас образовались две партии: поросятников и собачников. Александра Ивановна собирает кости для щенков Стрелы и Пухлого, а начальник грозится, что лишит собачников свиной отбивной. По симпатии, я, конечно, отдаю кости Ал. Ив., но все-таки и свинушкам от меня перепадает — мой пай в будущих отбивных.

Вечером у нас было, как в клубе. Леня на граммофоне, Алеша на гармоше. Ал. Ив. даже протанцовала разок с Константиновым. Горело электричество, так как радио работало, ловили связь. Поймали сегодня в первый раз мыс Челюскин; не в очередь — залезли прямо в чужой разговор. Челюскин назначил срочный разговор на три часа ночи. Все расходятся по комнатам, только С. И. с начальником ждут связи. Пойду спать, дежурит С. И. Л. Сакиеов».

«30-го сентября. Большое событие. Мыс Челюскин вчера приказал ловить в три часа его позывные. Предупредил — срочное дело. Ночью слышимость приличная. Поздоровались с челюскинцами. Оттуда передают: «Ваша станция долго не появлялась эфире тчк записывай молнию ждет три дня». Я записываю, а Н. П. Крочев вычитывает из-под карандаша: «зимой 1933 завезен остров Леонтьевский инструктор промышленник Драчнев двумя якутами тчк безобразному недосмотру Леонтьевский не посещался пароходом тчк теперь выяснилось Драчнев отпустил спутников якутов их нездоровью зимой 1934 года тчк никаких сведений больше не поступало тчк первой возможности обследуйте острова».

Начальник разбудил Леню, доктора, Степанчука. До общего подъема отнесли в лодку все, что было заранее подготовлено в экспедицию для установки автомат-станции. После завтрака Крочев поручил зимовку Константинову. Леня и Степанчук сели первой сменой за весла, экспедиция вышла в море. Погода благоприятствует.

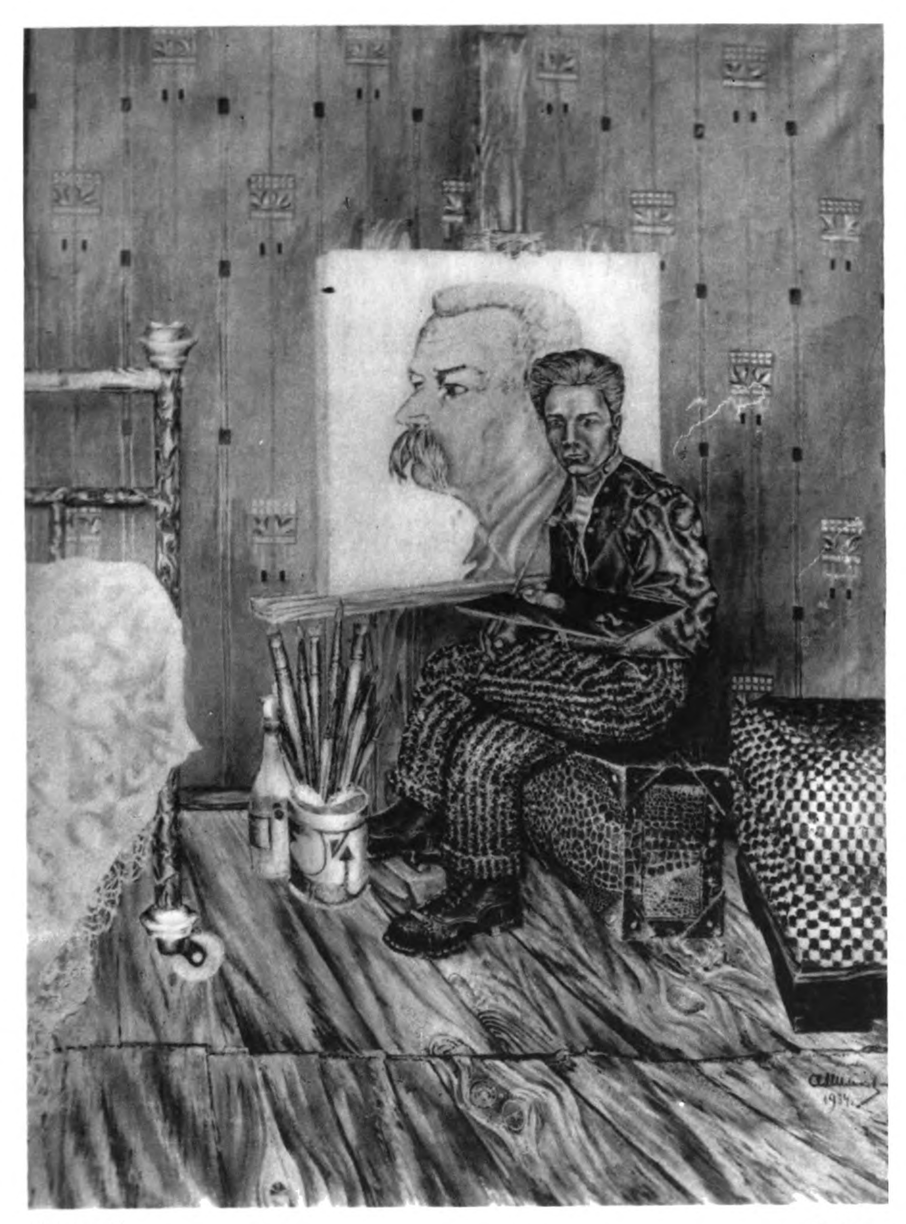
Обедали молчаливо. Неизвестно, жив ли тот человек? Скучновато одному просидеть на острове больше года. Интересно, чем он свое время занимал? Ведь, охотиться нельзя круглые сутки?

По комнатам расходиться не хотели; В. И. Константинову пришлось напомнить о регламенте.» С. И. Лазуркин.

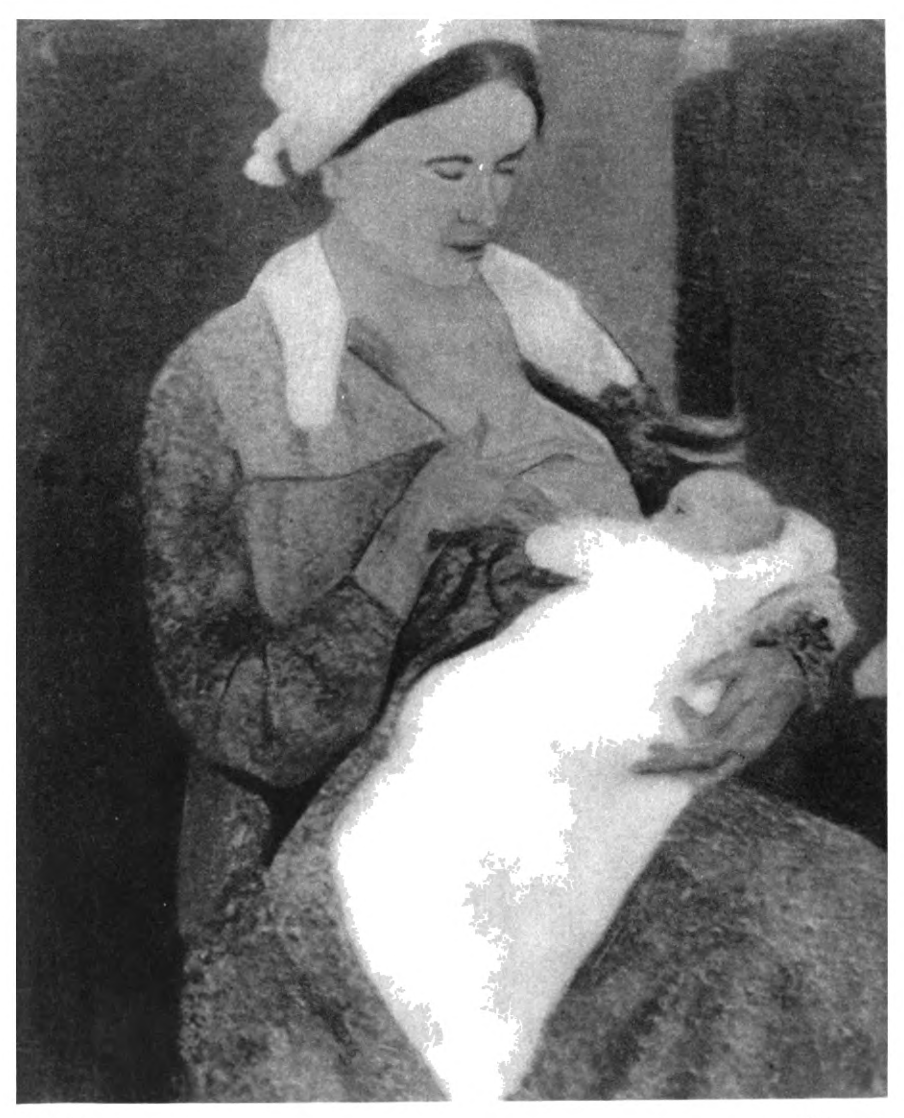
Вахтенный журнал имеет свой стиль. Традиции, принесенные старыми зимовщиками, наложили отпечаток на все записи. В журнале господствует спокойный тон. Восклицательные знаки из него изгнаны.

Воспитание, полученное в профессорской семье, услужливо подсказывает Брунс литературную ассоциацию: вспоминается чеховский чиновник, за всю жизнь не испытавший ярких чувств восторга и гнева; ему ни разу не пришлось применить этот шумный и страстный знак препинания. Здесь, на зимовке, изгнание восклицательных знаков имело противоположный смысл. Это — профилактика. Жизнь здесь избыточно эмоциональна. Восклицательный знак — размашист. Тот, кто прибегает к нему, скоро начинает теснить других: зимовщикам становится тогда трудно. Опытные зимовщики запрещают себе всякое выражение чувств и строго придерживаются этикета полярного общежития — мягкого, юмористического вышучивания быта, трудностей зимовки, особенностей каждого зимовщика. Каждая страница вахтенного журнала казалось говорит: «вам нет дела до того, что у меня на душе. Видите, я улыбаюсь, шучу, иронизирую и призываю вас к тому же. Все в порядке!»

Брунс морщится. Она вспоминает, как упорно возражали против ее кандида-

За работой **Милюков**

Кормящая мать Мужилкин

туры зимовщики. Тот же Крочев сначала наотрез отказался от нее. Он так прямо и выпалил: «Бабий вопрос — самая тяжелая проблема на зимовке. Когда рядом — женщина, становится еще тяжелее. Если ж она начнет крутить романы, жизнь на станции будет невыносима. Я не могу отвечать за зимовку, где на восемь мужчин приходится одна женщина («даже, если она девчонка», добавил он совершенно презрительно). Потом он сдался, но все же вызвал к себе Аллу и всячески пытался отговорить ее от поездки. Прощаясь, он сказал ей сердито: «чтобы я не слышал обид на матерщину. Вы не девочка. Я запрещу матершинничать. Никто вас не обидит. Но если кто, к случаю, выругается — вы ничего не слышали. Понятно?» И еще: «Мужчинам трудно на зимовке, девушка должна это понимать сама и не растравлять мужиков. Так?» Алла Брунс покраснела, но выдержала испытание. Ответила, как только могла спокойно: «Все поняла». Дольше всех воевал доктор. Хотел даже отказаться от зимовки. «Боялся, что «спокой» его нарушат, съязвила Брунс, ведь он и ездит сюда за покоем и ради охоты».

Вокруг тихо. Зимовка спит. Брунс уходит к себе в комнату, ключиком открывает портфель, извлекает оттуда «общую» тетрадь с личным дневником и возвращается с ней в кают-компанию.

«...Я воспитывалась с мальчишками, потом всегда искренне восставала против всяких послаблений себе, как женщине, тем более против всяких ограничений. Я нисколько «не завидую» мужчинам. Просто, я желаю «брать» жизнь так, как и мужчина моих способностей и образования...»

«...Я воспитывала в себе мальчишеское презрение к дневникам. Это занятие для институток. Но что делать, когда я здесь одна и не могу, заботясь о спокойствии своих товарищей по зимовке (косвенно и себя самой) переступать черту самой официальной, безличной дружбы с ними. Приходится заводить дневник. Это решение вызывает целую кучу литературных реминисценций: от помилованного брадобрея, доверившего тайну о королевском уродстве пустой яме, вплоть до хозяек литературных и политических салонов многих эпох. Надеюсь, что этот дневник не будет ни в одном пункте совпадать с дневником институток. Институтки, конечно, на север не ездили, в пять часов утра не вставали и не производили записей и зарядки аппаратов в пургу или на пятидесятиградусном морозе. Я уверена, что пройду через это испытание так же спокойно, как и все мои товарищи-мальчики и мужчины. Я могу стать рядом с Габидзе, как равноправный и равноценный человек. Мог же Николай уехать на практику почти на целый год, когда это было для меня, скажем, большим лишением. Я делаю то, что нужно для моей профессии и работы. И не допущу скидок на «слабый» пол ни в чем».

Брунс не позволяет имени Николая Габидзе задержаться в сознании. Она стремительно перевертывает несколько страниц и читает последнюю запись.

«Кстати, надо прекратить вечерние танцы — Крочев был прав». Рассердившись вдруг на себя, Брунс приписывает:

«Все это мелочь, невесомая как пух. Об этом не надо писать и даже думать. Эти реакции должны быть автоматическими. И никакого значения все это не имеет рядом с таким фактом, как борьба Драчнева за жизнь. Прожить несколько месяцев в безнадежном состоянии, умирать от голода в жестокой цынге, ходить под себя и жить — экономя силы, отвоевывая у смерти минуты, чтобы они складывались в часы, потом в дни и недели. Вот кто нашел свой «корень жизни». Доктор говорит, что через три недели поставит Драчнева на ноги; сердце у него здоровое. Сам Драчнев в этом не сомневается. Видно по глазам — он сживает. «Ноне уже не пропаду». Звериная мужская, в символичном смысле, сила таится в этом человеке. Конечно, он останется жить, вернет себе свою физическую крепость, сноровку. Он рассказал, что цынгует второй раз. Правда, первый раз на Новой Земле, их было двое. Это, конечно, не одно и то же».

Брунс решительно захлопывает личный дневник и придвигает к себе вахтенный журнал. «Ну-с, теперь без восклицательных знаков» — убеждает себя она и круглым мягким почерком вписывает строку за строкой в летопись зимовки.

«При ночной метеорегистрации (1 час ночи по Гринвичу) наблюдала яркое се-

верное сияние. По имеющемуся на зимовке альбому наблюдавшихся северных сияний (Г. Ф. О.) ближе всего подходит к схеме 15-й. Около четверти неба представляло экран сияния. Казалось будто кто-то вытряхивал цветную материю, испещренную электрическими крапинками, точками, полосками. Потом материя разорвалась, куски ее поползли к зениту, образовали корону, которая стреляла пучками лучей.

> Не льдисты-ль мещут огнь моря?
> Се хладный пламень нас покрыл,
> Се в нощь на землю день вступил.

Ломоносов, видимо, преувеличил, так как света прибавилось немного. На дневной свет непохоже.

За завтраком наша поредевшая колония обсуждала волнующий вопрос: найдут ли Драчнева, жив ли он, когда вернется наша экспедиция? Семен Иванович задавал свои вопросы — теперь он интересовался числом северных промышленников в Союзе, средним возрастом убитой нерпы и прочими статистическими данными, связанными с профессиональными занятиями Драчнева. Осудили тех, кто, послав Драчнева, не позаботился о его возвращении. «Гнать их (чиновников) изтудова метлом», выразился по этому вопросу Эрнест Густавович Якобсен, и мы было все с ним согласились, но, к сожалению, он подхватил свою излюбленную тему и стал уверять, что русский язык легкий. Тут мы с ним разошлись во мнениях.

Перед обедом раздался звон маячного колокола. Все выбежали наружу и обрадовались ужасно (последнее слово тщательно зачеркнуто). Показалась наша лодка. Скоро разглядели, что в лодке столько же людей, сколько было при отъезде. Леня махал успокаивающе руками и тут мы догадались по расположению людей, что на дне лежит еще кто-то. Сорудили наспех носилки и перенесли Драчнева в дом.

Драчнев в довольно тяжелом положении, но наш доктор ручается за успех: организм у него крепкий.

Пока удалось установить следующее. Драчнев — помор, архангелец, опытный промышленник. С Новой Земли его пригласили инструктором-промышленником в восточный сектор. В компании с чукчей и якутом он выехал зимой 1933 года на остров Леонтьевский. У якута заболел глаз. Драчнев отпустил его вместе с чукчей на материк, сам остался промышлять до лета: он рассчитывал, что за ним придет пароход. Перед весной с Драчневым приключилась беда, разорвал связки на ноге. Он не мог двигаться, промышлять. Началась цынга. Кое-как дополз до поставленного по соседству приваднжка — там попадались песцы. Их мясом он питался. Собаки погибли, кроме трех, одичавших. Драчнев зацынговал. Чтобы развести огонь в очаге, ему приходилось выламывать доски из пола. Обессилевший человек пилил одну доску целый день. Последние дни все больше лежал в забытьи на лежанке. Во сне он видел пароходы или собачьи упряжки, бегущие по снегу на помощь. Наши товарищи обнаружили на стене хитрый механизм — винчестер, привязанный к скобе; его дуло направлено под 30° внутрь землянки. Они спросили Драчнева о назначении этого приспособления. Оказалось: Драчнев приготовил себе смерть и держал ее в запасе на случай, когда сделается окончательно невмоготу и рухнут надежды. Умиравший от цынги, одинокий человек считал, что он все же не дошел еще до последней грани.

Драчневу обеспечен лучший уход и специальный диэтический режим. Обед (ужин) прошел весьма оживленно и весело. Леня показывал свои «трудовые мозоли». Он греб почти без смены на обратном пути. Н. П. Крочев рассказывал «случаи» из своей практики, иногда довольно крепкие, но выслушанные с удовольствием. Доктор распространялся на счет зверовых ресурсов острова Леонтьевского. Вечером С. И. уже передавал рапорт об исходе экспедиции. Задолго до срока разошлись по комнатам. Я возьму ночное наблюдение в час по Гринвичу, а с утра уже работает Леня и все, надо полагать, войдет в норму».

Брунс энергично расписывается под текстом. Взглянув на часы, уходит к себе в комнату. Минуту спустя, тепло одетая, она уже идет к метеостанции, с наслаждением вдыхая морозный воздух.

Приближается зима и вместе с ней полярная ночь.

обновление земли

Н. Ассанов

И все-таки противники ошибались.

Седовласые ученые с высоты своих кафедр обрушивались на дерзкого выскочку, который отрицал авторитеты и пытался стать открывателем новых путей науки. Они возмущенно издевались над разрушителем традиций. Насмешки усиливаясь величием их репутаций, и молодому профессору Вильямсу приходилось трудно от пренебрежительных отзывов коллег.

А между тем молодость уходила.

Хорошо, что инженер путей сообщения американец Роберт Вильямс, приглашенный правительством в 1854 году на работу в Россию, сумел передать сыну железное упорство, яростную энергию и спокойную уверенность в себе. И хотя молодость уходила (в 1913 году Вильямсу уже стукнуло пятьдесят). Он не сдавался. Он был прав. Противники ошибались.

Нравоучительно бубнили они о неизменности земной коры, о постоянном и вечном ее строении. Их изречения напоминали шаманские моления всеведущему богу, который устроил нерушимый от века порядок вещей. Походило на то, что они считают себя прямыми передатчиками его волеизъявления.

Геологи и почвоведы укрылись в искусственных рамках созерцательной науки. Они даже не пытались объединить свои теории. Каждый участок планеты для них был особо созданным, и от создания неизменным объектом исследований.

Основоположники почвоведения — Докучаев и Сибирцев определили путь науки. Их ученики гордились своим познанием мира и мнили себя вершителями судеб этой науки. В самом деле — почвоведение как наука существовала только в России. Всякие попытки внести новое в установленные ими границы науки они встречали в штыки.

Но мир нужно не только познавать — его надо видоизменять. Могла ли их созерцательная наука предупредить голод от недостатка хлеба в самой сельскохозяйственной стране мира?

Ученые брали анализы почв, говорили — столько-то долей песка, глины, азота, — можно сеять то-то и то-то, но летом приходил суховей и целые губернии вымирали от голода. Ученые экспедиции привозили отчеты своих исследований.

Воронежская губерния отличается значительным пластом чернозема, способствующим произрастанию злаков.

Вятская губерния имеет в составе почв преобладание подзола и хлебопашество там не может достичь значительного развития.

Между тем, небрежно вспаханные черноземы давали урожай значительно меньший, чем подзолы Вятской губернии.

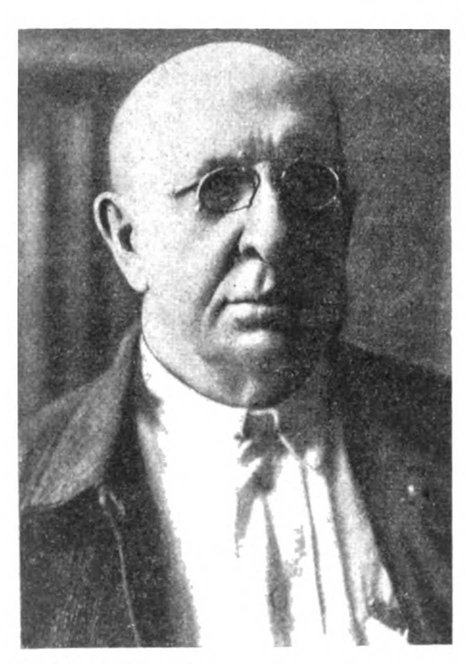
Когда же Вильямс пытался указать, что мир можно видоизменить — на него косились — вредные теории.

Единственным утешением было студенчество. Студенты слушали его как старшего друга. Студенты защищали его всей своей любовью. Но и он любил эти горячие головы. И когда начиналась волна репрессий, арестов, разгонов, он умел укрыть зачинщиков, он принимал в свою академию неблагонадежных. В конце концов они могли добиться изменения мира и, таким образом, часть его жизни продолжалась бы в их знаниях.

На его двадцатипятилетний юбилей в 1914 году собралось много народу. Любопытствующие шли мимо лаборатории и внимательно рассматривали гигантские бетонные кубы — лизометры — одну из причуд юбиляра. Шопотом передавали, что ученый проводил эти опыты на собственный счет, тратя на них почти весь свой заработок.

Другие скептически усмехались на высокие серые камеры:

— Василий Робертович утверждает, что почвы можно создавать.

Акад. В. Р. Вильямс

— Это остроумная выдумка для создания себе популярности.

А лизометры внушительно высились рядом с лабораториями, и люди недоуменно присматривались к ним. В самом деле, зачем понадобилось человеку проводить в течение десяти лет эти так дорогостоящие опыты. Вдруг все-таки профессор Вильямс прав, и микроорганизмы почвы являются важным фактором в ее развитии?

В двенадцати башнях помещались важнейшие типы почв, черноземы, подзолы, солончаки. Они были привезены из всех уголков России и расположены в порядке, присущем им в природных условиях. Почвы насыщались влагой, которая собиралась, выпаривалась, в результате этой титанической работы появилась чудесно подтвержденная теория о влиянии микробиологических факторов на развитие почвы.

Но это была только одна из побед.

Между тем началась война. Он вернулся из последней заграничной командировки. Границы были закрыты. Больше нельзя исследовать отличительные качества почв солнечного Прованса, степей Дакоды, равнин Австрии и Германии.

Отрезанный от общения с наукой Запада в годы войны Вильямс углубил и уточнил свои теории. Наука должна была служить облегчению труда и обогащению человечества.

Непримиримый мечтатель и фантазер, он знал, что фантазия один из элементов творчества. Отрывая человека от узкого круга вещей и привычек, она обнажает сущность мира и позволяет раскрыть значительные его секреты. И создавая свою замечательную теорию обновления земли, он отмечал о таком времени, когда можно будет убрать непреодолимые рогатки частного пользования землей и поставить правильное земледелие в масштабах страны, мира, а не одного опытного поля.

Он старался вместе с миром, под грохот пушек, и торопился закончить свою систему омоложения земли. И когда он уже думал о смерти, пришла молодость его страны.

Огромный, внушительный, мускулистый, но уже разбитый кровоизлиянием в мозг, он с трудом поднялся на кафедру.

Великопостные лица светочей науки рассмешили его. Светила сидели, поеживаясь от холода, в грязных и мятых шубах и с неприязненной робостью посматривали на странных студентов, заполнявших зал.

Вильямсу хлопали. Он с легкой радостью отмечал, что хлопают именно те странные студенты, на которых косятся его коллеги. Он сознавал себя центром, вокруг которого собралась сейчас маленькая часть от всей силы революции, проходившей за стенами Академии сельского хозяйства. Он различал также бледные лица других студентов, тех, кто издевательски посмеивался над черною костью и тупоумием его новых друзей. Ничего, теперь то они притихнут.

И лукаво улыбаясь, профессор Вильямс начал говорить.

В первые дни революции пришло радостное сотрудничество с наиболее передовой частью молодежи—коммунистами. Он сам ходил убеждать профессоров пре-

кратить саботаж. Академия работала. Но все-таки вокруг него было мало людей от той самой земли, о которой он беспокоился. Не было крепкого ядра, которое бы подтверждало право пролетариата-победителя на знание . «Автономисты» из профессуры пытались отделить академию от государства, а главное от Наркомпроса. Политическое лицо студенчества не обновлялось. И сейчас он торжествовал победу. Несмотря ни на что он добился открытия рабфака.

Рабфак при Академии — это значило, что наука становится революционной и в Академию приходят победители.

И право, трудно сказать, когда он испытывал больше радости: узнав, что четырнадцатилетние опыты с лизометрами принесли полное подтверждение его работ, или когда открывался рабфак. А может быть в день, когда он окончательно победил косность профессуры, добившись организации в Академии «красного факультета» сельскохозяйственной экономики и политики.

Путями науки он пришел к диалектическому материализму. Система мышления, способствовавшая коренной реорганизации мира одержала победу. Его видения стали осуществимы. Как мог он остаться равнодушным в этой титанической борьбе, когда вся его жизнь давала уроки поражений и побед.

Его стол похож на крепость. Книги стоят плотными стенами по краям. Он ждет натиска противника, приводя в стройный порядок свои идеи. Пока можно не отвечать на злобные клеветнические вопли. Он внимательно просматривает рукопись и удовлетворенно вздыхает. Скоро конец работы. Через длительные наблюдения и сопоставления он овладел секретом природы. Его предшественники и его противники вещали: почва создавалась независимо от общего развития природы и процессы ее создания сугубо обособлены в каждом отдельном случае.

Великие схоласты — они не считались даже с фактами. Он с горьким смехом вспоминает, как замечательно один из них защищал теорию эолового происхождения лессов в Херсонщине.

— Лессы — это наносы пыли от преобладающих ветров.

— Позвольте, но каким образом в лессах попадаются камни, связанные своим геологическим строением с Карпатами?

— У меня есть своя теория их происхождения в лессах. Вы меня не собьете, уважаемый оппонент.

Схоласт обводит всех вызывающим взглядом, заранее требуя подчинения.

— Куры, гуси и прочие пернатые, многоуважаемый оппонент, для переваривания пищи поглощают песок, гравий и гальку. Путь перелетных птиц от Карпат на юг проложен над Херсонщиной. Вот совершенно научное объяснение столь поразившего вас факта. Испражнения птиц...

— Позвольте, позвольте, но там же попадаются камни величиной с кулак взрослого человека...

— Значит, это были большие птицы.

И смеяться и плакать над глупостью этого человека одинаково неразумно. Это только один из тысяч примеров схоластического отношения к фактам. И профессор, медлительно улыбаясь, снова возвращается к своему труду.

Земля, несущаяся в мировом пространстве, имеет несколько видов колебаний. Мы замечаем только суточное и годовое вращения земли. Но имеется еще перемещение воображаемой оси и полюсов холода в зависимости от неправильной шарообразной формы земли. Есть колебания всей солнечной системы при сближении с другой системой в мировом пространстве. Наконец, вся планета под воздействием различных сил медленно вращается, проводя каждую точку земной коры раз в 90 000 лет под полюса холода.

Эти колебания земли создают оледенение земной поверхности. Только эта гипотеза помогла объяснить археологам загадочные рисунки древних культур, которые в области экватора изображали полярные условия существования зверей в пышных шкурах, людей в мехах, и нахождение остатков тропических животных и растительности в условиях современного крайнего Севера.

Так происходило оледенение земли. Последний ледниковый период, когда вся центральная Европы была покрыта мощными слоями льда толщиной, определяемый тысячами метров, создал

те условия, в которых развились наши почвы.

Двигаясь в силу своей пластичности с севера на юг, сталкиваясь мощными потоками с Карпат, с Урала, с Северной возвышенности, тая и превращаясь в подледниковые реки, под тяжестью собственного давления — лед разрушал и откладывал на своем пути первичные породы земной коры. Он переносил их на огромные расстояния и изменял лицо земли.

Одновременно шел процесс таянья ледников с юга на север. Самые древние почвы — это южные пустыни, которые уже давно прошли все стадии развития. Самые молодые — это современные тундры.

Химическое разрушение пород накладывало свой отпечаток на покров земли. Граниты превращались в пески. Наступающая растительность обогащала их микроорганизмами. Создавался гумус и почвы могли питать большие количества растений. Так постепенно в тысячи лет происходила смена одних почв другими, их незаметные превращения из подзолов в черноземы, их обогащение и затем обратный процесс — из черноземов снова в солонцы, пески и дальнейшее их обнищание.

И раз мы знаем диалектические их превращения, мы уже можем найти пути изменения режима почв, создания нужных для нас условий в почвах, их нового обогащения и уничтожения причин, которые обедняют питающую нас землю и разрушают структуру почвы.

Профессор проводит рукой по глазам и тяжело поднимается. Который раз он рассматривает образцы почв, собранные здесь со всех концов земли. Неизмеримое любопытство открывателя влечет его к стеклянным ящикам, в которых, вырезанные параллелограммами, лежат объекты его забот и наблюдений.

Темносерые почвы подзолов имеют малый слой гумусов и не могут питать массы растений. Они плотны. Корни растений с трудом проникают в них. Рядом черные гумусовые почвы, но они размельчены до пыли. Это варварское отношение к почве при обработке, это уничтожение ее питательных свойств и превращение чернозема в пустыню. Любовно берет он третий ящик. В нем твердыми комками, величиной с грецкий орех, прилегающими друг к другу, лежит структурная почва, которая является мерилом питательности и плодородия.

Эта почва, вернее достижение такого ее состояния, потребовала всей его жизни, пятидесяти лет работы. Над сознанием ее Вильямс бился в своих лизометрах, ее рождение и смерть наблюдал он в бесчисленных странствиях, и секрет создания ее при помощи человеческих рук волновал его в борьбе за овладение тайнами природы. Человек должен не только познавать мир, но и видоизменять его. И если научить человека помогать природе в создании такой почвы — человечество обогатиться никогда неистощающейся землей, плодородными полями, для которых не страшны никакие колебания погоды, ветра, засухи и холода. Это — структурная почва.

Академик вспоминает медленные свои походы по плодородным равнинам Западной Европы. Экономии прусских юнкеров открывались ровными шашками разноцветных прямоугольников, сбоку юнкерских угодий ютились ничтожные участки арендаторов и мелких землевладельцев. Тщательнейшая обработка почвы сопровождала его на всем пути. Мельчайший кусок земли был внимательно исследован, его богатства и возможности учитывались двойной бухгалтерией и у нищих и у богатых. Земля отдавала все, что могла.

А рядом лежала обширная страна — родина ученого где замедление издавна превратилось в рабство.

Внимательно наблюдал он секреты земледелия. Опыт культурных и гостеприимных хозяев собирал он в длительных путях. Он заходил на фермы, не спеша рассуждал с равнодушными или веселыми встречными об их бытии, любезно советовался с ними о пользе травосеяния, а ночами, при свете экономной керосиновой или газовой горелки, записывал найденное, установленное и прецолагаемое.

Но и путешествия и опыты, вся эпическая целеустремленность его наталкивались на грубую косность хозяев страны и на страшную нищету рабов, в поте лица своего добывавших хлеб свой. Это библейское проклятие вспомнилось ему, когда он из Западной Европы вернулся на необъятные равнины России.

Уборка урожая. Совхоз им. Масленникова, Куйбышевский край

Фото Гаранина

Экспедиция стояла в поле, на границе крупного помещичьего имения и мелких крестьянских наделов. Невыносимо пылающее солнце кружилось в небе. Даже собаки замолкли и только тяжело дышащие лошади, с трудом влачащие сохи, да бородатые мужики за ними еще жили и двигались в мареве полудня.

Тогда Вильямс был еще молод, но уже утратил свойственную молодости радость надежд. Он горько вздохнул и обернулся к студентам, ждавшим его знака.

Ученики окружили его. Они любили его, выказывали ему свое внимание и почтение, а он раздумывал о том, что вот они разъедутся агрономами по земским управам и помещичьим экономиям, будут пить водку, играть в преферанс, во всем соглашаться с хозяевами, боящимися каждого новшества,— и в лучшем случае может быть будут давать бесплатные советы крестьянам, да и то не побрезгуют курочкой, или десятком яичек. И всех их знаний хватит на одну—две стычки с владыками их судьбы. Так много прошло их перед ним и только единицы действительно боролись за культурное земледелие, остальные же...

Он оборвал свои горестные сетования, как каждый раз, когда на него нападали эти сомнения. В конце концов может быть что-нибудь изменится. Этой надежды он не мог оставить; и сейчас, усмехнувшись про себя, он привлек внимание учеников.

— Друзья, запомните этот урок. Это кусок библии, которую вы должны победить, если не унич...

Он проглотил слова, ибо, хотя он давно уже слыл вольнодумцем, говорить так не полагалось.

— Этот крестьянин совершает сейчас бесплодную и уничтожающе громадную работу. Он должен при обработке одного гектара поля приподнять на тридцать сантиметров и передвинуть вправо четыре тысячи тонн почвы. Другими словами, перед вами машина, поднимающая на вымер высоты 3½ миллиона килограммов. Но это — сизифов труд, труд бесплодный. Для того, чтобы обработать полностью гектар земли, крестьянин сделает 10 миллионов килограммометров работы. Но для получения среднего урожая — 5 центнеров на гектар, ему надо двоить, а иногда и троить обработку. Итак, он затратит 20 миллионов килограммо-метров работы и получит 500 килограммов зерна.

Но съев эти 500 килограммов зерна, человек может сработать только 10 миллионов килограммо-метров. Значит, он имеет 200 процентов дефицита. Вот в чем несчастье нашего земледелия.

Ученики стояли вокруг него робкой и испуганной толпой. Эти выводы были действительно ужасающи. И каждый из них вспомнил, что действительно ни один крестьянин не мог свести расходы своего труда с доходами урожая, нищета сопровождала человека до могилы.

Вильямс повернулся к помещичьим полям.

— Они хищнически обедняют землю и не умеют возобновлять плодородия. Что же может сделать крестьянин на своем ничтожном клочке? На западе давно поняли, что надо восстанавливать плодородие. И помещики, применяя все данные науки на своих полях, приучили к этому и мелких землепашцев. Этим они добились прежде всего своей выгоды, ибо у них все рабочие — знающие и в то время дешевые. Но знания приносят кой-какую пользу и землепашцам. Здесь же, от века, одни и те же запустенье и хищничество. Нет. Земля должна быть изъята из частного пользования или по крайней мере слита в большие участки, которые будут находиться под покровительством науки...

Профессор вздрагивает. Странные вещи вспоминались ему сегодня. Хорошо, что это только видения прошлого. С большим усилием он встает с кресла. Пора итти на лекции. Он улыбается. На этот раз перед ним другие ученики. Замечательные ученики, которые действительно отдадут все свои силы на пользу родины. Которые высоко поднимут его идеи и пронесут их по всей стране, обновляя почву. Сегодня он прочтет им лекцию о воссоздании плодородия, о структуре почвы. Тяжело передвигая больное тело, семидесятилетний профессор идет в аудиторию.

Неподвижные батареи пробирок окружают его. О какой тщательностью он ухаживает за ними. Пальцы его ласкают их тонкие, прозрачные тела. Кровоизлияние в мозг отняло у него юношескую подвижность, сопровождавшую всю его жизнь, но и больной, он еще имеет в

себе силы для большой работы, он еще таит огромную любовь и нежность к своим опытам.

Аудитория ежедневно ждет его слова. Осторожная тишина наполняет ее.

Итак, травопольная система земледелия.

Культурные растения, возделываемые человеком, требуют разрыхления почвы. Микробиологический процесс в разрыхленной почве происходит так быстро, что уже через неделю после созревания хлебов, корневая система злаков разрушается до основания. Бактерии почвы уничтожают тот растительный перегной, который остается после злаков и тогда почва теряет структурность. Перегной, склеивавший отдельные комочки почвы, разрушен и почва распалась.

Ее размывают дожди. Бесструктурная почва не удерживает влагу, и урожай следующего года будет целиком зависеть от количества летних осадков. Производительность земледелия целиком зависит от внешних причин и неизвестно, что даст земля после огромной затраты труда на ее обработку.

Четыре условия необходимы для произростания растений. Свет, тепло, пища, вода. Мы не можем влиять на количество света и тепла. Но пища растений и вода могут зависеть от нас. И так как пища и вода содержатся в достаточном количестве только в структурной почве, значит надо бороться за сохранение этой структуры, комковатости почвы.

Трава, покрывая почву сплошной дерниной, пропускает очень мало воздуха и поэтому бактериальные процессы распада перегноя происходят медленно. Через два года под травами образуется такое количество перегноя, что в течение 6—8 лет злаки дают повышенный урожай за счет распада накопленного перегноя. Затем снова посев трав — смеси бобовых и многолетних злаков и закон восстановления запасов пищи введен в действие.

Это как-будто незначительное мероприятие, увеличивает урожай на 75 процентов и совершенно снимает опасную зависимость от природных условий лета. Пусть будут дожди. В структурной почве влага сохраняется всегда в неизменном количестве, излишки легко уходят вглубь почвы При засухе — влаги почвы хватит для растения.

Уход за структурой влечет культурную обработку почвы. Плуг с предплужником и глубокая вопашка приходят на смену хищничеству в земледелии. Возникает необходимость рационального использования земли и тогда плановость становится довлеющим условием сельского хозяйства.

Голые пустыри возвышенностей водоразделов не дают урожая. Ветры сдувают и высушивают влагу полей. Все водоразделы будут засажены лесами. Человек, насаждая леса, сможет регулировать запасы воды на земле. Вновь вернется первичная полноводность рекам, наступление лесов увеличит площади урожайных земель. Степи, выгорающие от суховеев, превратятся в плодороднейшие житницы Союза.

И вся эта реконструкция сельского хозяйства возможна только у нас, в условиях новых социальных отношений, в условиях укрупненного сельского хозяйства и планового начала в нем, на той самой земле, где еще так в сущности недавно профессор с горечью наблюдал за исполнением библейских сказаний.

Система земледелия, предложенная Вильямсом, торжествует.

Как же пришла победа?

Нет. Противники не ошибались. Под предлогом научной борьбы с ним они пытались протащить вредительские установки, привести сельское хозяйство к обнищанию, еще более жестокому и непоправимому.

Чаянов, Дояренко, Турский-сын и наконец Вольф — это были могущественные враги. Государство страдало от войны, голода и разрухи. Вильямса называли Иудой, продавшимся большевикам. Женские высшие сельскохозяйственные курсы стали базой борьбы против выдвинутой им реформы сельскохозяйственного образования. И когда реформа была принята, борьба перешла в новые формы.

В 1924 году его наградили Орденом трудового знамени. Он праздновал сорокалетний юбилей своей деятельности. Как не похоже было это празднество на дни 1914 года. Это чествование стало смотром советской науки и первой его победой.

Знаменательные даты приходят на память. Издание его научных трудов, на-

граждение и время вступления в партию—1928 год. Он отдавал партии и свои труды и себя. «Почвоведение», «Луговодство и кормовая площадь», «Курс общего земледелия», «Общее земледелие с основами почвоведения» и десятки других работ были его вкладом в партийную науку.

Сначала он недоумевал, как объяснить, что нападение на его систему земледелия совпало с коллективизацией страны. Обывательская точка зрения о вреде или просто ненужности травосеяния была возведена в принцип. Гиганты-зерносовхозы с монокультурой, бессменной культурой одного злака, «Чемоданная теория», — посеять — уехать, приехать — убрать—были противопоставлены его работам и здравому смыслу. Через два года на землях монокультур росли бурьяны и вели наступление на культурные пашни. Ученые пожимали плечами. Они, право, не причем. А между тем, разгадка была все-таки близко. В классовой борьбе. Конечно, враги не ошибались. Научная борьба переросла в политическую и кончилась процессом о вредителях и расстрелом Вольфа.

Молодость страны побеждает. Член двух академий — Белорусской и Всесоюзной, ученый с мировым именем, Василий Робертович Вильямс знает о победе молодости больше многих других. Он знает, что молодость страны омолодит весь мир, омолодит самую землю.

И он, окруженный молодостью, своими наследниками, входит в лабораторию почвоведения. Каждый день он приходит сюда молодеет в этих стенах, где скоплен опыт и знания всей его жизни.

— Василий Робертович. Заполните пожалуйста, анкету члена моссовета.

— Василий Робертович. Просят биографию для юбилейного сборника.

— Селекция зерна закончена.

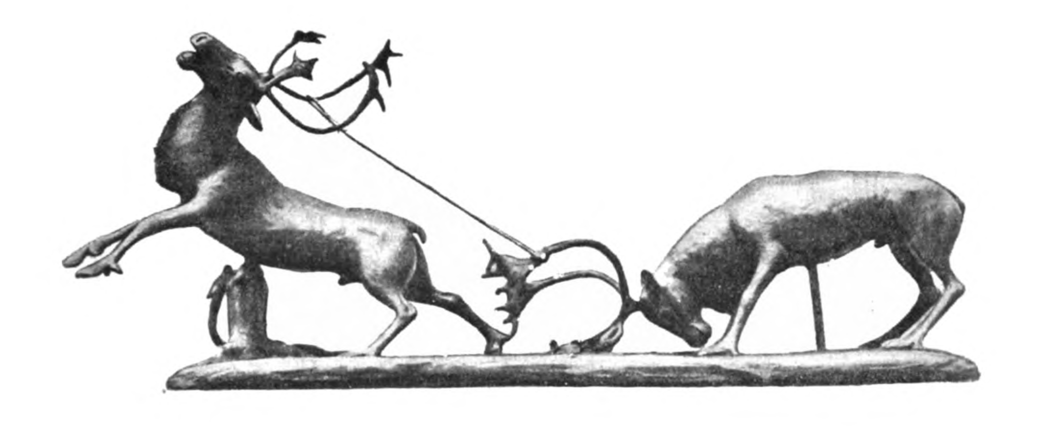
— Микробиологический анализ производится сегодня...

Для каждого еще есть шутка, доброе слово и жест. Еще есть сила работать. Страна, празднующая пятидесятилетний юбилей его научной деятельности, награждающая его вторым орденом, молодая его родина заставляет его забывать о возрасте для работы.

И в самом деле, разве не могут старики чувствовать себя молодыми?

Обмолот колхозного урожая Фото А. Гаранина

искусство в колхозах

Э. Викторов

Большая радость требует творческого выражения. Поэтому, думается, колхозники берутся за кисть, за карандаш, за глину. Мы наблюдаем огромный рост потребностей не только наслаждаться искусством, но и делать это искусство.

Народное искусство существовало всегда. Оно выражалось в бесконечно разнообразных формах. Ковры, ткани, резьба по кости и дереву, обработка металла, роспись и окраска домов, и, наконец, вывеска, вот некоторые из форм, в которых проявлялась тяга масс к изобразительному искусству.

Буржуазное искусствоведение не считало народное искусство — искусством. Лишь иногда в периоды нарастания националистических настроений буржуазия обращалась к народному искусству. Она расхищала его сокровища, но прекрасные формы народного творчества в руках буржуазии быстро мертвели и превращались в безрадостную стилизацию. Так приспособляли народное искусство у нас в России к буржуазным потребностям Мамонтов («Абрамцево») и княгиня Тенишева («Талашкино»).

Только в СССР самодеятельное искусство, наследующее по приемственности богатства народного творчества, вливается равноправной и освежающей струей в общий поток советского искусства.

Но этого мало. Бесконечно обогащенное чувствами освобожденного человека, самодеятельное искусство становится все более образным, художник предпочитает изображение волнующей темы, живого человека, пейзажа—орнаментальному украшению бытовой вещи. Отсюда—бурный расцвет в советском самодеятельном искусстве форм, которых не знало дореволюционное народное творчество: станковой живописи и скульптуры. Гордость за свой колхоз, за свой колхозный урожай, за свою красную армию, за своих ударников-колхозников, за колхозного коня,— вот темы этой живописи.

Любовь к советской стране и гордость за нее являются побудительными причинами для того, чтобы колхозник стал также и художником. Побудительная причина определяет весь характер искусства. Тема подчас проста, но отношение к ней всегда советское, всегда колхозное. Это качество, казалось бы, само собою разумеещееся, часто недоступно профессионалу при самых лучших субъективных намерениях.

И вот эти художники дождались выставки, большой выставки в Москве, которую посетят тысячи рабочих, красноармейцы и пионеры. На ней—только несколько примеров искусства колхозников; примеров,—потому, что представленные из выставке шестьсот работ, принадлежащие двумстам авторам, отобраны из трех тысяч работ, собранных для выставки.

Самый факт открытия такой выставки является событием большого общественного значения. Устроить выставку живописи и скульптуры, собранную с самых далеких окраин, выставку работ трудящихся не профессионалов-художников,—в какой другой стране это мыслимо? Появление такого громадного числа художников-колхозников — необходимое следствие интереса к искусству широких слоев колхозников. В стране организуются уже десятки самодеятельных выставок, все более возростающая массовость изобраантельных искусств есть залог их безграничного развития. В этом смысле значение организации выставки, как первый опыт подытоживания этого массового движения едва ли может быть во всей полноте сейчас оценено.

Первое, что поражает на выставке, это сила и убедительность образа. Мы познакомились с искусством свежим, непосредственным, согретым большой любовью к жизни и к живописи и следовательно глубоко реалистическим.

Но это не все. Это искусство далеко не примитивно. Оно стоит на значительной ступени живописного мастерства. Оно имеет культуру художественного качества, имеет традицию технической преемственности.

Но источники этого мастерства отличаются от источников мастерства профессионального. Художник-профессионал учится в специальной школе, воспитывается на выставленных в музее образцах искусства прошлого. Самодеятельный художник питается местными художественными традициями. Они разнообразятся в зависимости от республики, края, области. Это резьба на кости в Северном крае, ковер в Азербайджане, самодельная вывеска почти во всех краях. Совсем не нужно сравнивать самодеятельное искусство с искусством профессиональным. Дело вовсе не в том, могла ли бы та или иная картина быть выставлена на профессиональной выставке. Самодеятельное искусство должно равноправно существовать, наряду с искусством профессиональным, взаимно друг на друга влияя, как фольклор сосуществует с поэзией. Не исключены, конечно, отдельные случаи перерастания самодеятельного искусства в искусство профессиональное. Но специфические качества самодеятельного искусства важно сохранить.

«Колхозников захвалили», говорили некоторые, по поводу Щелковской выставки самодеятельного искусства. «Они вообмнили себя Рембрандтами и не хотят учиться». Конечно, это очень плохо. Но с другой стороны ясно, что те формы учебы, которые освещены в методическом разделе выставки и которые являются, по существу, методами провинциального художественного техникума, не применимы к мастерам самодеятельного искусства. Потому, что они являются мастерами в подлинном смысле этого слова, т. е. людьми, знающими законы своего ремесла. Колхозникам надо учиться — это несомненно. Но у них многому можно научиться. Учиться не непосредственности видения, не силе образа — этому научиться нельзя,—а учиться живописному ремеслу: пониманию тона у Мужилкина, богатству живописной характеристики у Гусева, разнообразию передачи материала — у Милюкова.

Путешествие по выставке—это путешествие по всей советской стране. Все края, все области, все республики представлены на ней. Это определяет разнообразие сюжетов и стилей, потому что каждый колхозник изображает свою страну, область, колхоз, отражает свою форму участия в колхозной жизни. Недавний батрак, а ныне член колхоза, пастух, учитель, охотник, зоотехник и школьник — каждый по своему, со специфическими чертами, определяемыми формой его участия в колхозной жизни, выражает свое отношение к действительности. Отсюда — необычайное богатство мироощущений.

Вот группа художников Северного края. Охотники и колхозники, жизнь которых тесно связана с жизнью оленя. Необычайное знание зверя, тончайших его повадок, незаметных особенностей, чутье потомственного зверолова, отразились в живописи и скульптуре. Эти рисунки реалистичны в самом высоком смысле слова. Они соединяют тончайшие наблюдения с высокими художественными качествами. Общие всем художникам Северного края черты каждый мастер выражает по-своему. Вот тончайший художник Киле-Пячка, колхозник, нанай. Его три картины «Волк», «Рыбак», и «Шаман» принадлежат к лучшим на выставке. Они полны лиризма северного пейзажа.

Большой «Олень» охотника Сосина, поражает точностью наблюдения. Те же качества, тонко варьируемые в творчестве каждого отдельного художника, свойственны работам Ламкай, (нерачка), Талеевой, (ненка), Соловьевой, Ереминой и скульпторам Боярковской, (орочонка), Болотникову и другим. Очень интересна работа Еремина (эвенки бедяк), на которой показана изобразительно и словесно вся история культуры северных народов: долган и ненцев.

Все эти работы выполнены в мастерской Института севера при ВЦИК СССР под руководством А. А. Успенского. В этой мастерской несомненно проявлена громадная чуткость в отношении особенностей восприятия народов Севе-

ра вообще и отдельных художников в частности. Ненцы, юраки и нанайцы получили материал, которого они не знали: акварель для живописи и пластелин для скульптуры. Они ассимилировали эти новые материалы, но сохранили свое понимание формы. Эти успехи мастерской особенно показательны по сравнению с расположенным рядом методическим материалом по обучению живописи и рисунку Центрального дома самодеятельного искусства имени Крупской. К сожалению, выставка не дает возможности проследить влияние консультации заочного обучения на творческое развитие таких выдающихся художников, как Милюков и Сухорущенко. Материалы методического отдела дают основание сомневаться в правильности отношения самодеятельных художников. Во всяком случае, методический отдел весьма дискуссионен, и дисскуссия по вопросам учебы с участием крупных художников была бы очень плодотворной. В этой дискуссии материал Института народов Севера мог бы стать обвинительным по отношению к методическому отделу ЦДИСК имени Крупской.

Портрет **Мужилкин**

Из отдельных художников, консультирующихся в ЦДИСК, наиболее выдающейся фигурой является Милюков, токарь, восемнадцати лет, работающий на заводе «Калибр», бывший беспризорный. Для Милюкова—самое важное выразить характер материала изображаемой им вещи. Милюков, чтобы передать материал кожи, бумаги, волос, дерева, железа, шерсти, фибра, кружев всякий раз применяет иную технику. Его живопись в этом смысле совершенно необыкновенна. Красочная кладка то разрыхлена, то заглажена, то тянется длинными волокнами, то собрана в маленькие мазки. Милюков прямо воссоздает материал вещей из красочной материи. Его картина «За работой» удивительный образец своеобразно понятого живописного мастерства. И самое замечательное, что все это разнообразие приведено в систему, что картина представляет некое живописное целое.

Другой талантливый художник, консультирующийся в ЦДИСК, Сухорущенко, совсем не похож на Милюкова. Его тема—лирический пейзаж. Свежесть восприятия позволяет ему вернуть живописи утерянный образ. Редкий художник-профессионал возьмется за тему заката солнца. Этот сюжет слишком опошлен салонной и сухаревской живописью. Сухорущенко берется за трудную задачу и хорошо ее разрешает. Его Картина «Водопой» прекрасно передает закат.

Каждая област, каждый край показывают своих талантливых художников. Но Московская область количественно преобладает, вероятно в виду сравнительной легкости собирания произведений самодеятельного искусства. Здесь выдающееся место принадлежит Мужилкину, председателю колхоза деревни Рязаново, Подольского района, Московской области, двадцати двух лет. Пять работ Мужилкина — одно из самых привлекательных мест на выставке. А картина «Кормящая мать» — самая лучшая из работ художников. В этой картине соединяется глубина чувства с тонкими и умными средствами выражения. Его портреты колхозников-односельчан проникнуты теми же качествами психологической глубины и благородством тона. Нужно надеяться, что этого превосходного художника похвалы не собьют с пути внимательной и глубокой реалистической живописи.

У С. Гусева (Щелковский район) два натюрморта написаны с большим вкусом к передаче качества материала. Но если у Милюкова те же искания довлеют и часто идут по линии имитации материала, некоторого насилия над краской, то у Гусева эти искания подчинены качествам масляной живописи. Все разнообразие достигнуто точностью и богатством цвета и тонкими вариациями красочной кладки.

Зоотехник Шаховского животноводческого района Власов в своей картине «Тренировка» показывает пару прекрасных вороных рысаков, которых выпестовал сам художник. Картина проникнута большой гордостью за своих питомцев, большим профессиональным знанием ло-

На тренировке — Власов

Телятница — Вознесенский

шади. Здесь особенно видно, как основная профессия автора придает его работам специфическое понимание действительности, свою профессиональную, очень ценную точку зрения.

Колхозник того же района Вознесенский пишет «Телятницу» при совершенно ином живописном методе, отмеченную той же любовью к животному, выхоженному рукою колхозницы или колхозника.

Из художников Московской области, нужно отметить еще четырнадцатилетнего школьника Луховицкого района Милованова, с его наивным, но поэтическим «Пушкиным» и крепкой «Зимой в деревне», прекрасного скульптора обнаженных женских фигур колхозника А. Ломтева, тонкого колориста, учителя совхоза «Дубровец», Смекалкина.

Но не одна Московская область богата талантами. Вот пастух-чабан Карачаевской Автономной области Акбаев. Узнав, что существует профессия художника, Акбаев пришел в Ростов учиться. В Художественный техникум его не хотели принимать. Обиженный Акбаев пишет письмо тов. Сталину, и только после того ему удается начать учиться. Он пишет «Борьбу волка с собакой», «Борьбу кабана с медведем», «Медведя с добычей», «Кабанов». И здесь занятие пастушеством в условиях Карачая подсказывает Акбаеву тематику, характер живописи. Снова место автора в колхозной жизни дает ему, как художнику, свежие темы и свежую их интерпретацию.

Азербайджан выдвигает художника Аркерьяна, избача села Чайкенд, со своеобразными заимствованиями у коврового искусства.

Карелия — талантливого юношу, ученика шестого класса Кондакова.

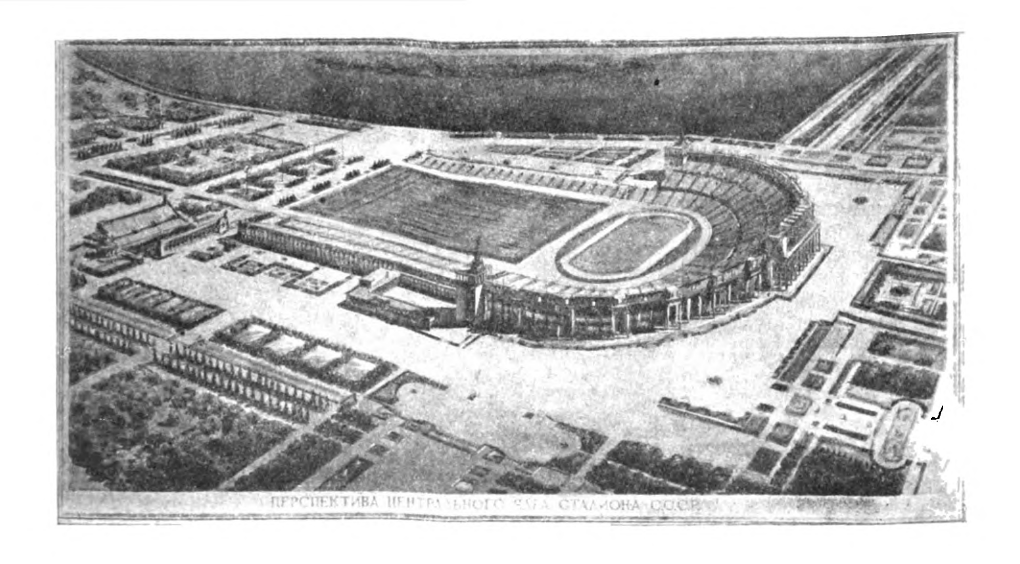
Азово-Черноморский край показывает прекрасного рисовальщика Нелепко, сына батрака, двадцати трех лет, со зрелыми рисунками «Кулаки вредили», «Колхозный урожай» и «Колхозный огород» [1].

Всех не перечислишь! Это целая армия талантов, получивших возможность выражать свои чувства языком изобразительного искусства.

С выставки уходишь со спокойным и радостным чувством. Стране, где растут такие таланты, принадлежит будущее.

---

[1] Мы не касаемся здесь больших отделов заслуживающих специального рассмотрения, отдела колхозной карикатуры, художников-селькоров, объединяемых «Крестьянской газетой» и отдела колхозных стенных газет из богатого собрания Коммунистического института журналистики.

собеседники

Ник. Атаров

Истории, полные значительного смысла, волнующих переживаний, рассказывались мне между прочим и, обычно, после того, как стенографистка сворачивала в трубочку свою тетрадку и покидала нас.

Москва шумела в этих рассказах, как полагается большому городу — Лондону, Сан-Франциско, Чикаго. Дворники выходили с лопатами на крыши, толпы валили в метрополитен, под электрическими часами на площадях встречались влюбленные, и вдруг туман окутывал бульвары. И вдруг — в случайном повороте рассказа — мы снова сталкивались с темой наших стенограмм — с переделкой столицы.

Какая она будет, Москва? Что это значит — «красивейший и самый благоустроенный в мире город»? Каналы и мосты, как в Венеции? Гранитный строй Ленинграда? Нью-Орлеанская планировка? Лондонские сады?

Стенограммы наших бесед изобиловали точными формулировками. Но здесь, в этих рассказах, как я сказал, туман окутывал бульвары, происходили другие подобные же пустяки, и только неожиданно мелькала какая-нибудь поразительная деталь московских работ.

Архитекторы, оказывается, отличные собеседники.

Глубокий старик, строитель многих дворянских особняков и усадеб, поведал мне печальную и поучительную историю.

Он проектировал большой районный парк. Для такой работы надо перенести себя в будущее. Нужно не спеша войти в этот парк, услышать издали музыку. Потом стемнеет, зажгутся аллеи фонарей,— будто все уже сделано.

Этого не удавалось.

— Одиночество плохой консультант,— жаловался архитектор.—Я никого не любил в Москве и может быть поэтому не знал ни прудов, ни скверов. Никто не умирал у меня в этом городе, и я не знал кладбищ. В театрах я смотрел на сцену, в почтовые ящики опускал письма, в раздевалках раздевался. Вот и все,

чем был для меня город. Я завидовал телефонному монтеру, который мог проникнуть в любую квартиру. Для меня существовало не больше десяти квартир. Проект не удавался, потихоньку я исчезал из мастерской и бродил по городу.

Однажды старик оказался на Главном почтамте. Вы знаете этот колоссальный зал почтамта на Мясницкой, с открытыми коридорами на всех этажах. Архитектору захотелось подняться на третий этаж, взглянуть оттуда вниз; он взошел по лестнице и замер, прислонившись к колонне. Под стеклянными сводами лежала площадь, чистая и гладкая, как всякий кафельный пол. Шарканье подошв и стук костяшек на счетах доносились снизу; толпа теснилась у окон касс и у входов. Все казалось игрушечным с этой высоты: и столы, заваленные бумагами — за деревянными перегородками в центре зала, и люди, которые выглядели отсюда странно укороченными. Вровень с плечом архитектора в колонну были вделаны большие электрические часы. Их жестяной циферблат вздрагивал от прыжков минутной стрелки.

Содрогание этих часов и муравьиная суета толпы внизу поразили архитектора. Ему показалось, что он нашел образ большого города: толпа русых, седых, веснущатых, сероглазых — и над ней прыгает минутная стрелка...

С этого дня он работал с азартом. Толпы людей двигались по аллеям его парка, и хотя он видел их сверху, и они казались ему укороченными, это его не смущало. За обедом, в театре, в трамваях на обрывке билета он чертил павильоны, пруды, аллеи. Иногда ему слышался стук костяшек на счетах, иногда это сходило за оркестр. Через месяц его проект был рассмотрен и осужден товарищами.

— Мрачная трактовка. Безликость.

— В пруду топиться будут, — так говорили архитектору его товарищи.

— У нас — социализм, — мягко и ласково объяснял старику его молодой руководитель.— В толпе мы различаем лица. Похоже, что вы проектировали с какой-то птичьей точки зрения...

Мой собеседник выслушал все это с вниманием. На Главном почтамте он больше не бывал.

Другой архитектор — планировщик, рассказал о том, как он заблудился в полосе отчуждения.

Вы знаете, что такое московский железнодорожный узел? Одиннадцать дорог, девять пассажирских вокзалов, десятки сортировочных и товарных станций, двадцать миллионов тонн грузов в течение года (Берлин и Париж пропускают вдвое меньше), и вот — деталь этой детали: соединительные пути. Они пересекают город в нескольких местах, Курский вокзал связывают с Октябрьским, Белорусский с Савеловским. Какая бессистемность, какое грубое при этом игнорирование городских интересов! Одна десятая часть городской территории Москвы занята полосой отчуждения.

По проекту реконструкции количество вокзалов сократится, два «диаметра» пересекут центр — два глубоких ввода, на подобие берлинского штадтбана, и, таким образом, облегчится въезд в центр для пригородного населения. Поезда дальнего следования не будут входить в город, как сейчас, в тупики московских вокзалов. Тогда сократится и полоса отчуждения.

Все это еще не близкое будущее. Мой собеседник заблудился в полосе отчуждения.

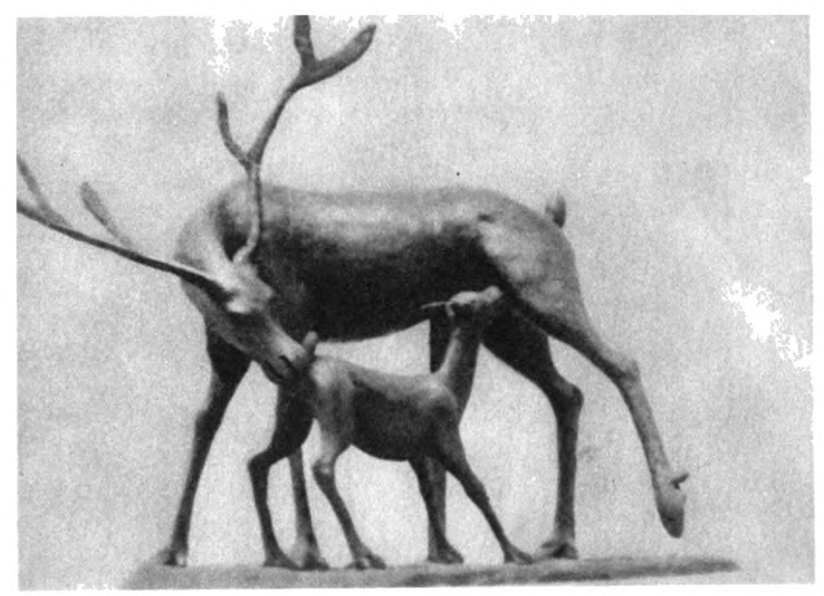
Через какую дыру проник он из города в этот тщательно огороженный, нескончаемый коридор? Как выбраться отсюда домой? Неужели по шпалам — до вокзала?

Эта проклятая страсть планировщика: увидеть в натуре все тупики и свалки, излазить темные и сырые подвалы, перемахнуть через истлевший забор где-то в глубине квартала, обойти остервеневшего от злости цепного пса...

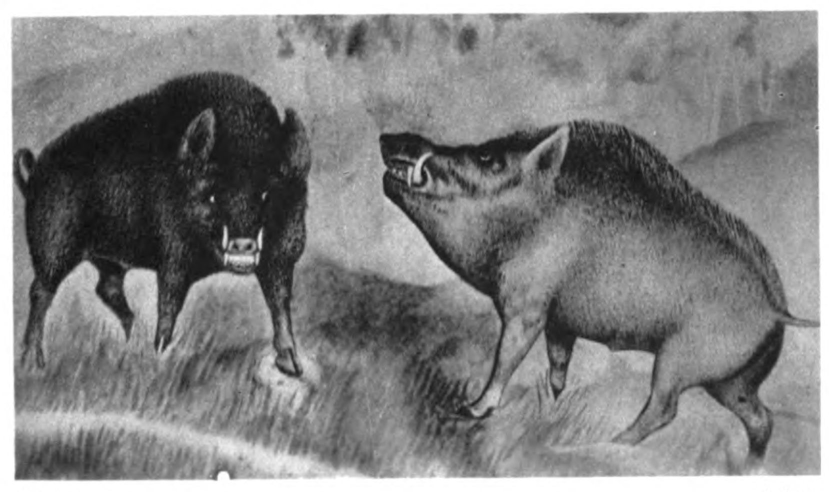
Необычайная тишина отстаивалась между железными гофрированными заборами. Архитектор огляделся и потянул носом... Запах мазута от шпал, знакомый с детства. Какая-то падаль, заброшенная с улицы... Город был рядом, по обе стороны высоких заборов; справа, со стороны центра, он внятно подавал сигналы, стучал, дышал, волновался. Слева — таился. Только чей-то звонкий голос — казалось, в пустых кварталах — томительно выкликал:

— Заха-арычев!

Как выглядят на плане эти кварталы

Скульптура. Пластелин — Чичекин — эвенк-охотник

Кабаны — Агбаев

Натюрморт Гусев

слева? И живет ли там кто-нибудь, кроме Захарычева и его приятеля? Архитектор тут же, на путях, развернул план города, всмотрелся в него и словно впервые увидел набухшие вены всех этих Митьковских, Бескудниковских, Курско-Октябрьских соединительных линий. Каждая из них отсекала и омертвляла какую-то часть города. На плане были огромные белые пятна пустырей. Почти болевое ощущение — архитектору показалось, будто рука его накрепко перевязана шпагатом.

С третьим из моих собеседников мы разговорились о том, как вспомним мы через пять-шесть лет сегодняшнюю Москву с провинцией ее переулков и тихих особняков. Пустяк, конечно, но мне хотелось уверить его,— уж очень он был непоколебим,— что образ какого-нибудь мохнатого тихого переулка с кленом, продравшимся сквозь досчатый забор, наполнит нас доброжелательной грустью.

Мой оппонент, — мы сидели поздней ночью на мягком диване в его мастерской, — рассказал тогда один совсем коротенький эпизод,— как застала его июльским вечером на улице гроза. Ливень хлестнул его по лицу, и он остановился у стены какого-то дома. Это было старинное здание из тех, что веками сохраняют городу его исторический аромат — Вдовий дом, или Градская больница, или Университет.

Кто строил эти здания? Как выглядел город в то время? Куда удалялись каменьщики и плотники, кончив работу вечером?— Все эти вопросы приходят сами собой, лишь стоит вглядеться в здание.

Ливень двигался по улице толстой белой массой. Укрыться от него было трудно, капли текли за воротник архитектора. Он поднял голову и увидел над окнами каменные львиные морды. С их мужицких бород стекала вода. Камень темнел от воды. Догадка, которая осенила архитектора, ни за что б не пришла ему в голову, если б мужицкие бороды львов не были бы так жалки под дождем. Он вдруг увидел это здание — еще в строительных лесах, колонны, обмотанные рогожей, крестьянские дроги, бородатого мужика на дрогах и перед ним зодчего — немца в зеленом кафтане. На полях чертежа он набрасывал мужицкое лицо, окаменевшее от смущения.

Архитектор улыбнулся ясности своего воображения, но тут посольский автомобиль торпедой пронесся по улицам и ливень смолк.

Этот рассказ озадачил меня, он что-то приоткрыл зловещее в истории города, я старался теперь представить прошлое и уже с недоверием приглядывался ко всем этим каменным львам и павлинам на старых стенах.

Эта история сближается в моей памяти с рассказом о комсомольце. Я услышал этот рассказ от одного архитектора, проектировавшего подземную станцию метро.

Когда его приятель-комсомолец, поработав первый день в шахте, поднялся на улицу, он увидел небо. Был вечер. Кто замечает звезды в Москве? Но небо было удивительно ясное, и юноша решил, что так ему кажется с непривычки — после шахты. В следующий вечер, выйдя из-под земли, он не стал заниматься звездами, он шел по улицам и думал о своих делах. Но и улица в этот вечер показалась ему обновленной, как вчера небо. Он не мог не оглядываться по сторонам. Москва стала лучше за день, с того часа, как он спустился в шахту. Лучше? Если б прошел месяц или хотя бы две недели, — город, действительно быстро меняется... Но один день...

Впрочем, ему не было времени размышлять, хотя и в следующий вечер первое впечатление усилилось. Выполняя в тоннеле свою работу, разгружая, например, с вагонеток бетонные блоки, он каждый день теперь невольно загадывал: а как отзовется все это там, наверху, вечером? Он начал связывать свою работу с переделкой всего города. Это была игра, в которой условия менялись каждый день, но результат был прост и наперед угадан. Арбат освобождали от трамвайных путей, у Манежа возникала новая площадь, из-за угла выплывал зеленый троллейбус...

Архитектор увлекся, рассказывая эту романтическую историю. Я поручился бы за то, что он здесь что-то присочинил. Мне было ясно, впрочем, что в этой истории главное — рассказчик, что это он сам ведет такую комсомольскую игру

Дом книги

Арх. Голосов

и только не хочет обнаружить себя в случайном знакомстве.

Людей дорисовывала в этих рассказах минутная усталость, неожиданная растерянность, вздорное предубеждение. Но сквозь тончайшую эту сетку, как сквозь железный узор на воротах, можно было увидеть вдалеке, сквозь легкую дымку, город...

По утрам я читал стенограммы. Еще роились в памяти вчерашние разговоры, и шумела Москва, как полагается всякому большому городу. Но строгий, логический ход стенограммы не допускал разночтений. Эти женщины записывают машинально. Единственное, что исчезает при этом — паузы. Самую задушевную паузу они не обозначают и тремя точками.

Архитектор Мешков сообщал о будущем целого района Москвы:

«Эта улица (Арбат) узка и не сможет вместить завтрашнего движения. Мы расширим ее на десять метров. Весь правый фронт домов, начиная от «Праги» пойдет на слом. Но и тогда Арбат не справится со своими транспортными обязанностями. Нужен Новый Арбат. Мы пробьем его вдоль Собачьей площадки и Молчановки — парадный проспект шириной в 45 метров.

Воздвиженка изменит направление. Сотни автомобилей — в четыре ленты — направятся из центра к Филям.

Можайское шоссе, шириной в сто метров, пересечет Фили, этот новый район Москвы, в котором будут жить в благоустроенных домах, в зеленых массивах сто пятьдесят тысяч человек.

Мы обеспечим уличным потокам непрерывность и темп: только два перекрестка мы сохраним на всем Арбате: старые переулки будут закрыты, мы зак-

лючим их в просторную сетку новых улиц, они окажутся внутри больших кварталов».

Архитектор Колли говорил о масштабах своей последней работы:

«Центральный стадион СССР будет закончен к 1937 году. Это, действительно, грандиозное сооружение. Оно занимает площадь 300 гектаров. Стадион расположен за полотном окружной железной дороги, на территории Измайловского зверинца.

Мы строим велодром и теннисный стадион с трибунами на десять тысяч зрителей каждый, бассейн для плавания с трибунами на семь тысяч человек, легкоатлетический стадион на пятнадцать тысяч зрителей. И в центре — небывалый по размерам главный стадион с амфитеатром на сто сорок тысяч человек. Но этого мало: на территории стадиона мы разместим ряд физкультурных городков: массовых игр, городок тениса, городок бокса и борьбы, военный городок с домом обороны, стэнд для стрельбы по тарелочкам, систему тиров, детский стадион.

Среди зелени, в парке на берегу пруда будут ежедневно собираться десятки тысяч рабочих и работниц завода имени Сталина, Динамо, Серп и Молот. Здесь будет итти непрерывная тренировка сил и здоровья.

Посреди пруда, на острове, мы воздвигаем Академию физической культуры.

Что же представляет собою главный стадион? Мы долго искали его форму. Мы изучали греческие стадионы. Человек-борец там был героем, там не было зрителей.

С точки зрения конструкторской, античная Греция, конечно, немногому нас научила. Но мы использовали опыт греческих палестр — физкультурных школ. Впервые с античных времен мы строим рядом со стадионом закрытую тренировочную площадку, окруженную залами для упражнений, отдыха, массажа, с соляриями на крышах.

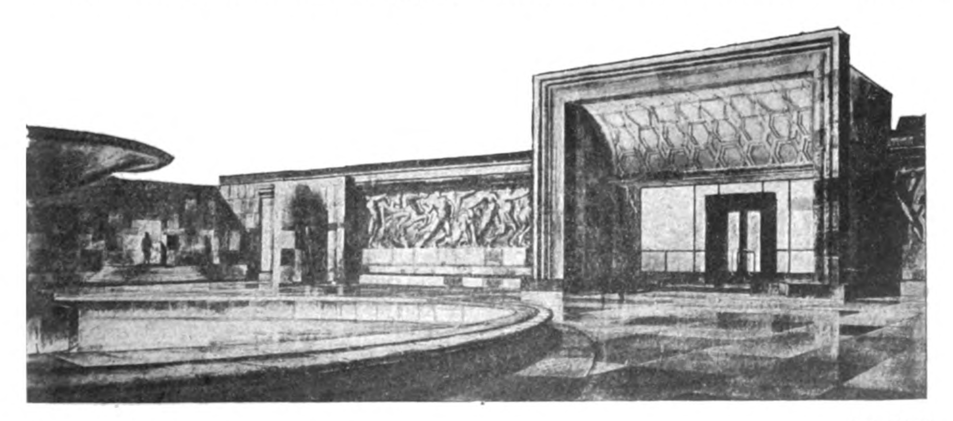
Опыт латинского мира мы решительно отвергли. Цивилизация Рима и Вероны создала замкнутый овал Колизея, с его трибунами, господствующими над аренами, где в фокусе внимания тысяч зрителей творилась борьба на жизнь и смерть.

Это нам не подходит.

Америка в двадцатом столетии создала огромные спортивные сооружения, равные по масштабу тому азарту, который разжигается там вокруг боксерских рингов и футбольных полей. Спорт — на положении биржевой операции.

Американская буржуазная цивилизация так же, как древний Рим, культивирует спорт, прежде всего как зрелище, отводящее инстинкты народа от социального их приложения. Нью-йоркский Янки-стадион и стадион Лос-Анжелоса построены в виде многоярусной замкнутой чаши, как Колизей и это не случайное совпадение.

Для нас спорт — это развитие всего коллектива, максимальное количество

Павильон на стадионе СССР

Арх Колли

участников, непосредственная связь зрителей с участниками, наконец связь коллектива с природой.

Наш стадион будет иметь форму подковы или лучше сказать — камертона. Открытая сторона его будет держать в себе широкую перспективу парка, голубой воды пруда. Огромные массы воздуха вплывут в амфитеатр с восточной открытой стороны.

Каждый из ста сорока тысяч зрителей со своего места сможет увидеть весь коллектив.

Но что же будет в центре этой дуги? Прежде всего — футбольное поле, окаймленное беговой дорожкой, за ним поле массовых действий. Москва еще не имеет таких площадей. На Красной площади в дни физкультурных парадов наши профессора спорта ухитряются расставить для вольных движений три тысячи человек. На поле центрального стадиона в разомкнутом строю свободно разместятся пятнадцать тысяч человек. Вы представляете взмах рук этих пятнадцати тысяч человек? Поворот головы?»

Профессор Илья Голосов говорил о борьбе стилей:

«...Время осыпает со стен известку, отбивает руки статуям. Но еще раньше время делает смешной и ветхой былую моду. То, что вчера сошло за откровение века, завтра может показаться незрелой и легкомысленной затеей.

Мы, архитекторы, воплощаем свой замысел в камне или даже в железобетоне, который, как известно, от времени становится крепче. Вообразите себе режиссера, который знал бы, что его спектакль окаменеет на столетия, что все его мизансцены будут облицованы камнем. Работая над своим замыслом, архитектор как бы репетирует такой каменный спектакль. Он решает в проекте мизансцены тех событий, которые произойдут может быть при жизни его внуков.

Мы, конструктивисты, забывали об этом в споре с ревнителями рутины.

Аскетизм форм и воздержание мы возводили в принцип и приписали его пролетариату. Рассудочность опустошала наш творческий арсенал. Упрощенный подход к решению фасада, отказ от его детальной обработки, соединялся с увлечением геометрической линией.

То, что говорится мною в осуждение этого прошлого, нужно понимать только как критику остатков конструктивистской школы, упорствующих в давно изжитых взглядах. Нужно же понять, что в скудости ленточных окон и гладких стен, в простоте кубического сложения нельзя найти монументальных и радостных решений. Талантливое творчество Корбюзье исчерпало возможности своего применения в архитектуре социализма.

Цоколь есть цоколь, карниз есть карниз — основание и венец архитектуры, пока дома наши стоят на земле, и мы этого не оспариваем. Стиль может меняться — меняется сама жизнь. Но ни-

Старая Московская набережная

Смоленская набережная — Арх. Француз

когда классическую колонну вы не поставите вверх основанием, потому что эта колонна имеет базу и капитель, и потому что форма колонны — органична; она утолщена в основании, сужена вверху. Столб Корбюзье можно «вверстать» в здание в каком угодно направлении — сечение столба всюду одно и то же. Его форма безразлична сама к себе.

Недавно проезжал я по Мясницкой. Там стоит удивительный дом — огромная монументальная масса, приподнятая над землей на тонких столбах. Это здание Наркомлегпрома, проект — Корбюзье.

Мой шоффер недоверчиво покачал головой:

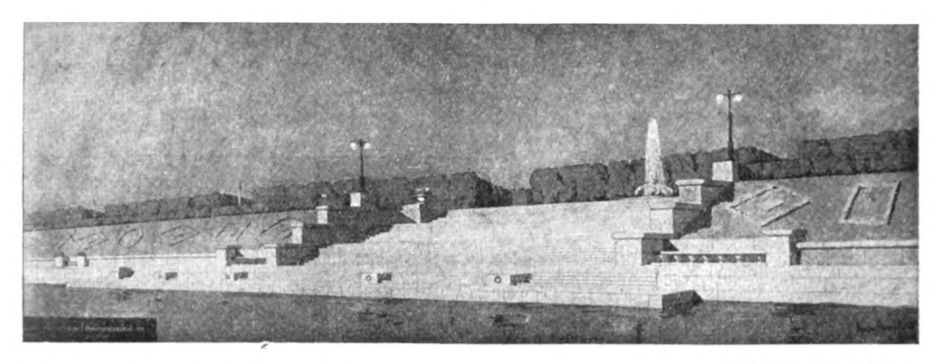
— А не сядет ли этот дом на столбы?

Я рассмеялся от удовольствия, как человек, решивший сложную задачу. В этом наивном восклицании было подсказано, какое-то правильное психологическое решение большого спора о стиле.

Я проектирую сейчас в своей мастерской такие огромные здания будущей Москвы, как Дом Книги в Орликовом переулке, Академию Коммунального хозяйства на Пироговской, Дом ТАСС на Пушкинской площади, Дворец ОПТЭ — на Смоленской площади, и я хочу, чтобы красота моих зданий была долговечней самого материала, из которого эти здания будут построены...»

Архитектор Француз, руководитель мастерской набережных, говорил о том, как город придет к реке:

«Москва не имела реки. Реки имеют Париж, Ленинград, Лондон. По Москве текла скучная и грязная вода. Город не украшал ее перспективу дворцами. Он расставлял по берегам реки отхожие места от Дорогомилова до Карачарова поля. Он ставил котельные маленьких фабричек у воды, занимал берег под нефтяные склады. Гравий и песок сгружали в центре Москвы — на Раушской набережной.

Проект Дорогомиловской набережной Арх. Француз и Рыбченко

Товарищ Сталин первый показал на набережную Москва-реки, когда страна вплотную подошла к реконструкции своей столицы. Указания Сталина преобразуют город. Жизненные центры Москвы подтягиваются к воде, к широкой перспективе полноводной реки, какую скоро получит город, когда Волга даст ему свою воду.

Тридцать два километра речных берегов в черте города облицовываются в гранит. Пассажирские пристани для речных трамваев располагаются в шахматном порядке на расстоянии одного километра друг от друга.

Городские мосты приподнимутся, чтобы пропустить речные суда, после того, как повысится уровень реки. Большие корабли пойдут по Северному и Южному каналам, в обход города.

Зарядье будет разрушено. Исчезнет слепая его стена, и на земле, которую веками удобряли жадность, стяжательство и насилие, возникнет сад,— широкий амфитеатр сада...»

Дойдя до этих строк, я откладывал стенограмму в сторону. Мне начинало казаться, что дальше читать опасно и вредно. Не усыпит ли меня счастливое зрелище этих садов? Не разучусь ли я ненавидеть! Ведь это самое страшное — потерять сейчас чувство враждебности к тому, что предназначено на слом.

И тут мне вспоминались вечерние мои беседы с теми, чьи стенограммы я изучал сейчас. Мне вспоминались мои упрямые доводы в защиту тихого переулка, экскурсии старика на главный почтамт, подземная игра комсомольца. И образ планировщика, заблудившегося в полосе отчуждения, заслонял все остальное. Я тоже, как и он, раскладывал перед собой план города и начинал изучать его с пристрастьем.

Я сводил очеты со старой Москвой — во имя ее Кремля, во имя ее четырех миллионов, которые работают в три смены — на заводах, в вузах, на телеграфе, в метро; во имя всего безработного человечества, которое тихо и радостно произносит в трудную минуту: «Есть на свете Москва!»

Я составлял инвентарь ее неудобств— капитальных, врытых в землю, обшитых железом. Рассматривая и изучая тысячелетнее это строение, я стаскивал в кучу все его чудовищные несообразности.

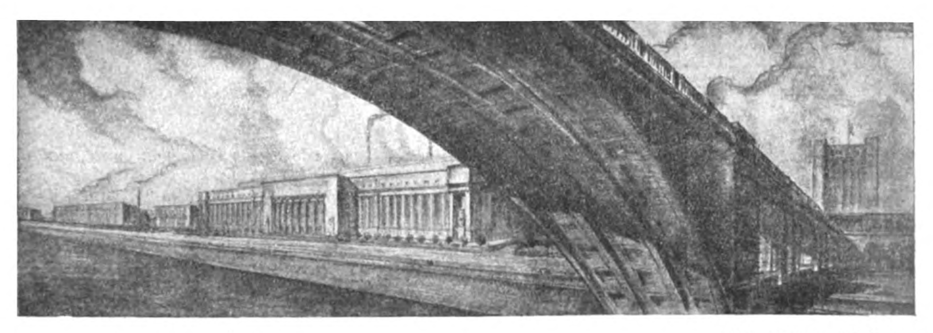
Частновладельческое крошево кварталов; заборы, заборы, заборы. Дворы, заставленные всякой чепухой.

Чернильного цвета Яузу, которая летом содержит на сто литров речной воды — шестьсот литров сточных промышленных вод.

Засыпанные пруды. Низко подвешанные мосты.

Кольца бульваров, застроенные домами на перекрестках — наследие тех времен, когда крепостные сторожа еще на «государевой» земле обстраивали своими избами все эти Мясницкие, Никитские, Петровские, Покровские ворота.

Доходные дома центра, с их перенаселенностью, где на входных дверях

Проект Бережковской набережной

Арх. Француз и Рыбченко

десяток звонков, а в коридоре на стене — пять-шесть электрических счетчиков.

Дома-берлоги, дома-скворешни окраин. Множество кладбищ.

Оползни высоких берегов Москва-реки и гнилые пустыри — низких. Заболоченный район Лужников (другие названия по берегам: Сукино болото, Болотная площадь, Болотный бульвар, Болото).

...Ночью мы вышли из мастерской. Мы проводили стенографистку домой и пошли дальше. Разговоры еще не иссякли. Мы шли, — я и мой собеседник, — по городу, и он не таился, он не скрывал от нас своих забот. Где-то разбирали трамвайную колею, и улица озарялась синим аварийным светом. Из переулка выбежала толпа. Обыкновенный уличный инцидент. Пострадавший, — мы слышали его настойчивый голос; виновник — растерянный смущенный верзила, и маленький милиционер; и, как всегда — осоавиахимовцы и толпа. И обгоняя толпу по мостовой, стараясь забежать вперед, делал огромные скачки мальчишка на костылях...

Потом мы снова шли пустыми улицами, нас обгоняли грузовики, и с одного из них сорвалась веселая песнь. Ее пели женские голоса, но мы не расслышали слов...

Мы вышли на набережную. Я никогда еще не был здесь раньше. Болотная набережная, она выводит вас на Стрелку, откуда можно увидеть Бабьегородскую плотину, пустырь Дворца Советов с буровыми вышками, спиральную башню Центрального парка. Над рекой было сыро и ветрено. Мой спутник шел улыбаясь. Ветер отвернул полы его пальто.

Раздался гудок.

Река была тяжелой, как свинец, с мерклой поверхностью. Я вспомнил роман Селина, как он заканчивается:

«Издали раздался гудок буксирного парохода; его зов перешел мост, еще одну арку, и еще одну, шлюзы, еще один мост, далеко, еще дальше... Он звал к себе все баржи реки, все, и весь город, и все небо, всю деревню, и нас, он все увозил с собой, и Сену тоже, все, чтобы и разговору не было больше о них».

— Возраст литого бетона — сорок суток, — говорил мне мой спутник. — Москва-река расширялась за поворотом. Гудок повторился. Это был обеденный перерыв третьей смены на фабрике, мимо которой мы прошли в переулке...

— А что же будет с Бабьегородской плотиной? — спросил я.

— А ее не будет совсем, — ответил мой спутник. — Бьеф — 120, одна отметка реки на всем протяжении столицы.

Глава из книги

Э. Эррио

Мы печатаем главу из книги Эррио «Восток» о Советском Союзе, выходящей в скором времени в Соцэкгизе.

Читатель не найдет в этой главе сообщений о вещах, ему неизвестных. То, что было для Эррио в его поездке по СССР неожиданностью, наш читатель видит и знает давно.

Интересно в этой главе отношение автора к увиденному, интересна его точка зрения на нашу действительность. Интересно самое недоумение, с каким он встречает поразительные явления, составляющие нашу действительность.

Наука в Советском Союзе бесспорно — предмет культа. В луке Москва-реки, в самом центре беднейших кварталов, на плохо мощеной улице, в старом особняке, построенном в новорусском стиле, находится Институт мозга. Предмет его работ—гистологические исследования. Эту научную работу ведут здесь под руководством немецкого профессора Оскара Фогта пятнадцать научных сотрудников. Главным образом заняты изучением структуры мозговой коры, «строением клеток», как сказал мне руководитель. За основу взяты слова Энгельса: «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг»...

Наука при советском строе облекается всей властью, отнятой им у религии. Она для него — новый догмат. Большевизм, воспринимая теории некоторых французских писателей восемнадцатого века и немца Фейербаха, основывается на диалектическом материализме и рассматривает религию как консервативный фактор. Ленин считает, что бога создал человеческий страх. «Кто выдумал бога?— спрашивает на втором съезде воинствующих безбожников Максим Горький.— Мы, наша фантазия, наше воображение». Бухарин полагает, что антирелигиозная борьба—одна из существеннейших целей революции.

Теперь допускается одна лишь религия — наука. Находящаяся в Ленинграде Академия наук — главный храм этого культа. Именно Академия изучает возможности Союза, его природные богатства. По ее указаниям открываются институты, лаборатории, музеи. Ее отдел физиологии возглавляется таким знаменитым ученым, как Павлов; имеется у нее свой сейсмологический центр. Она подготовляет капитальный труд о флоре СССР. Курнаков изучает «физико-химический анализ» в приложении его к исследованию горных формаций, залежей соли, металлических сплавов, термической обработке неокисляющейся стали. Специальная цель этих исследований — подвести научную базу под ведущееся в Урало-Кузнецком бассейне строительство. Для собирания необходимых данных посылаются экспедиции. Под руководством академика Ферсмана Академия усиленно занимается геохимией. В виде примера Гессен приводит работы, производившиеся в щелочных массивах Кольского полуострова, и исследования Хибинского массива. Найдены были следы металлов, принадлежащих к группе платины, и медные руды. В Центральной Азии институт изучил богатую сурьмой и ртутью зону Южной Ферганы. Определение месторождения сырья позволяет установить место для стройки гигантских заводов. В деле реконструкции институт петрографии тоже имеет большое значение. Лаборатория для изучения магнетизма дает возможность академику Левинсон-Лессингу соорудить приспособление, которое будет определять на месте содержание железа и марганца в различных рудах. С помощью электрических печей изучаются скалы вулканического происхождения, изучаются камни Украины, минералы Дальнего севера, структура земной коры.

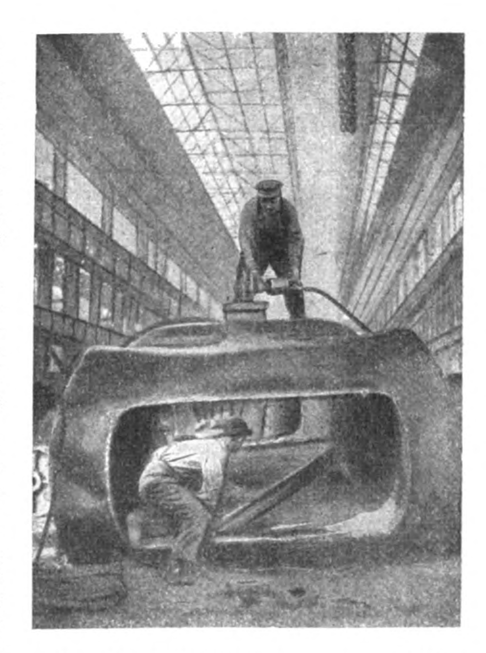
Академия, с другой стороны, занята исследованиями историческими, археологическими и лингвистическими. Как и можно было ожидат, национальная политика способствовала возрождению или появлению литератур местных. Вырабатываются специальные азбуки, грамматики, словари Латинская азбука вводится там, где до сих пор известны были только китайские письмена.

В январе 1933 года в Ленинграде собралась научная конференция по инициативе Биологической ассоциации Академии наук для выработки плана изысканий на вторую пятилетку. Результаты работы, проделанной этой конференцией, замечательны по своей точности.

С захватывающим интересом следили недавно за полными драматизма перипетиями экспедиции Челюскина, разбитого льдами недалеко от Берингова пролива. В августе 1933 года он со ста тремя членами экспедиции на борту вышел из Мурманска. Экипажем его командовал один из лучших специалистов полярной навигации капитан Воронин. Во главе научной экспедиции был профессор Отто Шмидт, задачей которого было установление Северного морского пути. Достигнув пролива, пароход был отнесен течением к острову Врангеля. Пловучий университет после гибели судна зимовал на ледяном заторе и с помощью радиотелеграфа поддерживал связь с Москвой. К счастью его удалось спасти. Уже раньше на протяжении второго полярного года (август 1932—август 1933 года) Воронину и Шмидту удалось совершить замечательный переезд на «Сибирякове». Им удалось пройти из Белого моря в Тихий океан, из Архангельска в Петропавловск-на Камчатке одним рейсом без зимовки, чего не могли добиться ни Норденшельд, ни Вилькицкий, ни Амундсен.

Применение научных методов к промышленности показалось мне превосходным. Вот два тому примера. В Москве, в одной из новых частей города, находится завод «Шарикоподшипник». На нем работают 12 500 рабочих; постройка его началась в мае 1931 года, пущен он был в марте 1932 года. Директор его — бывший путиловский рабочий. Завод вырабатывает 24 миллиона шарикороликоподшипников в год.

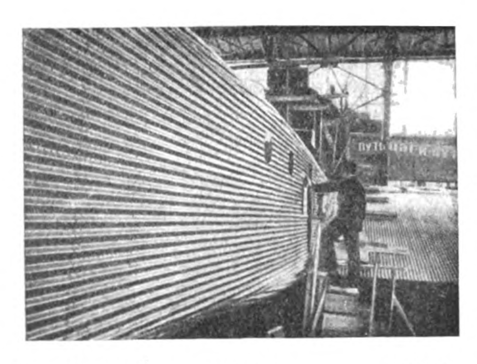
Подымаемся по украшенной цветами лестнице. Автокар дает нам возможность проследовать вдоль галлерей, одна из которых длиной больше километра, посетить инструментальный цех, где изготовляются необходимые заводу точные инструменты, проехать через большую кузницу, где наше внимание обращают на то, что вся сталь, потребляемая заводом,—советская и доставляется с уральских заводов.

Пятидесятитонная изложница Союзфото

Сейчас время обеденного перерыва. Рабочие толпятся на нашем пути, приветливо с нами здороваются. В обширные цеха, прекрасно освещенные и вентилируемые, проникает первая осенняя свежесть. Я замечаю здесь много немецких и американских машин и несколько французских. Группа рабочих встречает нас приветствием. Женщины просят нас передать их привет работницам нашей страны. Измерительная лаборатория шарикоподшипников и сборный цех оборудованы по последнему слову техники.

Завод — настоящий город. В центре его — лаборатория, в которой работает сто пять человек. В эту лабораторию вхо-

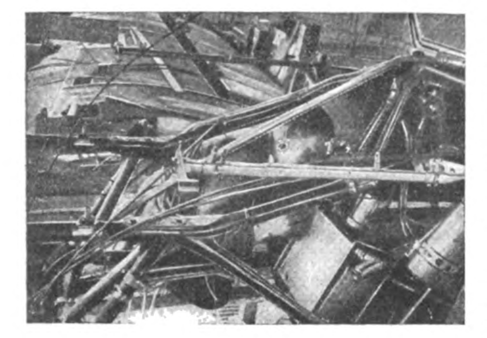

Цаги. Монтаж самолета АНТ-20 Союзфото

дят: лаборатория металлографическая для изучения структуры металлов и для сравнения их с установленным образцом; рентгеновская лаборатория; зал магнитометрического контроля; машины Карла Шенка для определения сопротивляемости металла; аппараты, назначение которых — определять сопротивляемость шариков на сжатие и прочность шарикоподшипников. Предметом изучения служит даже потение рук у рабочих, иные из которых устраняются от процессов работы, требующих особой тщательности. В соседних залах находится техническая библиотека и химическая лаборатория.

Молодость рабочих поражает меня. В полировочном цехе маленькие красные флажки отмечают лучших рабочих-ударников. В цехе, где производятся шарики, работает в одном помещении 1 750 автоматических машин. Фабрично-заведская

Цаги. Монтаж самолета АНТ-10 Союзфото

школа и больница довершают комбинат. В цехах «Шарикоподшипника», как и на прочих заводах, которые я посетил, вывешен план работы. Рабочие по ставкам разделяются на восемь категорий. Лучшие из них кроме заработной платы получают пропорционально выработке премию денежную, боны в столовую повышенного типа, путевки в дома отдыха, почетные премии — книги и радиоаппараты. Первоначальная зарплата всего 106 рубле' в месяц, но она быстро возрастает. «К нам можно прийти чернорабочим, — заявляет мне директор, — а уйти от нас инженером». Наука — в замысле и в организации, воспитанный Сталиным динамизм — в действии.

Посещаем Центральный аэродинамический институт — ЦАГИ, учрежденный в 1918 году, отцом русской авиации, профессором Жуковским, для изучения и усовершенствования конструкций аэропланов (исключая моторов). Теперь этим учреждением заведует академик Чаплыгин, с профессором Некрасовым и с группой ученых человек в двадцать. Вначале же здесь в очень маленьком помещении работало всего лишь несколько человек; не имелось даже собственной лаборатории. Теперь выработкой моделей заняты до 1 000 научных сотрудников и 3 000 рабочих.

Персонал этот работает над изучением теории авиации, теории конструкции, сопротивляемости материала, аэродинамики и гидродинамики. Именно здесь были разработаны первые планы Днепростроя и изучен ветряной мотор, предназначенный для добывания нефти и работающий уже в Балаклаве и на Новой Земле. Теперь основаны еще и другие институты и появилась более узкая специализация. Сейчас ограничиваются производством моделей аэропланов, гидропланов, глиссеров и аэросаней. Образцы этих конструкций собраны в специальном альбоме. Нам демонстрируют фотографию пятимоторного аэроплана на сорок человек. Аэросани применялись уже на Новой Земле, и с их помощью открыты были неизвестные еще области, — горная цепь, получившая название «Массива Цаги».

Получив эти сведения в управлении, мы осматриваем самый завод, расположенный вблизи так называемого Немецкого рынка. Широкий плакат, вывешен-

ный рабочими, приветствует нас. Перед нами возвышается странная башня — ветряной мотор. Проникаем в первый туннель; он устроен для изучения действия пропеллера и сопротивления остова аэроплана во время полета силе ветра. С помощью мощного вентилятора устраивается искусственная буря. Второй туннель с измерительными приборами устроен по немецкому образцу; он дал возможность сконструировать аэропланы для восточных линий.

ЦАГИ сам изготовляет нужные ему точные инструменты. Мы наблюдаем, как производятся испытания лыж для сорокаместного аэроплана АНТ-14. Видим канал длиной в 200 метров, шириною в 12 и глубиною в 6, который предназначается для испытания гидроаэропланов. В колоссальном ангаре строится самолет «Максим Горький» — АНТ-20. Он снабжен восмью моторами, общей мощностью в 6 400 лошадиных сил и должен вместить семьдесят человек, типографию, кинофотографическую лабораторию, салон; его назначение — ведение пропаганды по всему Советскому Союзу. Ширина его распростертых крыльев 63 метра, в них устроены кабины. Он должен быть готов к 1-у мая 1934 года.

Что нас здесь поражает, это возраст рабочих — большинству из них не больше двадцати пяти лет. Они молоды, приветливы, полны энтузиазма. На стене — огромная карта. Она знакомит рабочих с деталями плана пятилетки. На ней обозначены группы новых заводов на Украине, в России, на Урале, в Сибири. Служит она для пропаганды займа. Подписка на заем, рассказывает директор, была объявлена в девять часов утра 15-го мая 1933 года. И уже к полудню стало известно, что рабочие подписались на сумму, превышающую их месячный заработок. Юноши толпятся вокруг моделей, другие с гордостью моряков, расхаживающих по пароходному мостику, передвигаются по крыше огромного самолета. И тут, как и на всех других заводах, пущены в ход все средства до стенной газеты включительно, чтобы возбудить соревнование рабочих, сознающих, что они участвуют в деле огромной важности. Несмотря на то, что ЦАГИ носит характер исследовательского института он, согласно указаниям Сталина, перешел на хозяйственный расчет.

Министр авиации Пьер Кот 13-го января 1933 года излагал в Комиссии иностранных дел Палаты депутатов вынесенные им лично впечатления. Как и мы, он прежде всего был поражен общим развитием промышленности. Добыча каменного угля, выражавшаяся в 30 миллионов тонн в 1913 году, возросла в 1932 году до 65 миллионов. Добыча нефти с 9 миллионов тонн в 1913 году поднялась до 21 миллиона в 1932 году. Выработка электрической энергии, равнявшаяся в 1913 году 2 миллиардам киловатт-часов, достигла 13½ миллиардов в 1932 году. Но особенно хорошо удалось ознакомиться Пьеру Кот с состоянием военной и гражданской авиации. Советский Союз считает, что он должен еще стремиться к достижениям в области воздухоплавания, но и сейчас летчики его вполне на высоте и очень хорошо подготовлены. Очень большие успехи наблюдаются в области строительства больших самолетов. Возможности авиационной промышленности поражают наиболее сведущих специалистов и заслуживают того, чтобы их отметили. Эту специальную промышленность, из-за ее трудностей, можно рассматривать как показатель хорошего состояния всей экономической структуры.

То, что страна богата сырьем — существеннейший фактор этого успеха. Союз освобождается постепенно от ввоза заграничного оборудования. Авиация имеет заводы, вырабатывающие, на подобие московского завода, свои модели. От употребления дерева уже отказались. Вся конструкция стала исключительно металлической.

Теперь перед нами отчетливо выступают главные линии советского строительства. Ничего нет проще. Наука — закон. Наука — религия. Всеобщая индустриализация, применяющаяся даже в земледелии,—и в земледелии в особенности. Тяжелой индустрии отдается преимущество перед легкой, во всяком случае в смысле очередности. Постройка здания предшествует здесь производству мебели.

Если не забывать об этих общих положениях, вокруг них легко, как вокруг центра, расположатся отдельные наблюдения.

Слабое место Союза, как мне кажется, в настоящий момент — транспорт. В сво-

ей речи 8-го января 1933 года о плане пятилетки, Молотов упоминает об этом. «В отношении железнодорожного транспорта мы в технической реконструкции значительно отстали».

План второй пятилетки особенно отличается тем огромным усилием, которое должно быть направлено к улучшению железнодорожного, водного и воздушного транспорта в колоссальном Союзе, где дальность расстояния остается пока еще главной трудностью. Сеть железных дорог должна увеличиться с 83 000 до 94 000 километров. Будут проложены большие железнодорожные линии: Байкал — Амур, Магнитогорск—Уфа, Акмолинск—Карталы, Караганда — Балхаш и — что особенно существенно — линия прямого сообщения Москва — Донбасс, «магистраль черного золота», которая должна быть длиною в 1 078 километров и обойтись в 433 миллиона рублей. Открыть ее рассчитывают 1-го октября 1935 года. Количество паровозов, равнявшееся в 1932 году 19 500 единицам, должно возрасти к 1937 году до 24 600 единиц; количество вагонов с 552 000 — до 803 000. Число автомобилей, равнявшееся к 1-у января 1933 года 75 000, к 1-у января 1938 года должно увеличиться до 580 000, т. е. в восемь раз. Горький (Нижний-Новгород) станет советским Детройтом.

Что касается водного транспорта — предполагается закончить каналы Москва — Волга, Дон — Волга, сделать судоходными несколько рек, чтобы создать, таким образом, водные пути, соединяющие моря Белое, Балтийское и Каспийское. В области же воздухоплавания сеть воздушных линий должна возрасти к 1937 году с 32 000 до 85 000 километров для линий главных и до 35 000 километров для линий второстепенных.

Мы уже указывали на то, что рабочая сила, применяемая на этих огромных стройках, вознаграждается, соответственно указаниям Сталина, в зависимости от проделанной работы.

Обстоятельства позволяют проверить сообщенные мне о заработной плате сведения. Мы посещаем Кремль. Среди исторических церквей производятся работы по перестройке большой залы дворца. В устроенной на открытом воздухе мастерской — большая доска. Она делится на две части: красную, на которой записаны лучшие работники, и черную с именами отстающих. Вывешен также план работы и размер заработной платы, колеблющейся от четырех до восьми рублей в день. Вознаграждение мастеров и бригадиров исчисляется по разделенной на семь колонн таблице путем сравнения заданий и выполнения работы.

Система эта направлена к тому, чтобы осведомить о ходе работы и возбудить соревнование. На больших плакатах в центре города изо дня в день обозначаются данные относительно достижений в сельском хозяйстве и промышленности. Во время нашего пребывания в Москве, 3-го сентября 1934 года газеты сообщали, что план автомобильной промышленности Союза за первые восемь месяцев года перевыполнен. Автомобильные заводы Москвы, Ярославля и Горького выпустили за это время 25 566 грузовиков и 4 870 легковых автомобилей, вместо предусмотренных планом 29 755. Тракторные заводы в Челябинске, Харькове и Сталинграде выпустили 47 578 тракторов, вместо намеченных по плану 47 535. Отмечают значительное снижение себестоимости. Сообщают также, что нефтяная промышленность Баку в августе 1933 года дала 1 399 627 тонн нефти, т. е. на 200 956 тонн больше, чем в предыдущем месяце.

4-го сентября в газетах сообщается, что в Московской области реализовано уже 70 процентов плана хлебосдачи государству и указывается на то, что в предыдущем году к 1-у сентября та же область выполнила лишь 14,7 процентов годового плана сдачи. Еще о тракторах. Цехи паровозного завода в Харькове выпустили первые машины типа «Коминтерн». Мощность их — 130 лошадиных сил, быстрота достигает 30 километров в час. Другая новость из Ташкента. Закончен главный оросительный канал в долине реки Вахш. Новая система орошения даст возможность обратить бесплодную пустыню в плодородную землю, пригодную для разведения египетского хлопка. В 1934 году будут обработаны первые 10 000 гектаров. Индустриализируется Таджикистан.

Не забывают здесь также информировать о развитии культурной жизни. Из Ленинграда сообщают, что имеющийся, при Академии наук Институт книги и рукописей издает каталог книг, вышед-

ших в свет во время Великой французской революции. Утверждают, что в этом каталоге будет дано описание по меньшей мере пятисот томов таких книг, которых нет в Парижской национальной библиотеке.

Но не следовало бы думать, что достигнутые результаты вызывают слепое восхищение советского правительства. Сталин в свой речи 23-го июня 1931 года на совещании хозяйственников указывает на недостатки выполнения промышленного плана и на недостаточность результатов, достигнутых в области добычи угля и черной металлургии. Он считает, что причина этих отставаний в нежелательной приверженности экономистов к устаревшим методам и излагает условия действительно рационального ведения хозяйства.

Он констатирует прекращение автоматического прилива рабочей силы из деревни к заводам; повышение благосостояния деревни создает необходимость в методическом привлечении рабочей силы при помощи коллективных договоров, а также механизации труда.

Советский Союз, несмотря на колоссальную цифру своего населения, переживает сейчас еще период недостаточности рабочей силы. Безработицы, следовательно, в Союзе не существует.

В отношении заработной платы и в частности для борьбы с текучестью рабочей силы, Сталин решительно протестует против уравниловки. Нужно привести здесь его подлинные слова, что бы не исказить их смысла.

«В ряде предприятий, — сказал он, — тарифные ставки установлены у нас таким образом, что почти исчезает разница между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Уравниловка ведет к тому, что неквалифицированный рабочий не заинтересован переходить в квалифицированные и лишен таким образом перспективы продвижения вперед...

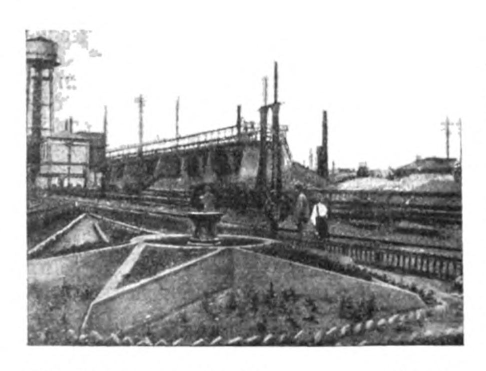
Чтобы уничтожить это зло надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик».

Заработная плата должна быть установлена в зависимости не от потребностей, но от выполненной работы. Промышленность должна иметь кадры ведущих рабочих. Должна быть изменена также и организация труда. «У нас все еще имеется ряд предприятий, — говорит Сталин, — где организация труда поставлена из рук вон плохо, где вместо порядка и согласованности в работе имеют место беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и обезличка»...

В виде примера Сталин приводит состояние железнодорожного транспорта до того, как недавно приняты были меры к улучшению его. Он требует уничтожения обезлички.

Переходя затем к проблеме технических кадров, он отмечает, что с того времени как советская индустрия строилась на угольных копях, железных рудниках и металлургии Украины, положение изменилось. В настоящее время имеются новые базы на Урале и в Кузнецке, будут основаны новые центры в Сибири, Казакстане, Туркестане. Должна быть увеличена сеть железных дорог. Нужно увеличить также инженерно-технические силы; следовательно, открыть высшие учебные заведения ,выдвинуть лучших работников на командные должности.

Широта взгляда Сталина обнаруживается в следующем: «Среди этих товарищей имеется не мало беспартийных. Но это не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности. Наоборот, именно их, этих беспартийных товарищей, следует окружать особым вниманием, следует выдвигать на командные должности, чтобы они убедились на деле, что партия умеет ценить способных и талантливых работников. Некоторые товарищи думают, что на руководящие должности на фабриках, на заводах можно выдвигать лишь партийных товарищей... Нечего и говорить, что нет ничего глупее и реакционнее такой, с позволения сказать.

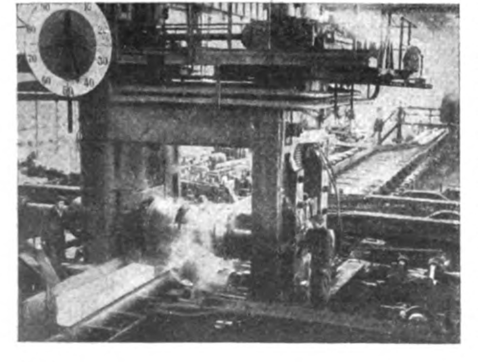
Двор нового доменного цеха Союзфото

«политики»... Наша политика состоит вовсе не в том, чтобы превратить партию в замкнутую касту. Наша политика состоит в том, чтобы между партийными и беспартийными рабочими существовала атмосфера «взаимного доверия», «атмосфера взаимно; проверки» (Ленин) [1].»

Вопрос о старой технической интеллигенции. Не так давно она подозревалась в саботаже, именно благодаря обострению и осложнениям внутренней борьбы. Но теперь по-иному ставится и этот вопрос. «...Наше отношение к ней должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней. ...«Спецеедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением».

[1] Там же, стр. 19.

Блюминг Союзфото

Наконец, вождь партии анализирует условия финансового руководства предприятиями и наилучшие способы создания новых источников накопления. Он настаивает на необходимости «внедрить и укрепить хозяйственный расчет, поднять внутрипромышленное накопление». Именно в результате этого анализа он приходит к формулировке шести принципов, которые мы так часто видели вывешенными на заводах. Для проведения этих принципов в жизнь он требует, чтобы заводы управлялись не коллегиями, а ответственными директорами.

Значит, в советской промышленности имеются недостатки и ошибки? Конечно! Сам Молотов указывает на них в своем отчете 8-го января 1933 года. Не только отстают железные дороги, но и в угольной промышленности дела еще хромают. Харьковский тракторный завод работает лучше Сталинградского; но и на нем целый ряд импортных машин остался неиспользованным; порча инструментов достигает значительных размеров из-за плохого обращения и небрежности.

Тяжелая индустрия в общем достигла больших успехов, чем легкая промышленность, развитие которой в 1932 году нужно признать неудовлетворительным. План второй пятилетки должен заполнить этот пробел и уничтожить отставание.

При современной европейской и мировой ситуации, принимая во внимание всю серьезность возникающих на Западе и на Дальнем Востоке проблем,—приходится задать себе вопрос: какова мощь советской армии.

Управление армией подлежит очень строгому контролю политической организации. Она—предмет самых неусыпных забот. Военная служба обязательна для всех граждан. Женщины допускаются в качестве добровольцев или же как санитарки и врачи. Лица, не принадлежащие к категории трудящихся, но признанные пригодными к военной службе, выделяются в специальный запас и платят в мирное время военный налог. Во время войны их прикомандировывают к тыловым частям. Сражаться является, таким образом, привилегией. Молодые люди в возрасте между девятнадцатью и двадцатью одним годами должны посвятить два месяца предварительному военному

обучению; студенты высших учебных заведений проходят обучение, подготовляющее их к кадровой службе.

20-го января 1933 года Народный комиссар обороны Ворошилов сделал очень интересный доклад перед гарнизоном города Москвы. Он благодарил Сталина за его роль в усилении Красной армии и перечислил технические достижения: увеличение числа пулеметов, рост вооружения ружьями и автоматическими револьверами. Для артиллерии нужно еще сделать не мало, хотя и сконструированы очень подходящие для Красной армии модели, например, маленькие пушки для пехоты, и военная промышленность хорошо организована. Союз сам изготовляет свои танки, что же касается авиационных моторов, он признает преимущество заграничных. В феврале 1934 года на съезде большевистской партии народный комиссар сделал доклад, еще более уточняющий техническое развитие Красной армии. Избегая давать цифры, он отмечает, что на протяжении последних трех лет воздушные силы изменились до неузнаваемости, особенно он указывает на успехи, достигнутые в области тяжелой бомбардировочной авиации.

Михаилу Тухачевскому около сорока лет. Соотечественник наш Пьер Фервак знал его еще тогда, когда он был простым прапорщиком Семеновского полка и содержался в качестве военнопленного в 9-ом форте Ингольштата.

Тухачевский руководил операциями против Колчака и Деникина; он командовал западным фронтом во время войны против поляков. Именно он во главе 7-й армии в 1921 году подавил восстание в Кронштадте и восстание Антонова. После гражданской войны он заведывал Военным училищем; цитируются многочисленные его труды цитируются по стратегии и тактике. Теперь—он заместитель Наркома обороны и начальник отдела вооружения.

Безукоризненным французским языком он излагает мне и комментирует устав Красной армии. «Что касается дисциплины, заявляет он мне, мы хотим, чтобы она была строже, чем в старой армии. Мы ни в коем случае не позволим, чтоб наши колонны маршировали расстроенными рядами, как когда-то. Но в основе теперешней дисциплины лежит чувство долга».

Нам разрешают посетить Дом Красной армии. Он находится в здании бывшего института благородных девиц на Екатерининской площади. Это прежде всего дом техники. Вдоль галлерей, увешанных портретами деятелей революции, расположены залы, назначение которых облегчить всем войскам знакомство со специальным оружием. В авиационной лаборатории, например, представлены детали советских и иностранных аэропланов, модели их моторов, многочисленные модели танков и самолетов, аппарат для обучения стрельбе по движущейся мишени. Имеется зал, посвященный флоту. Там я замечаю макет нашего Дюгей-Труэна. Советская республика уделяет большое внимание противогазам, пользоваться ими должны быть научены все дети, с помощью специального обучения, так называемой химической азбуки. «На этот счет мы очень строги», заявляет комендант Дома, демонстрируя мне специальные маски даже для животных, лошадей и собак.

В другом зале маленький тир для занятий по стрельбе.

В результате этого посещения остается впечатление, что со своей мощно развивающейся индустрией Советский Союз может предоставить своей армии столь могущественные возможности, что относиться к этой армии надлежит с величайшим уважением. Об этом свидетельствуют выставленные в залах модели: новые пулеметы—простые или для зенитной стрельбы, пушки для стрельбы по танкам или самолетам, звукоулавливающие приборы, телефон, радио, принадлежности для взрывной техники, орудия для инженерных войск, например, пневматический сверлильный инструмент. Техника обороны является предметом научного изучения. Просторные залы позволяют читать лекции о моделях и их тактических применениях. Есть специальная секция по гигиене армии, в ней изучается ежедневный паек обычный или же усиленный для несущих особенно трудную службу.

И здесь еще раз все находится под знаком науки, той науки, которая не задерживается на размышлениях о прошлом, но во всех областях изыскивает средства, чтобы увеличить силы человека. Дом Красной армии имеет с

В казарме Союзфото

другой стороны также и общественное значение. Советская республика уделяет армии особое внимание. Для нее будет строиться театр нового типа без ярусов на 3 000 мест. Уже теперь в этом огромном клубе имеется музей, три театра (оперный, драматический и эстрада), два оркестра, кинематограф, библиотека, стадион и летний парк.

Московская военная школа, по отзывам специалистов,— превосходна. Дисциплина армии основывается на очень глубоком теперь национальном чувстве. Думаю, что армия стоит за мир. Для нее ясно, что перед Союзом огромная задача и что разрешению этой трудной задачи ничто не должно мешать. Как может быть осуществлена мобилизация? Проблема кажется нам трудной, принимая во внимание очевидную недостаточность транспорта и вопросы финансовые. Но все же это — вопрос настойчивости. Если аппарат, как это нужно думать, будет еще усовершенствован — советская армия, по отзывам экспертов, будет представлять совершенно первоклассную силу.

Красноармейцы в колхозе Союзфото

Я имел возможность посетить, расположенный в лесу в нескольких километрах от Москвы, учебный лагерь. Там с 15-го марта до 15-го сентября функционирует военная школа ЦИКа, в которой обучается 2 000 человек. В каждом из бараков имеется предназначенный для лекции зал, так называемый «ленинский уголок». В одном из них женщина, кстати сказать, очень любезная, в военной форме и с револьвером у пояса, читает лекцию о фашизме. Она при нас задает вопросы. И я слышу, как в ответах мелькают слова «буржуазия» и «капитализм». В другом зале преподает учитель математики. Нынче выходной день. Под соснами играет оркестр. Пение и танцы на эстраде. Поют дальневосточные, уральские и сибирские песни. Чудесное пение, отмеченное юными ритмами, темпами и оттенками. В тембрах его есть что-то восточное. В рубашках цвета хаки, в сапогах и в синих штанах, безукоризненно одетые красноармейцы веселятся, как дети. Неподалеку жены командиров по-летнему легко одетые, играют в мяч или теннис. Осведомляюсь у командира лагеря о размере окладов. Ответ гласит: для учащихся 1-й год 30 рублей в месяц, во 2-й год—40 рублей, и в 3-й год —50 рублей. Обо всех нуждах заботится государство. Оклад командиров от 250 до 500 рублей в месяц, но они обеспечены помещением, пищей и, кажется, одеждой. Спрашиваю о дисциплине. «Очень строгая», отвечает мне начальник, «но к наказаниям прибегать нам приходится очень редко». Замечаю, что честь отдают на французский манер и должен сказать что повсюду, где бы нам ни пришлось встретиться с красными командирами, они проявляли в отношении нас самую большую предупредительность.

«Что бы вы хотели осмотреть еще?»— осведомляются у нас. Нам хотелось бы теперь составить себе точное понятие об экономической жизни Союза.

Организацию советской торговли лучше всего можно изучить в Москве.

Назначение Музея экспорта — облегчить развитие внешней торговли, монопо-

лизированной государством и поддерживаемой двадцатью одной организацией внутри страны и представительствами за границей. Музей должен также внушить трудящимся, что необходимо производить безупречные по качеству товары, в точности соответствующие твердо установленному стандарту, для того, чтобы бороться с неблагоприятным мнением о русских товарах прошлого, и ныне еще вредно отражающемся на их сбыте за границей. «Мы хотим,— заявляет мне директор,— продавать больше, чтобы иметь возможность покупать в большом количестве. Мы хотим, согласно указаниям Сталина, вывозить, чтобы иметь возможность ввозить». Обратимся прежде всего к статистическим данным. Они наводят на размышления. В мировой промышленной продукции СССР стоял в 1928 году на пятом месте после Соединенных Штатов, Германии, Великобритании и Франции. В 1932 году СССР занял второе место после Соединенных Штатов, обогнав Великобританию и Францию. В 1925 году на долю СССР пришлось 2,8 процентов мировой продукции; в 1931 году — 11,2 процента. Его участие в мировой торговле выражалось в 1929 году в 1,3, в 1932 году — 2,5 процента.

Подойдем к этому вопросу поближе. В 1932 году экспорт повысился до 800 миллионов золотых рублей, а ввоз до 780 миллионов. Стремятся по возможности уравновесить баланс. Лучшим годом был 1930 год.

Постараемся еще более уточнить наши данные. В 1932 году самая деятельная торговля велась с Великобританией (экспорт 134 миллиона золотых рублей, импорт 94 миллиона золотых рублей), на втором месте крупный поставщик — Германия (98 миллионов экспорта и 324 миллиона рублей импорта); на третьем месте Монголия (41 миллион рублей экспорта, 9 миллионов рублей импорта). Рассмотрим, как обстоят дела с Францией. В 1913 году экспорт равнялся 100 миллионам золотых рублей, а ввоз 57 миллионам. В 1932 году 28 миллионов вывоза и 4 миллиона ввоза.

Становится ясным, что нужно предпринять какие-то меры: мы оказываемся позади Монголии. Может ли служить утешением, что Соединенные Штаты стоят еще дальше нас: 17 миллионов вывоза и 31 миллион ввоза? На Черном море совершенно отсутствует французское судоходство, печальный пробел, который пора бы было восполнить. Советский Союз предлагает продавать нам лес, нефть, марганец, лен. Он хотел бы покупать у нас оборудование и машины.

Музей, познакомивший нас с этими цифрами, знакомит также с достижениями советской промышленности и торговли. Прежде всего и в особенности стремятся к стандартизации продукции по образцам высокого качества. Улучшают качество льна. Россия до войны покупала на 114 миллионов золотых рублей хлопка, теперь же ей требуется лишь немного египетского хлопка, и она начинает сама экспортировать хлопок. Для улучшения качества пушнины[1] в Москве, Ленинграде и Казани выстроены специальные фабрики. Экспортируются самые разнообразные товары: консервы, икра, конечно, трепанг, на который имеется спрос в Китае. Организуется производство медикаментов, в частности иода и его продуктов. Продают также уральские камни, хотя малахит уже исчезает. Начинают экспортировать сельскохозяйственные машины. Афганистан и Персия покупают у Союза хлопчатобумажные ткани с восточными рисунками. Греция, Италия, Испания и даже Соединенные Штаты пользуются донецким антрацитом. Нефть остается попрежнему большим источником экспорта. Вывоз ее, равнявшийся 50 миллионам рублей в 1913 году, достигает 107 милилонов рублей в 1927 году и 157 миллионов в 1930 году. Это высшая точка, после которой размер вывоза продолжал увеличиваться, но доход в целом из-за падения цен, уменьшился. Чтобы дополнить эту и без того богатую картину, упомянем о неимеющем соперников уральском асбесте; кроме того, имеются еще каолин, хром, марганец. Наконец, подле Мурманска обнаружены большие залежи фосфатов.

Наши торговые сношения имеют тенденцию улучшиться.

11-го января 1934 года на Quai d'Orsay было подписано временное торговое соглашение между Францией и Советским Союзом; со стороны Франции — Поль Бонкуром, Лорен Эйнаком, Раймондом

---

[1] Экспортируемой пушнины.

Патенотром, а со стороны Советского Союза—Довгалевским и Островским. «Настоящий торговый договор»—по заявлению Поль Бонкура. Союз выразил согласие предоставить на протяжении 1934 года французской промышленности на 250 миллионов франков заказов.

Гарантией оплаты поставок является советская нефть. Это соглашение восстанавливало до известной степени наш торговый баланс. Но значение его по словам Довгалевского было гораздо больше: оно заменило фактические отношения, не имевшие юридической базы, прочным режимом, над улучшением которого в будущем нужно будет еще поработать.

В вопросах общественно-бытовых новый режим стремится к созданию учреждений коллективного типа. Посещаем фабрику-кухню в Красно-Пресненском районе. В ней изготовляют обеды, закуски и кондитерские изделия. Она поставляет ежедневно 93 000 блюд, 25 000 из коих потребляются на месте. Иные из этих кушаний продаются в вполне готовом виде, другие в виде полуфабрикатов. Выстроена она была в 1929 году, обслуживается 1 200 человек и, по установленному Сталиным принципу, работает на хозрасчете. Есть у нее свои фермы, кроме того она заключает договоры с самыми крупными совхозами. Ей разрешается пользоваться одним процентом прибыли на кушаниях и тремя процентами на кондитерских изделиях. Прибыль эта идет на расширение социально-бытовых учреждений. Не представляя последнего слова техники, фабрика-кухня все же хорошо организована. Имеется лаборатория для анализа пищи, порции тщательно взвешиваются. В вестибюле — книжный ларек поставляет потребителям газеты и книги, до которых так падки русские.

Организовывается и теплофикация целых районов. На берегу реки в центре Москвы, против бывшей Китайской стены находится Центральная электрическая станция, которая не только освещает, но и отапливает городские здания. Мощность ее теперь равняется 115000 киловатт. Вместо того, чтобы направлять выходящий из турбин пар в обыкновенные конденсаторы, она использует его для нагревания воды, начинающей циркулировать под давлением в 12 атмосфер и при температуре в 120 и 130°. Она оборудована машинами Виккерса или Броун-Бовери. Зимой 1933—1934 года она уже поставляла 80 миллионов калорий-часов. Главный трубопровод обслуживает Кремль, три театра, универсальные магазины Красной площади, несколько комиссариатов и Дворец Труда. Обслуживает он также и бани. Имеются и другие центральные отопительные станции, некоторые из них уже функционируют, другие только строятся. Одна из станций, находящаяся в одном из рабочих кварталов, обслуживает 50 000 человек. Разрабатываются проекты еще более крупные.

Предъявляются к науке также требования организовать здравоохранение. Нет надобности прибегать к статистическим данным, чтобы утверждать, что смертность и рождаемость достигали в прежней России очень высоких цифр. Теперь смертность снизилась в очень значительной пропорции. Нет спора, что жизненные условия для классов, в прошлом привилегированных, стали менее приятными, но для массы они значительно улучшились. Количество народонаселения, благодаря этому, быстро возрастает. Если даже мы ограничимся в исчислении годового прироста населения цифрой в три миллиона жителей, этот прирост оказался бы больше, чем прирост во всей остальной Европе (который исчисляется Рубакиным в 2 750 000 человек). Нет надобности подчеркивать всю значительность этого факта.

Принципом советской медицины является бесплатность врачебной помощи для трудящихся. В каждой из федеративных республик имеется свой народный комиссариат здравоохранения, местные и областные организации. В них обычно имеются три главных секции: лечебная, санитарно-эпидемическая и по охране материнства и младенчества. Окончивший курс учения врач, прежде чем начать практиковать, должен пройти годовой стаж. Практиковать он может только по своей специальности.

Здесь снова обнаруживается расхождение между советским понятием науки и нашим. «Врач,— пишет Рубакин,— должен изучать философию марксизма». Мы не можем предписывать нашим практикующим врачам такое интеллектуальное

подчинение. Существует, впрочем, как-будто не мало колебаний, по вопросу о роли теории и практики преподавания медицины, по вопросу об экзаменах и т. д. Рубакин описывает в каррикатурных чертах западную медицину. Советское государство, впрочем, не воспрещает частной практики, но относится к ней неодобрительно, так же как оно не допускает и профессиональной врачебной тайны. В большинстве случаев врачи, число которых еще недостаточно, состоят на жаловании. Советские граждане и иностранцы, получившие диплом в своей стране, приобретают право практиковать после стажа и дополнительного экзамена. Небезынтересно отметить, что даже Рубакин признает, что 96 процентов врачей не члены коммунистической партии.

Старая Россия была излюбленной эпидемиями страной: оспа, сыпной тиф, дизентерия, брюшной тиф, холера. Лаборатории наблюдают за основными очагами чумы на Северном Кавказе, на северо-востоке Каспийского моря и в Монголии. Обязательное оспопрививание введено было в 1921 и 1924 годах. Возрастает число предварительных прививок против дифтерита детям и против брюшного тифа взрослым. Организована борьба с сибирской язвой, водобоязнью, трахомой и болотной лихорадкой.

Советский Союз развернул борьбу с туберкулезом, создав большое число диспансеров. Все южное побережье Крыма обращено в сплошную здравницу. Каждая из республик обязана организовать борьбу с венерическими болезнями, еще недавно весьма распространенными. По приведенным Рубакиным данным, проституция значительно уменьшилась. Прежних проституток при помощи труда возвращают к осмысленной жизни.

Врачи должны наблюдать также и за санитарной охраной труда. Из соображений гигиены рабочий день сводится на практике к семи часам; после шести месяцев работы рабочий имеет право на отпуск в пятнадцать дней. До четырнадцати лет воспрещается всякий оплачиваемый труд. Социальное страхование страхует от ряда несчастных случаев, также и от безработицы; незастрахованные крестьяне имеют тоже права на бесплатную медицинскую помощь. Аптеки совершенно утратили свой коммерческий характер.

Новое здание диспансера — Союзфото

Все они принадлежат теперь государству. Не существует больше ни секретных рецептов, ни патентов. Но самое интересное в организации здравоохранения Союза—это то, что касается климатических станций и морских купаний. Курорты становятся «кузницами здоровья трудящихся». По инициативе Ленина созданы были дома отдыха для рабочих, где они могут проводить время своего отпуска.

В консультации — Союзфото

Диэтстоловая для матерей Союзфото

Рубакин, конечно, лишний раз еще преувеличивает контраст, когда, говоря о физической культуре и спорте, обвиняет другие народы в том, что у них они практикуются только в коммерческих интересах. Но бесспорно, что в этой области в Советском Союзе сделано очень много. Московский стадион — на 140 000 мест. Ленинградский — 120 000 мест. Санитарная пропаганда применяет самые разнообразные приемы: выставки, лекции, брошюры и книги, радиовещние, кинематограф. И здесь в этой области опять обнаруживается приверженность Советского Союза к науке.

Областной музей охраны материнства и младенчества в Москве знакомит нас с созданными для женщины новыми условиями. Теперешняя роль женщины в строительстве демонстрируется рядом картин, изображающих ее, как работницу на заводе, летчицу, в роли начальника станции и т. д., женщина пользуется при этом теми же правами и так же оплачивается, как и мужчина. Очень выразительные плакаты напоминают о том положении, которое занимала женщина при старом режиме. В своей драме «Власть тьмы» Лев Толстой вкладывает в уста одного из своих персонажей Митрича следующие слова: «Деревенская баба что? Слякоть одна. Все как кроты слепые. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик, тот хоть в кабаке, а то и в замке, случаем как я, узнает кое-что. А баба что? Кто вас учит. Только пьяный мужик поучит когда вожжами». Поэт Некрасов рисует также эту вечно согнувшуюся над нивой «дочь рабского народа, мать наших детей». Теперь же при каждых яслях, при каждом учреждении по охране материнства имеется юридическая и социальная консультация, где разъясняют трудящейся женщине ее права в вопросе установления отцовства, алиментов, в вопросах жилищных и т. д. Стремятся к тому, чтобы, не доводя дело до суда, уладить эти затруднения полюбовно. Добровольные обследовательницы, выясняющие на месте обстоятельства дела,—устанавливают например, нужно ли способствовать в данном случае разводу или препятствовать ему, — они помогают работе этих консультаций.

Каждое 8-е марта — ежегодный праздник женщины. Гражданскому кодексу царских времен, очень, кстати сказать схожему, в области брачного права с кодексом французским, теперь противополагается учение Ленина об отмене женского бесправия. Лица, вступающие в брак, должны достигнуть весемнадцатилетнего возраста; их обязуют осведомляться взаимно перед вступлением в брак о состоянии здоровья каждого из них. Муж, заразивший жену, наказывается тремя годами тюрьмы. Выходя замуж, женщина может сохранить свою девичью фамилию или же принять фамилию мужа. Муж может принять фамилию своей жены. Она свободно избирает свою профессию. Имущественные дела улаживаются по взаимному соглашению. Преступления, совершенные под влиянием страсти, караются более строго, чем другие убийства (уголовный кодекс, ст. 136). Женщина, фактически живущая в браке, имеет те же права, что и законная жена. Что же касается установления отцовства, то беременная женщина может указать в бюро записей гражданского состояния отца ребенка; ему дается месячный срок, чтобы опротестовать это заявление перед судом, если он это заявление не опротестует, он обязан платить алименты. Права внебрачного ребенка очень широки. Он может претендовать и на наследование, которое допускается в известных пределах. Рожденные вне брака дети получают те же права, что и дети законные (закон от 18-го декабря 1917 года). Интересам ребенка всегда отдают предпочтение перед правами родителей. Телесные наказания строго преследуются.

Советский строй открыл сеть яслей, работающих днем и ночью. Статистика открытых в Московской области с 1929 года для охраны женщины и ребенка учреждений свидетельствует о непрерывном росте их. Практикуется также ознакомление матери с необходимыми правилами гигиены, применительно к тем условиям, в которых она живет. Закон требует того, что называется необходимым санитарным минимумом.

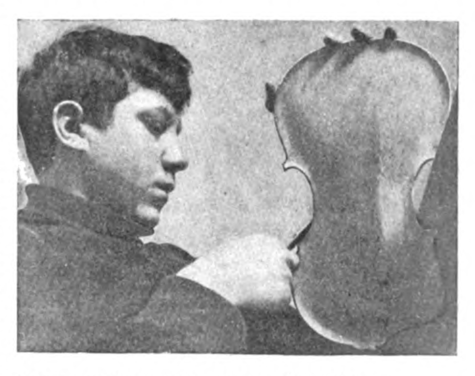
Я касаюсь во время моего посещения очень щекотливого вопроса — собеседницами моими являются женщины-врачи. Правда ли что разрешается препятствовать деторождению? В ответ получаю длинные и сложные объяснения. Продолжаю настаивать. В результате выясняется, что известный род пропаганды, запрещенный во Франции законом,—здесь разрешен. Что же касается врачебного вмешательства, то оно допускается лишь при очень строго определенных условиях и исключительно в государственных клиниках. Акушеркам заниматься такой практикой запрещается под угрозой строгого наказания. Советский строй так же, как и во Франции, допускает лишь вмешательство врача, под контролем специальной комиссии. Но в то время, как во Франции врач может руководствоваться исключительно научными соображениями в интересах сохранения жизни матери и ребенка, в России врачи принимают в расчет и соображения общественного характера. «Но только врач и один лишь врач». Эта формулировка, предложенная мною женщинам-врачам Областного музея, показалась им вполне точно резюмирующей положение вещей в этой щекотливой области.

Две основные руководящие идеи преобладают в воспитании ребенка: во-первых—при помощи солнца, воздуха и воды наделить его хорошим здоровьем, во-вторых— воспитать его в духе коммунизма. Я снова ставлю вопрос: «Уже с такого возраста?» Фактически особенно стремятся к тому, чтобы приучить ребенка к труду и привить ему чувство альтруизма. Приучают, например, малышей помогать друг другу одеваться. Но,—объясняют мне также, — вопрос идет и о том, чтобы по возможности рано внушить ему принципы советского строя. Здесь еще раз обнаруживается контраст между отношением к этому вопросу советского режима и нашей теорией нейтралитета. С этой оговоркой, очень впрочем существенной, не считая также некоторого показавшегося мне чрезмерным пользования псевдонаучными теориями, как например, теориями, касающимися воспитания моторной способности ребенка, — вся техническая организация яслей и охраны материнства показалась мне превосходной. Лишний раз восхищаешься исключительной чистотой, порядком, разделением труда. Музей делает большую честь его заведующей Кармановой.

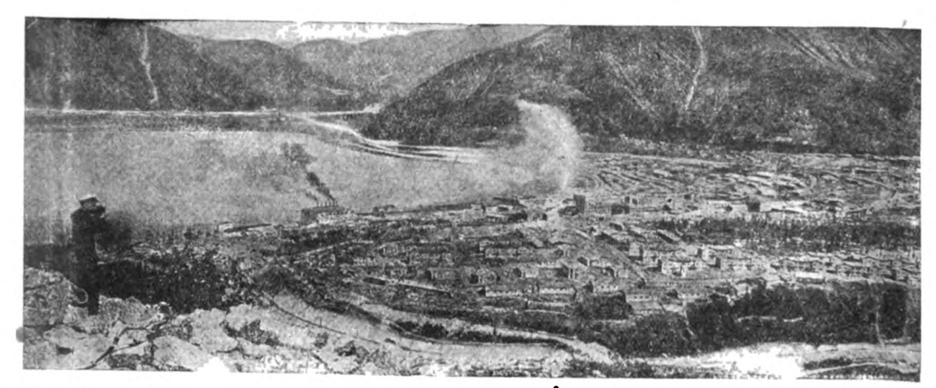
В детском комбинате Трехгорной мануфактуры

Несколько отдельных учреждений показались здесь нам достойными того, чтобы быть отмеченными. Колхозные ясли-передвижки, например, или же в городах — организация коллективных прогулок (весьма желательных и для наших детей во Франции), или же меры, приня-

Скрипичный мастер в мастерской комбината

тые для помощи матерям, путешествующим с детьми. На всех московских вокзалах имеются для них специальные залы ожидания; при этих залах—спальни и уборные; дети получают там молоко и ту жидкую кашицу на крахмале из картофельной муки, которая называется киселем. На некоторых железнодорожных линиях устроены даже вагоны для матерей с детьми, с душами, маленькими умывальниками, специальными электрическими шкафами для сушки, с ледниками для молока. Длина переездов обусловливает, правда, необходимость этих мер, но от этого они не менее достойны похвалы. В купе могут подвешиваться маленькие постели-гамаки. Вся совокупность мер, направленных к охране матери и ребенка, изучается и согласуется областными научными институтами; в Ростове или Новосибирске, в Киеве или Минске, в Тифлисе или Баку—принципы остаются все те же. «Теория,—по учению Сталина,—вооружает практику».

Панорама гор. Кировска

Ответственный редактор **М. Горький.** Заведующий редакцией **В. Бобрышев.** Художник журнала **И. Запеини**
Выпускающая **Т. Кауфман**
Адрес редакции: Москва, Спиридоновка, 2

Уполн. Главлита Б-4396. З. Т. 54. Колич. знаков в 1 п. л. 56 000 СтАг Б5—176×250 мм. Тираж 38 000
Сдано в набор 20/I-35 г. Подписано к печати 27/III—7/IV-35 г.
Издание выпущено в 39-й тип. Мособлполиграфа. Проезд Скворцова-Степанова, 3.
Тифдручные работы выполнены 7-й тип. Мособлполиграфа.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗ-ВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 Г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ:

Москва

Красная Новь

15-й год издания.
Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики.
Орган Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: Вл. Бахметьева, Ф. Березовского, В. Ермилова, Вс. Иванова, И. Луппола, Ф. Панферова, А. Фадеева, М. Шагинян
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.

ЗНАМЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал
5-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
Под редакцией: В. С. Вишневского, А. Исбаха, А. Косарева, М. Ланда, В. Луговского, А. Новикова-Прибоя, С. Рейзина, М. Субботского.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 м.—6 р.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Под ред. М. Горького
Единственный в СССР иллюстрированный журнал художественного очерка
7-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год 15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 75 к.

Интернациональная литература

Центральный орган международного объединения революционных писателей — МОРП.
Год издания 6-й. Отв. ред. С. Динамов.
С 1935 г. выходит 12 раз в год.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—18 р., на 6 мес.—9 р., на 3 мес.—4 р. 50 к.

ОКТЯБРЬ

11-й год издания
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
Орган Союза советских писателей СССР.
Редколлегия: А. Афиногенов, А. Безыменский, А. Жаров, В. Ильенков, А. Исбах, И. Нович, К. Огнев, Ф. Панферов, А. Сурков, М. Шолохов.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы.
3-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
Редколлегия: И. Гронский, С. Динамов, К. Зелинский, Б. Иллеш, В. Кирпотин, В. Киршон, Г. Лебедев, М. Розенталь, А. Серафимович, В. Сутырин, Е. Усиевич, П. Юдин.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 руб.

30 дней

Первый в СССР художественный, литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный ежемесячник в красочной обложке.
11-й год издания.
Отв. ред.—П. Павленко.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.

РОМАН-ГАЗЕТА

9-й год издания.
Ежемесячный массовый журнал художественной литературы
Ответ. ред. И. Беспалов.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—6 р., на 6 мес.—3 р., на 3 мес.—1 р. 50 к.

Ленинград

ЗВЕЗДА

12-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
Орган Ленинградского Союза советских писателей.
Отв. редактор Д. Белицкий. Зам. отв. редактора Н. Тихонов.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес. 6 р.

Литературный современник

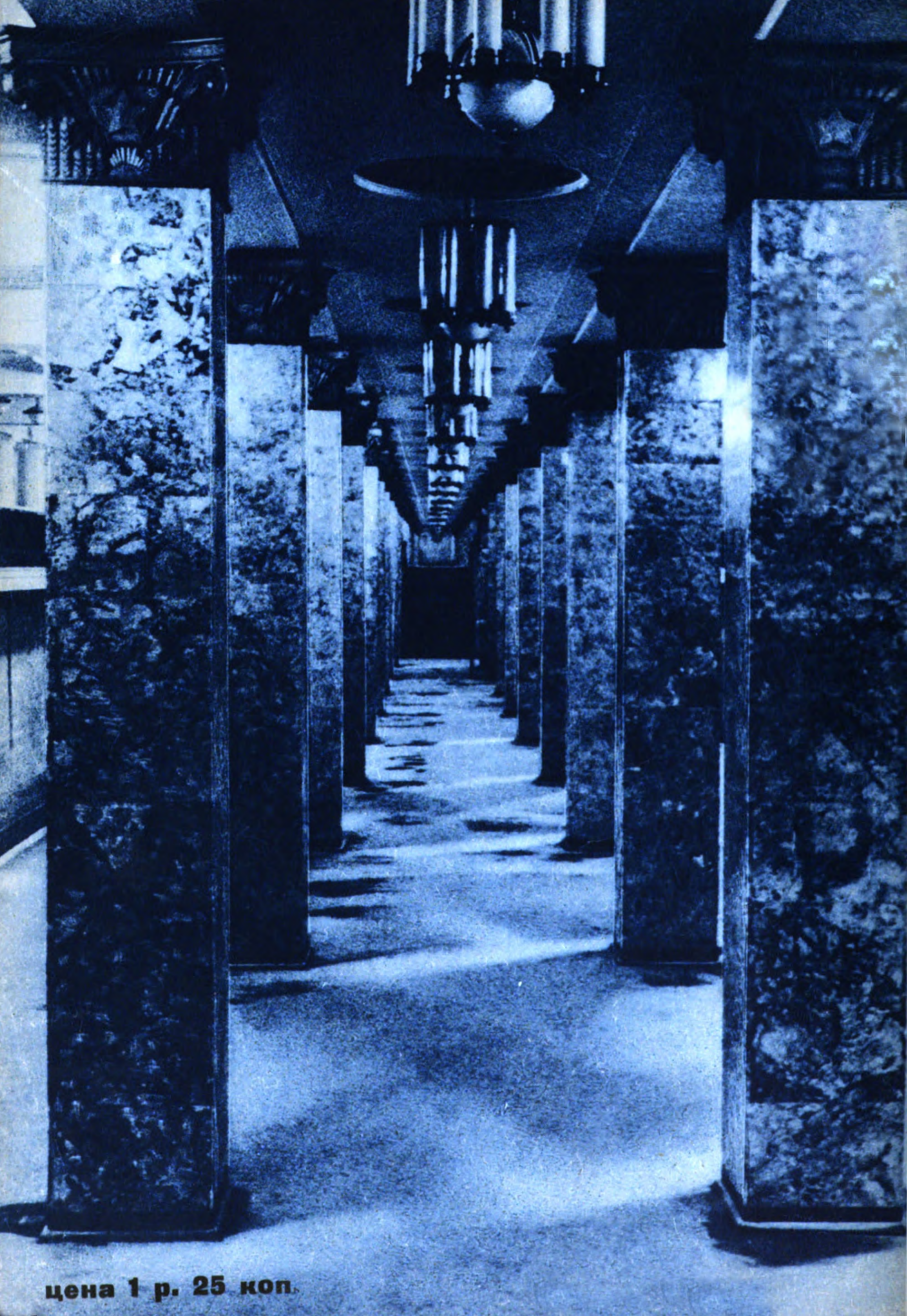
3-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
Ежемесячный литературно-художественный журнал.
Отв. редактор З. Б. Лозинский.
Зам. отв. редактора М. Э. Козаков.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.

РАБОЧИЙ и ТЕАТР

11-Й ГОД ИЗДАНИЯ.
Двухнедельный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам театра, музыки, кино, цирка и эстрады
Отв. редактор П. Чагин.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—14 р. 40 коп., на 6 мес.—7 р. 20 к., на 3 мес.—3 руб. 60.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными КОГИЗ, а также повсеместно на почте. Заблаговременная подписка гарантирует аккуратное получение журналов.

СОДЕРЖАНИЕ

цена 1 р. 25 коп.